

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 4

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 4

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022. Vol. 44, No 4

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrSU.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Щепкин В. В.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Образ Петра I в Японии периода Мэйдзи	80
Воронин А. В., Гайнутдинов Р. К., Самородов В. Н.		Харитонова А. М.	
Становление российской государственности в		Формирование представлений вьетнамцев о Пе-	
Европейской Арктике и формирование полити-		тре Великом во вьетнамоязычных образователь-	
ко-правовых взглядов Авраамия Палицына.	8	ных ресурсах	90
К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ		ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
ПЕТРА ВЕЛИКОГО		Гурьева А. А.	
Минаева Т. С., Хребтов Н. А.		Российский царь Петр Великий и литературные	
Участие военнотолужащих в осуществлении та-		путешествия южных корейцев	96
моженного надзора в России в конце XVII – пер-		ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
вой четверти XVIII века.	18	Васьилева О. В.	
Пашков А. М.		Лексема <i>кожа</i> и ее дериваты в Словаре обиход-	
200-летний юбилей Петра I в переписке столич-		ного русского языка Московской Руси	102
ных историков и петрозаводских краеведов	28	Русанова С. В.	
Андреева Е. Г., Ланькова Е. В., Маяцкий Д. И.		Книжно-славянские элементы в языке междуна-	
Образ Петра Великого в сетевой и научно-попу-		родных юридических документов Московской	
лярной литературе на китайском и английском		Руси второй половины XVII века	109
языках	43	Рецензии	
Гарганц М. Г.		Иванова Т. Г.	
Советизация Петра I в пьесе А. Н. Толстого «На		Рец. на кн.: Урванцева Н. Г. Петр Великий как	
дыбе»: поиск марксистской формулы образа царя . . .	52	фольклорный герой Русского Севера: библиогра-	
Старицын А. Н.		фический указатель	116
Заселение староверами Выговского суземка	59	Черткова Е. Л.	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		Рец. на кн.: Индивидуальная и коллективная па-	
Самойлов Н. А.		мать в цифровую эпоху: Коллективная монография .	119
Китайское направление внешней политики Пе-		Contents	124
тра Великого	69		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 31.05.2022. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 58

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор ПетрГУ
А. М. Пашков

Alexander M. Pashkov,
Editorial Council Member
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Майский номер журнала выходит в дни, когда отмечается 350-летие со дня рождения Петра I (будущий реформатор родился 30 мая 1672 года (9 июня по новому стилю)). Петровский юбилей широко отмечается по всей стране. В апреле состоялась конференция в Архангельске «Петр I: у истоков Российской империи», организованная Архангельским краеведческим музеем. В мае в Москве в Институте российской истории РАН прошла конференция «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России». В июне петербургский Институт Петра Великого будет проводить XV Международный Петровский конгресс; тогда же, в июне, в Петрозаводске состоится подготовленная нашим университетом и Национальным музеем РК конференция «Материальное и нематериальное наследие Петровской эпохи на Русском Севере». Осенью запланированы конференции по петровской тематике в Воронеже, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге (СПбГУ и Санкт-Петербургский институт истории РАН), в Москве (Высшая школа экономики) и других городах.

На протяжении своей жизни Петр I неоднократно бывал на севере. В 1692, 1693, 1702, 1722 и 1724 годах он проездом посещал Вологду и Великий Устюг, в 1693, 1694 и 1702 годах долгое время жил в Архангельске, причем в 1693 и 1694 годах совершил оттуда плавание по Белому морю до Терского берега (южный берег Кольского полуострова), а в 1694 и 1702 годах побывал на Соловках. В 1702 году состоялся знаменитый поход Петра в сопровождении войск и свиты по Осударевой дороге от села Нюхча на Белом море до селения Повенец на Онежском озере, и, наконец, в 1719, 1720, 1722 и 1724 годах Петр ездил на курорт «Марциальные воды», посещая по пути Олонец и Петровский завод (ныне Петрозаводск). Поэтому неудивительно, что для нашего журнала петровская тема – одна из традиционных. Еще одним доказательством этого является данный выпуск, авторами которого стали ученые из Архангельска, Москвы, Новосибирска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга. Тематический охват довольно широк: от местных материалов до вьетнамских, китайских, корейских, японских исследований, связанных с именем Петра I.

Надеемся, что новый номер журнала будет интересен широкому кругу читателей, а нынешний юбилей послужит толчком к дальнейшему изучению Петровской эпохи.

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ ВОРОНИН

доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Мурманский государственный технический университет
(Мурманск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3392-7331; crowss57@yandex.ru

РАВИЛЬ КАМИЛЕВИЧ ГАЙНУТДИНОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Мурманский государственный технический университет
(Мурманск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0255-1191; pohjola@mail.ru

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ САМОРОДОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Мурманский государственный технический университет
(Мурманск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2844-2188; samorodovvn@mstu.edu.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКЕ И ФОРМИРОВАНИЕ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА**

А н н о т а ц и я . В условиях заметного усиления внимания к Арктике в настоящее время актуальной задачей представляется выявление тех причин, по которым Россия стала одной из ведущих арктических держав. Статья представляет собой первую попытку показать взаимосвязи между становлением российской государственности в Арктике и формированием политико-правовых взглядов одного из непосредственных участников и организаторов этого процесса – известного средневекового русского публициста Авраамия Палицына. Авторы подчеркивают, что в Западной Арктике (на Кольском полуострове) на протяжении практически всей истории Российского государства начиная с XVI века существовал единственный стабильный участок границы, не изменившийся до сегодняшнего дня. Участие в деятельности по установлению контроля над этой территорией для Авраамия Палицына стало важной вехой в формировании его представлений о взаимоотношениях государства и общества в целом, положив начало становлению политико-правовых взглядов, развитых впоследствии в его публицистике. Тогда как исследователи при анализе взглядов А. Палицына обычно использовали традиционные средства качественного анализа авторами в работе впервые применен метод контент-анализа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Российское государство, Смутное время, Север, Кольский Север, Арктика, Авраамий Палицын, контент-анализ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Воронин А. В., Гайнутдинов Р. К., Самородов В. Н. Становление российской государственности в Европейской Арктике и формирование политико-правовых взглядов Авраамия Палицына // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.763

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших элементов государственности является суверенитет или верховенство государственной власти на определенной территории, обычно называемой государственной и представляющей «трехмерное пространство, которое включает пространство под и над территорией, ограниченной т. н. государственной границей» и являющейся «пространственной сферой

действительности государственного правопорядка» [2: 353]. В то же время эти территории, а соответственно, и границы не являются абсолютными и неизменными, имея наряду с пространственной и временную протяженность, они могут расширяться, сужаться и даже исчезать. В этом отношении характерной чертой эволюции пространственно-временных пределов российского государственного суверенитета

на протяжении его истории является их крайне высокая степень подвижности практически на всем периметре. Начиная с XVI века, когда Российское государство приобрело вид более или менее близкий к современному (Древнюю Русь IX–XV веков следует, с нашей точки зрения, рассматривать как период предыстории, становления Российского государства), оно неоднократно переживало как периоды резкого расширения, так и не менее резкого сужения территории своей юрисдикции, не говоря уже о более частных, хотя при этом весьма значительных перемещениях границ. Едва ли не единственным исключением здесь выглядит небольшой участок границы, проходящий по западноарктической территории – Кольскому полуострову (Мурману), который окончательно сформировался в XVI веке и практически не изменился вплоть до сегодняшнего дня¹. И это при том, что на данном направлении сложилась вполне конкурентная международная ситуация: в разное время (в разных формах и с различной силой давления) несколько государственных образований (оказывавшихся между собой в разных политических сочетаниях) претендовали либо на часть, либо на весь Кольский полуостров – Норвегия, Дания, Швеция.

Несомненно, в силу очевидной периферийности территории с незначительными природными ресурсами, немногочисленным населением и экстремальными арктическими условиями существования человека эти государства выделяли сравнительно небольшие силы для установления здесь своего контроля. Но, вероятно, главным фактором сохранения этого пространства стало противодействие, которое встречали эти усилия со стороны жителей Кольского полуострова и их «союзников» – сначала в лице Новгородской «метрополии», а затем Российского государства². Именно жесткость дипломатической и военной позиции России в сочетании с успешной борьбой против вооруженных вторжений, показавшая ее способность не допустить установления контроля над Мурманом со стороны других претендентов, окончательно закрепили эту территорию за Россией. Такая позиция Российского государства начала формироваться сразу после перехода Кольского полуострова в его состав как части новгородских владений и выразилась в простой и лаконичной формуле, выраженной в словах царя Ивана IV: Кола и Печенга – «наши исконные вечные вотчинные земли»³. Такой подход опирался на представление о Кольском полуострове («Лопской земле») как территории, принадлежавшей Великому Новгороду и Двинской земле, рас-

считывавшихся русскими монархами как давние их держания⁴.

Именно деятельность правительства Ивана IV и стала решающей в закреплении Кольского полуострова за Россией. Именно оно, используя в качестве повода действия датчан против торговых кораблей, идущих в Россию, направило сюда вооруженные силы во главе с воеводой, обозначив создание здесь стандартного для того времени военно-административно-территориального округа – воеводства, ставшего, в свою очередь, основой создания административно-территориальной единицы Российского государства – Кольского уезда.

* * *

Первым воеводой, создававшим систему государственного управления и контроля в этом регионе, стал Аверкий Палицын, впоследствии ставший довольно заметной фигурой эпохи Смутного времени (как старец Авраамий) не только в качестве одного из организаторов сопротивления антигосударственным элементам и восстановления российской государственности, но и как автор одного из самых известных произведений об этих событиях – «Истории в память впредьидущим родом». Недаром его фигура изображена в виде горельефа на памятнике «Тысячелетие Руси» (1862).

Биография Аверкия Ивановича Палицына (а также его произведение) изучается исследователями уже на протяжении двух веков, поэтому, несмотря на сохранение отдельных лакун и сюжетов дискуссионного характера, весьма неплохо известна, став неотъемлемым элементом большинства литературных и исторических справочников и энциклопедий⁵.

Впервые имя Палицына, родившегося, по видимому, около 1550 года⁶, встречается в десятне Московского уезда 1578 года как «сына боярского», находящегося на службе в «Москве без выезду», из тех, кто «собою добр» и кого «посылают... на всякие государевы дела»⁷. Исходя из того, что список составлялся после Ливонского похода царя Ивана IV 1577 года и что Палицыну был увеличен земельный оклад, можно предположить его участие в этом походе. Следующее продвижение Палицына по служебной лестнице как раз и связано с Кольским краем, куда в 1582 году он назначается воеводой⁸. Хотя документов, непосредственно касающихся его назначения и пребывания на этой должности, нет, на основании сведений голландского купца Симона ван-Салингена и ряда других источников мы можем сделать вывод о том, что Палицын пришел в г. Колу во главе отряда стрельцов и за

недолгое (год-полтора) время своего воеводства сумел провести значительную работу по созданию и налаживанию деятельности государственных и торговых учреждений: им были организованы ямская гоньба и почта, взимание торговых пошлин и промысловой десятины с промышленников и купцов, строительство в городе гостиного двора для иностранных купцов, установление весов с норвежскими гирями⁹. Заметим, что большинство мероприятий, проведенных Палицыным, имеет организационно-хозяйственный, а не военный характер. По-видимому, это отличительная черта самого Аверкия Палицына, впоследствии неоднократно проявлявшаяся и в административной, и в церковной деятельности, – стремление искать мирного решения любых вопросов и интерес к хозяйственной стороне дела. Неудивительна и его последующая известная нам карьера преимущественно администратора-хозяйственника: летом – осенью 1584 года он был одним из «государевых посланников» («служилых людей», посылаемых для сбора чрезвычайных податей или сыска сбежавших закладчиков-должников или беглых крестьян) в Двинской земле¹⁰; в 1585–1586 годах – «дозорщик» (составитель «дозорных книг», описывавших соотношение размера налога платежеспособности населения) в Темниковском и Шацком уездах¹¹; в 1587–1588 годах – один из составителей «памяти» (наказа) для наделения землей детей боярских и дворян Арзамасского уезда¹².

В 1588 году его служебная карьера неожиданно прерывается: он попадает «в опалу», причины которой нам остаются неизвестными. Правда, ряд исследователей, сопоставляя время опалы с «делом» о заговоре князей Шуйских против Бориса Годунова, выдвигают версию о его участии в дворцовой борьбе¹³, однако представляется более обоснованным мнение тех ученых, которые, как Я. Г. Солодкин, полагают, что «среднепоместный дворянин, которого раз за разом мы застаем вдали от Москвы, едва ли мог принимать активное участие в борьбе вокруг престола» [9: 183]. Опала означала конфискацию имущества и длительную ссылку, продолжавшуюся 12 лет, значительную часть которой А. Палицын провел в Соловецком монастыре. Несмотря на то что в этот период он иногда привлекался к выполнению тех или иных административных поручений, как, например, в 1596 году для организации описания дворцовой Ново-Никольской слободы Казанского уезда, возможность возвращения на государеву службу для него выглядела весьма призрачной. А вот тесное знакомство с монастырской жизнью и монастырским хозяй-

ством, по-видимому, сформировало у Палицына идею о перспективности духовной карьеры. После того как в 1597–1598 годах он принимает постриг и становится монахом Соловецкого монастыря, его продвижение на этом поприще выглядит весьма стремительным: инок Троице-Сергиева монастыря в 1600 году, уже в 1601 году он становится управляющим подворьем, а затем – управляющим Свяжским Богородицким монастырем, откуда в 1602 году возвращается в Соловецкий монастырь, где занимает в течение года должность келаря (эконома, управляющего хозяйством). Пиком карьеры становится должность келаря крупнейшего и влиятельнейшего в России Троице-Сергиева монастыря, которую он занимал в течение 13 лет, с 1608 по 1620 год.

Значительная часть этого периода пришлось на один из самых драматических этапов развернувшейся с начала XVII века гражданской войны или Смуты начала XVII века, активным участником которой и стал келарь Троице-Сергиева монастыря. Его деятельность в условиях Смуты носила весьма сложный, порой зигзагообразный характер. Являясь первоначально сторонником царя Василия Шуйского, которому он помогал в обеспечении осажденной Москвы продовольствием во время осады «тушинцами», Палицын, вероятно, к концу его правления присоединился к сторонникам воцарения Михаила Скопина-Шуйского. Войдя в состав «великого посольства» для переговоров об условиях приглашения польского царевича Владислава на русский престол с королем Сигизмундом III и получив от него охранные грамоты на земли и права Троице-Сергиева монастыря, он через некоторое время стал одним из инициаторов составления и рассылки грамот с призывами к освобождению Москвы от поляков. Поддержав казаков Д. Трубецкого и И. Заруцкого, Авраамий в ходе освобождения Москвы в 1612 году активно способствовал переговорам с враждовавшими с ними отрядами нижегородского ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского. Впрочем, подобные зигзаги не являются чем-то исключительным для эпохи гражданской войны. Сложность и масштабность социально-политических процессов, непонимание причин и характера происходящих событий современниками (недаром они представлялись им в облике именно Смутного времени), неясность целей и задач участников – все это естественным образом порождало колебания большинства общественных групп и отдельных людей, вольно или невольно оказавшихся в подобном круговороте.

Авраамий оказался в числе активных участников подготовки и проведения Земского собора 1613 года, избравшего на царство Михаила Романова, членом делегации, отправленной 14 марта 1613 года в Костромской Ипатьевский монастырь для призвания на царство Михаила, вручившим ему царский посох, участником коронации Михаила в июле. Все эти события стали пиком его политической активности, после чего она заметно снижается. Хотя он, по-видимому, участвует в деятельности первых Земских соборов, основной его заботой становится восстановление благосостояния Троице-Сергиева монастыря. В 1618 году, когда архимандрит Дионисий в связи с неудачной, по мнению церковных властей, правкой ряда богослужебных книг был обвинен в еретичестве и отправлен в ссылку, Авраамий в течение года фактически возглавлял монастырь, в результате чего ему пришлось стать одним из руководителей обороны Троице-Сергиева монастыря от польских войск, успех которой стал одним из оснований Деулинского перемирия между Россией и Польшей.

В 1620 году Палицын покидает Троице-Сергиев монастырь и последние годы жизни, закончившейся 23 сентября 1626 года, проводит старцем Соловецкого монастыря. Одни исследователи считают его отъезд ссылкой, связывая ее с возвращением патриарха Филарета из польского плена, не простившего Авраамия поведение во время «великого посольства» к Сигизмунду [11: 245–246], другие полагают, что отъезд в Соловки был добровольным¹⁴.

Последние полтора десятилетия Авраамий работал над повестью «История в память впредь идущим родом» («Сказанием Авраамия Палицына»), правомерно считающейся одним из лучших исторических произведений, посвященных событиям Смуты. Она получила широкое распространение среди читающей публики уже в XVII веке, сохранившись в большом количестве списков, которых известно более 220. Повесть достаточно сложна по составу, неоднократно переделывалась и имеет несколько редакций, в отдельных случаях заметно не совпадающих друг с другом. Составу, процессу ее создания, авторству и другим вопросам посвящена огромная литература [4], [5], [8], [9], [10], [11] и др. Из последних работ можно назвать, например, исследование Д. И. Антонова «Цари и самозванцы» [1].

Наиболее интересны в «Сказании», на наш взгляд, те главы, которые пытаются не только описать события Смуты, но и осмыслить их, объяснить причины произошедшего. Это первые восемь глав повести, являющиеся своеобразным

введением к рассказу об осаде Троице-Сергиева монастыря и представляющие своеобразную аккумуляцию всего личного опыта автора, одновременно отражающего общественные настроения этого периода. Именно они дают возможность охарактеризовать политико-правовые взгляды Авраамия Палицына и, возможно, определить хотя бы некоторые их истоки. При анализе содержания этих глав мы попытаемся применить средства количественного анализа – так называемого метода контент-анализа, который, как совершенно справедливо утверждает Б. Н. Миронов, «надежен, сравнительно прост в обращении и эффективен» [3: 14]. Не вдаваясь в детали использования метода, отметим, что нашему анализу были подвергнуты образы, возникающие при чтении произведения Палицына. Конечно, здесь требуется определенный отбор: в подсчеты включались лишь те изображаемые им явления, которые представляют собой самостоятельные и неоднократно встречаемые на страницах объекты. В качестве таких смысловых единиц были выделены такие, например, категории, как «бог», «Россия», «мы», «народ», «бояре», «иноземцы» и ряд других.

Все материалы оценивались с точки зрения того, какой образ они создают в представлении читателя: положительный или отрицательный, в соответствии с чем информация была разделена на позитивную, негативную или нейтральную. Не вдаваясь в излишнюю детализацию определения индикаторов, отметим, что в качестве позитивных рассматривались образы, которые характеризуются высокими моральными качествами, такими как честность, смелость, помощь, ум, благодарность, твердость в вере и т. п. Соответственно, к негативным – ложь, жестокость, измена, гордыня и др.

Распределение образов по трем группам позволяет определить степень позитивности образа того или иного «героя» (в данном случае под «героем» мы понимаем не только отдельную личность, но и группу людей, территорию и т. д.). Причем значение здесь имеют не столько абсолютные цифры, сколько относительные показатели, поэтому количество вышеуказанным образом разделенной информации сопоставлялось с общим ее объемом. Соотношение позитивного и негативного оказывается в результате весьма показательным, создавая определенный уровень позитивности образа. Этот уровень позитивности может быть рассчитан как разница между объемом позитивных и негативных материалов, выраженных в процентах к общему количеству статей: $(+n) - (-n) = i_p : 100$. Максимальная пози-

тивность, таким образом, оказывается равна +1,0, минимальная -1,0 (табл. 1). Естественно, что при подобного рода формализации материала исчезают порой немаловажные нюансы, однако это компенсируется возможностью выделить основные, наиболее существенные тенденции в развитии образа. Тем более, что детали могут быть

обнаружены при использовании традиционных средств качественного анализа. Использование данного метода позволяет, во-первых, выделить самые характерные черты того или иного образа, во-вторых, выявить различия в образах и способы их изображения, в-третьих, обнаружить особенности в отношении к ним самого автора.

Таблица 1

Распределение информации в главах 1–8 «Сказания Авраамия Палицына» по уровню позитивности / негативности

Table 1

Distribution of information in Chapters 1–8 of the *Tale of Abramius Palitsyn* by level of positivity/negativity

Смысловые единицы	Количество упоминаний				i_p
	позитивные	нейтральные	негативные	всего	
Дева Мария	3	0	0	3	1,0
Бог	17	1	13	31	0,13
Дьявол	0	1	6	7	-0,86
Весь мир	0	0	2	2	-1,0
Мы	0	0	40	40	-1,0
Славяне	1	1	0	2	0,50
Россия	4	2	23	29	-0,66
Народ	2	1	2	5	0,0
Все	1	1	16	15	-0,83
Иван IV	4	2	1	7	0,43
Феодор	6	6	1	13	0,38
Дмитрий	9	3	2	14	0,50
Григорий	2	11	65	78	-0,81
Ирина	0	2	0	2	0,0
Борис	35	7	66	108	-0,31
Шуйский	8	3	7	18	0,06
Ложный царь	0	0	10	10	-1,0
Марфа Нагая	1	1	2	4	-0,25
Умные	1	0	6	7	-0,71
Знатные	0	0	4	4	-1,0
Бояре	0	0	9	9	-1,0
Вельможи	0	2	5	7	-0,71
Начальники	0	1	2	3	-0,67
Служилые люди	0	1	4	5	-0,80
Купечество	0	0	4	4	-1,0
Чернь	0	1	0	1	0,0
Рабы	5	4	11	20	-0,3
Имущие	0	0	4	4	-1,0
Неимущие	0	2	0	2	0,0
Простые	0	1	4	5	-0,80
Духовенство	3	3	20	26	-0,65
Патриарх	0	2	2	4	-0,50
Филарет	4	2	3	9	0,11
Москва	5	10	10	25	-0,2
Москвичи	1	0	9	10	-0,8
Регионы	7	7	23	37	-0,43
Православные	0	0	2	2	-1,0
Иноземцы	19	6	56	81	-0,46
Казачи	0	1	5	6	-0,83
Враги (злодеи)	0	0	8	8	-1,0
Изменники	0	0	30	30	-1,0
Троице-Сергиев монастырь	10	0	0	10	1,0
Всего	148	85	477	707	-0,46
%	20,7	11,8	67,5	100	

Прежде всего бросается в глаза весьма пессимистический образ окружающего мира и общества, создаваемый Палицыным. Из 707 отобранных в повести элементов лишь 148 (21 %) имеют положительную оценку, тогда как 477 (67 %) – явно негативную, создавая крайне низкий уровень позитивности (-0,46). Только единичные образы имеют исключительно положительную оценку: это «Дева Мария», «Троице-Сергиев монастырь» и «северные территории» («люди, на берегах Студеного моря», «города Поморья», «Вологда», «Сибирь»), индекс позитивности (i_p) которых равен +1. Даже образ бога не выглядит достаточно позитивным (хотя, понятно, сам Палицын видит это иначе), бог у него не только избавляет от бед, изливает щедроты, творит чудеса и свергает хвастливых гордецов, но и наказывает голодом, гневается и постоянно попускает беззакония. Очень любопытна в этом отношении фраза в отношении Григория Отрепьева: «Но кого попустил [бог]? Смеху достойно сказание, плача же велико дело бысть!»¹⁵ В результате индекс позитивности – лишь +0,1.

Пережитая эпоха бурных потрясений вполне естественным образом порождает у человека, особенно в преклонных годах (во время создания «Сказания» Палицыну идет седьмой десяток, что по меркам того времени весьма значительный возраст), ностальгические настроения, стремление к восстановлению утраченной стабильности. Учитывая, что главными проблемами, разрешавшимися в Смуте, были социально-политические, связанные с организацией и деятельностью государства и его взаимодействием с обществом, понятен интерес автора к устройству власти, центральным звеном которой он видит персону монарха. Для Средневековья вообще характерен

персонифицированный взгляд на мир, в котором даже божественные силы (бог, дева Мария, дьявол) имеют некую личностную окраску. Соответственно и у Палицына на исторической арене представлены в первую очередь конкретные люди: 44 % всех анализируемых нами упоминаний в «Сказании». При этом 37 % – это не просто те или иные личности, а лица, связанные с тронном, цари, претенденты на трон, члены царских семей.

«Сказание» принадлежит перу человека консервативного склада мышления. Он плохо приемлет действительность, связанную с выбором монарха людьми, ставшую обыденной практикой первых десятилетий XVII века. Автор – явный сторонник наследственной монархии, что хорошо видно из того факта, что все образы царей прекратившейся династии Рюриковичей вполне положительны и близки по значению: индекс позитивности Ивана IV даже выше, чем у Федора Ивановича: +0,43 против +0,38, еще более положителен образ несостоявшегося царя – царевича Дмитрия: +0,50.

В образе Ивана IV Палицын подчеркивает его благочестивость, храбрость и разум, а если и упоминает жестокость, то ставит ему это в заслугу, поскольку она не позволила «злодействующим» из польских и северских земель начать движение на Россию. В то же время он рекомендует Борису Годунову следовать Ивану Васильевичу лишь в отдельных «нравах» и без симпатии относится к разгрому Новгорода, устроенному царем.

Образ Федора Ивановича противоположен образу Ивана, однако также позитивен. Палицын называет его «блаженным», подчеркивает прежде всего его религиозность («всегда искал Вечного»), которая уже сама по себе обеспечивала

Таблица 2

Сводная таблица по укрупненным категориям.
Распределение информации в главах 1–8 «Сказания Авраамия Палицына»
по уровню позитивности / негативности

Table 2

Summary table by aggregated categories.
Distribution of information in Chapters 1–8 of the *Tale of Abramius Palitsyn* by level of
positivity/negativity

Смысловые единицы	Количество упоминаний				i_p
	позитивные	нейтральные	негативные	всего	
Сверхъестественные силы	20	2	19	41	0,02
Личности	68	39	160	267	-0,34
Все население	8	5	83	93	-0,81
Территории	13	17	42	72	-0,40
Элита	1	4	38	43	-0,86
Низшие	5	8	15	28	-0,35
Духовенство	17	7	27	51	-0,19
Противники	19	7	99	125	-0,79

«пребывание российской Земли немятежным и изобильным во всех благах» и великую славу. И если Иван IV известен своей жестокостью, то Федор не хуже первого злодеев «как канатом твердым молитвой своей их связал»¹⁶. Критики он удостаивается, и то очень осторожной, за неспособность предотвратить действия «в обход царя».

Царевич Дмитрий у Палицына и вовсе скорее символ, нежели реальный человек, «красивейший юноша», «незлобивый агнец», печалющийся о разлучении с братом. Хотя Авраамий знает о его нелестных высказываниях в адрес ближайшего окружения брата, но извиняет, во-первых, «смущением» со стороны приближенных, а во-вторых (и прежде всего), «неповинной кровью». А вот выборные цари – Борис Годунов и Василий Шуйский – характеризуются совсем иначе. Образ первого очевидно негативен, начиная от его неискренности в божественном писании и слабости к лести и заканчивая гордыней, клятвopепреступлениями и потаканием еретикам. И даже признание его разумности в царском управлении, заботы о бедных и нищих, щедрости или беспощадности к злодеям не перевешивали в его глазах тех отрицательных качеств и, главное, их последствий для страны, что были присущи Борису. Отсюда неудивительно, что индекс позитивности Годунова всего -0,31 (правда, чуть выше среднего, составляющего -0,46). Образ Василия Шуйского в «Сказании» заметно более позитивен по сравнению с Годуновым (+0,01), но фактически балансирует на грани, создавая ощущение половинчатости и неопределенности. Палицын так прямо и говорит о нем как о человеке, «уклоничивый разум» имеющем. С одной стороны, он называет Шуйского благочестивым царем (подобное определение использовалось им несколько раз в отношении Ивана IV, но ни разу про Годунова) и обращает внимание на его борьбу с врагами христианскими, но, даже когда говорит об успехах в этой борьбе, например, о победе над отрядами Болотникова и взятии Тулы, обращает внимание на то, что удалось это лишь с большими ухищрениями, «едва». Василий, по мнению Авраамия, предал много неповинных смертному суду, верил «языком службу несущим», им порой «играли как ребенком». И это при том, что, как мы знаем, Авраамий был довольно близок к Шуйскому, активно, в частности, помогая ему обеспечивать оборону Москвы от «тушинцев» за счет ресурсов казны Троице-Сергиева монастыря.

Несомненно, нет ничего удивительного в практически полностью отрицательном отно-

шении Палицына к «ложным царям» – Григорию Отрепьеву (называемому им «Гришкой», «расстригой», «чернецом», «окаянным еретиком») и «тушинскому вору» («царьку»). Если для первого он нашел хотя бы одно положительное качество – умение «всех объять» так, что тот стал «совершенно любим всеми», то второй не заслужил ни одного положительного отзыва. Соответственно и индексы позитивности (а правильнее – негативности) близки: -0,83 и -1,0.

В силу активной деятельности на политической арене в период Смуты именно последних общий образ монархии у Палицына негативен (-0,34), но, чтобы понять насколько, крайне важно сравнить его с образами иных действующих «героев» того времени, и прежде всего тех общественных сил и групп, которые принимают участие в этой драме.

Палицын упоминает большое число участников, имеющих разный социальный, сословный, этнический и иной статус, среди которых «знатные», «вельможи», «бояре», «имущие», «простые», «чернь», «неимущие», «рабы», «духовенство», «иноземцы», «казаки», «изменники» и многие другие. С некоторой долей условности их можно сгруппировать в несколько более крупных групп: представители высших слоев общества, низы, духовенство, иностранцы, внутренние враги. И здесь обнаруживается, что наиболее негативно в «Сказании» выглядит именно элита, высшее общество, индекс позитивности близок к абсолюту – -0,86. Они покоряются «злым замыслам» «расстриги» (князя и бояре), «со стыдом» отступают от Калуги (бояре и воеводы), заставляют служить себе неволей или лестью (вельможи), не смеют ничего не только сказать, но и «помыслить» против Бориса, продают худую рожь (хлеботорговцы), прельщаются «имением многим и трапезами сладкими» («разумные»). Этот показатель ниже даже, чем у иностранцев (i_p -0,46) или внутренних врагов, с которыми идет война (i_p -0,79). По сути дела, в повести «знатные», «бояре», «имущие», «купечество» приравнены к «врагам» («злодеям») и «изменникам» с точки зрения одинаковости негативности образа (-1,0). Однако Палицын критикует не за личные качества ее представителей, хотя нравственный облик многих из них ему не нравится. Его прежде всего беспокоит отказ от той роли, которую элита должна, по его мнению, играть в государстве, участвуя в принятии решения монархами: он осуждает покорность и «потакание» царям, нежелание вступать в полемику с ними, как те «вельможи», что «без прере-

каний» согласились признать Василия Шуйского. Палицын полагает, что это их обязанность говорить царям правду. Отсюда настоящими героями выглядят в его глазах дворяне Петр Тургенев и Федор Колачник и дьяк Тимофей Осипов, открыто выступившие против Григория Отрепьева. Он ставит в вину москвичам, что они не только не поддержали их, но даже смеялись над ними.

Впрочем, другие группы выглядят лишь немногим лучше. Наверное, можно было бы выделить духовенство с его индексом позитивности -0,19, однако столь «высокая» цифра формируется лишь за счет позитивного образа Троице-Сергиева монастыря (о чем говорилось выше); если же исключить эти упоминания из расчета, позитивность образа резко снижается до -0,49. Священнослужители, многие из которых являются «невеждами и необразованными», не ищут справедливости, покоряются Отрепьеву, занимают места «мздою и клеветой», присоединяются к врагам. И только в «доме великого чудотворца», на который «вся Россия, как на солнце, смотрела», загорелась «малая искра огня божественной любви», от которой «пламень добродетели запылал»¹⁷.

В советской историографии нередко обращалось внимание, что Смута являлась в глазах публициста следствием тяжелого положения низов, выходом «слез и гнева» обиженных и угнетенных» [6: 40]. У Палицына можно обнаружить чуть меньшую негативность образа низов, но именно меньшую, и вовсе не позитивность, индекс которой в целом -0,35. «Простые» у него, как и все, «во все более горькие и злые дела впадали», прельщались, нередко присоединялись к врагам.

Фактически, как уже отмечалось, нет ни одной общественной группы, которую Палицын охарактеризовал бы положительно. Описывая роль отдельных людей и групп в возникновении и развитии Смуты, он приводит читателя к довольно простому выводу, к которому пришел сам: виноваты все! Одна из наиболее частых категорий, встречающихся в его «Сказании», именно «все» (13 % от общего числа упоминаний) в разных интерпретациях («весь мир», «мы», «народ», «Россия», «многие»), имеющих крайне неопределенное звучание. И негативность образа этих «всех» (-0,81) уступает только врагам (-1,0), изменникам (-1,0) и представителям верхов (-0,86).

Нельзя не обратить внимание на крайне негативное отношение Авраамия к «москвичам» («московскому народу») как особой категории населения (i_p -0,79): он обвиняет их в сотрудничестве с антихристовыми проповедниками, с поляками и лютеранами, гордыне («всякий своими подвигами хвалился и храбростью кичился, вместо молебного славословия»), корыстолюбию и многих других грехах. Единственным одобряемым их действием он считает восстание против Лжедмитрия, однако оно оказалось фактически сведено на нет тем, что вместо «благодарения» господу москвичи проявили «безумство и гордость».

Собственно, если пытаться найти действительных героев на страницах «Повести», то их крайне немного: это либо отдельные личности, такие как дворяне Петр Тургенев и Федор Колачник или дьяк Тимофей Осипов, выступившие против Отрепьева, либо уже упоминавшиеся монахи Троице-Сергиева монастыря, либо, наконец, население северных окраин. Среди последнего обращает на себя внимание весьма позитивное отношение Палицына к жителям североευропейских территорий:

«...у моря на севере живущим... на берегах Студеного моря и Океана», которые «царству... помогают» и городам «в Поморье» не соблазнившимся и продолжавшим держаться «крестному целованию... Московского государства»¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такое очевидное противопоставление населения северорусских окраин москвичам не может не быть связано с опытом проживания Палицына на Севере (как в Соловецком монастыре, так и в Коле в период его воеводства) и взаимодействия с северянами. Можно с уверенностью предположить, что пребывание «на берегах Студеного моря» не только оставило заметный след в биографии Аверкия Палицына, но и помогло формированию его представлений о взаимоотношениях государства и общества в целом, положив начало становлению политико-правовых взглядов, развитых впоследствии в «Сказании». Начав создавать государственность на отдельно взятой территории на практике, Палицын пришел не только к участию в строительстве российской государственности в целом, но и попытке оценить эти процессы, пусть еще очень упрощенно, в теории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Надо заметить, что и до XVI века в условиях существования региона в составе Новгородской земли (правопреемником которого и стало Московское государство) западные очертания границы в целом были до-

статочны близки к современным. Конечно, отдельные изменения на протяжении периода существования в составе России здесь происходили, но носили, как правило, незначительный характер, сохраняя основную территорию Кольского полуострова под контролем Российского государства.

- ² Более подробно об этом см., например, в нашей статье [12].
- ³ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38. С. 10.
- ⁴ Так, в формуле Яжелбицкого договора 1456 года великого князя Василия Васильевича с Новгородом отчетливо подчеркивается давность прав московских князей на княжение в Новгороде, начиная с великого князя Владимирского Андрея Ярославича в XIII веке. «Как целовал князь великий Ондрей и князь великий Иван, и князь великий Семен, и прадед твой князь великий Иван, и дед твой князь великий Дмитрий, и отец твой князь великий Василий, целуй, господин князь великий Василий Васильевич и князь великий Иван Васильевич, по тому же крест ко всему Великому Новгороду. Новгород держати вам в старине, по пошлине, без обиды» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 40).
- ⁵ См., например: Отечественная история: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 22; Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962. С. 58; [6] и мн. др.
- ⁶ Как полагает Я. Г. Солодкин, возможно, в середине осени, поскольку день святого Аверкия приходился на 22 октября [9: 182].
- ⁷ Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1911. Кн. 1. С. 19, 30.
- ⁸ А. В. Тищенко: Его работы, статьи о нем. Пг.: Типография М. А. Александрова, 1916. С. 16.
- ⁹ Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. Т. 1. Кн. III. СПб., 1901. С. 305.
- ¹⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 25. С. 100–102.
- ¹¹ Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1890. Вып. 28. С. 112.
- ¹² Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. М., 1911. Вып. 4. Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). С. 39–40, 617.
- ¹³ «Причина опалы неизвестна, – писал С. М. Соловьев, – но нельзя не обратить внимания на год ее – 1588, ибо незадолго до этого времени, именно в конце 1587 года, подверглись опале Шуйские, друзья их и клеветы вследствие замыслов против Годунова. ...Только с восшествием Шуйского на престол Авраамий получает важное значение» [7: 509].
- ¹⁴ Кедров С. И. Авраамий Палицын // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1880. Т. 4. С. 186–191.
- ¹⁵ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 110.
- ¹⁶ Там же. С. 107.
- ¹⁷ Там же. С. 130.
- ¹⁸ Там же. С. 128, 129.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов Д. И. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019. 312 с.
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
3. Ми ро н о в Б. Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л.: Наука, 1991. 167 с.
4. Морозова Л. Смута начала XVII века в сочинениях современников. М., 2017. 864 с.
5. Платонов С. Ф. Древнерусские повести и сказания о Смутном времени XVII века как исторический источник // Платонов С. Ф. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Наука, 2010. Т. 1. С. 36–41.
6. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев; Ред. Д. М. Буланин, А. А. Турилов; Предисл. Д. М. Буланина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: XVII в., ч. 1 : А–З. 410 с.
7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1960. Кн. 4: Т. 7–8. 778 с.
8. Солодкин Я. Г. Как создавалась «История» Авраамия Палицына (полемиические заметки) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2009. № 2. С. 40–47.
9. Солодкин Я. Г. Авраамий Палицын и его «История» (спорные вопросы биографии и творчества публициста Смутного времени) // Грани гуманитарного знания. Курск, 2014. С. 181–200.
10. Тюменцев И. О. Датировка и атрибуция первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2000. Т. 27. С. 64–69.
11. Тюменцев И. О. Из истории создания «Истории» Авраамия Палицына // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 234–247.
12. Voronin A., Gaynutdinov R. Formation of the region's subjectivity in the Russian Arctic (To the problem of periodization of the process of forming the administrative-territorial borders of the Kola Peninsula) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. St. Petersburg, 2020. Vol. 539. 9 p. DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012012

Original article

Aleksey V. Voronin, Dr. Sc. (History), Professor, Murmansk State Technical University (Murmansk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-3392-7331; crowss57@yandex.ru

Ravil K. Gaynutdinov, Dr. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Murmansk State Technical University (Murmansk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-0255-1191; pohjola@mail.ru

Viktor N. Samorodov, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Murmansk State Technical University (Murmansk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-2844-2188; samorodovvn@mstu.edu.ru

FORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD IN THE EUROPEAN ARCTIC AND DEVELOPMENT OF POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF ABRAMIUS PALITSYN

Abstract. Amid a noticeable increase in attention to the Arctic in modern conditions, it is an urgent task to identify the reasons why Russia has become one of the leading Arctic powers. The article is the first attempt to identify the relationship between the formation of Russian statehood in the Arctic and the formation of the political and legal views of one of the direct participants and organizers of this process, a famous medieval Russian publicist Abramius Palitsyn. The authors emphasize that in the Western Arctic (on the Kola Peninsula) throughout almost the entire history of the Russian state starting from the XVI century there has existed one stable part of the border that has not changed to this day. Participation in the activities aimed at establishing control over this territory became an important milestone in the formation of Palitsyn's ideas about the relationship between the state and society as a whole, laying the foundation for the formation of his political and legal views, which later were developed in his journalism. The authors used the method of content analysis for studying Palitsyn's views, while previous researchers implemented traditional means of qualitative analysis for this purpose.

Keywords: Russian state, Time of Troubles, North, Kola North, Arctic, Abramius Palitsyn, content analysis

For citation: Voronin, A. V., Gaynutdinov, R. K., Samorodov, V. N. Formation of Russian statehood in the European Arctic and development of political and legal views of Abramius Palitsyn. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.763

REFERENCES

1. Antonov, D. I. Tsars and impostors: the struggle of ideas in Russia during the Time of Troubles. Moscow, 2019. 312 p. (In Russ.)
2. Kelsen, H. Pure theory of law. St. Petersburg, 2015. 542 p. (In Russ.)
3. Mironov, B. N. History in figures: Mathematics in historical research. Leningrad, 1991. 167 p. (In Russ.)
4. Morozova, L. Time of Troubles at the beginning of the XVII century in the works of the contemporaries. Moscow, 2017. 864 p. (In Russ.)
5. Platonov, S. F. Old Russian stories and legends about the Time of Troubles of the XVII century as a historical source. *Platonov, S. F. Collected works: In 6 vols.* Vol. 1. Moscow, 2010. P. 36–41. (In Russ.)
6. Dictionary of scribes and booklore of ancient Russia. (D. Likhachyov, Ed.). Issue 3: vol. XVII, part 1. St. Petersburg, 1992. 410 p. (In Russ.)
7. Solovyov, S. M. History of Russia since ancient times: In 15 books. Moscow, 1960. Book 4: Vol. 7–8. 778 p. (In Russ.)
8. Solodkin, Ya. G. How Abramius Palitsyn's "History" was created (polemic notes). *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2009;2:40–47. (In Russ.)
9. Solodkin, Ya. G. Abramius Palitsyn and his "History" (disputes around the biography and works of the Time of Troubles publicist). *Facets of humanitarian knowledge*. Kursk, 2014. P. 181–200. (In Russ.)
10. Tyumentsev, I. O. Dating and attribution of the first six chapters of the Tale by Abramius Palitsyn. *Auxiliary historical disciplines*. St. Petersburg, 2000. Vol. 27. P. 64–69. (In Russ.)
11. Tyumentsev, I. O. History of creation of Abramius Palitsyn's "History". *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg, 2006. Vol. 57. P. 234–247. (In Russ.)
12. Voronin, A. V., Gaynutdinov, R. G. Formation of the region's subjectivity in the Russian Arctic (To the problem of periodization of the process of forming the administrative-territorial borders of the Kola Peninsula). *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. St. Petersburg, 2020. Vol. 539. 9 p. DOI: 10.1088/1755-1315/539/1/012012

Received: 18 March, 2022; accepted: 22 April, 2022

ТАТЬЯНА СТАНИСЛАВОВНА МИНАЕВА

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
t.minaeva@narfu.ru

НИКИТА АНДРЕЕВИЧ ХРЕБТОВ

магистрант кафедры отечественной истории
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ya.nax1999@yandex.ru

УЧАСТИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТАМОЖЕННОГО НАДЗОРА В РОССИИ В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Анализируются нормативно-правовые документы и актовый материал с целью дать характеристику совместной деятельности таможенного и военного ведомств в организации таможенного надзора в годы царствования Петра I. Научная новизна статьи состоит в том, что авторы впервые выделяют этот вопрос для специального изучения и выясняют исторические причины, которые приводили к вовлечению военнослужащих в деятельность таможенников, определяют формы таможенного надзора, в которых участвовали стрельцы, солдаты и их командиры, устанавливают проблемы, существовавшие в деятельности таможен, морских и сухопутных застав и препятствовавшие успешной реализации таможенной политики. Сделаны выводы о том, что повышению эффективности таможенного надзора в годы царствования Петра I, кроме постепенной реорганизации системы таможенных органов и введения практики анализа деятельности таможен и застав, способствовали также использование военнослужащих для несения караулов, охраны застав, проведения оперативно-разыскной деятельности и принятие законодательных актов, направленных на укрепление дисциплины и ответственности армейских и таможенных служащих. Актуальность проведенного исследования определяется важностью учета исторического опыта в организации совместной работы различных ведомств и военизированных организаций по противодействию угрозам экономической безопасности страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история таможни, таможенный надзор, караульная служба, гарнизонные войска

Д л я ц и т и р о в а н и я : Минаева Т. С., Хребтов Н. А. Участие военнослужащих в осуществлении таможенного надзора в России в конце XVII – первой четверти XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 18–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.764

ВВЕДЕНИЕ

Особое внимание к таможенному надзору, направленному на обеспечение соблюдения таможенного законодательства и успешную реализацию внешнеторговой политики страны, российское правительство стало проявлять со второй половины XVII века. Это было обусловлено проведением протекционистской таможенной реформы царя Алексея Михайловича и стремлением увеличить поступления в государственный бюджет.

В современном российском законодательстве не сформулированы определения понятий контроля и надзора, нет четкого их разграничения,

в ряде нормативных актов они употребляются как синонимы, что часто приводит к теоретическим спорам в юридической сфере¹. В Таможенном кодексе Российской Федерации (ТК РФ) понятие «надзор» вообще не употребляется, главы 35 и 39 ТК РФ используют термин «контроль» в отношении проведения различных таможенных проверок, осмотров, досмотров, наблюдений, ревизий и осуществления ведомственной проверки к деятельности таможенных органов². Проблема терминологии порождает различные представления о надзоре и контроле как среди представителей таможенного дела, так и исторической науки. В данной статье авторы придерживаются точки зрения, что объек-

том таможенного надзора является деятельность физических и юридических лиц по исполнению правил и положений таможенного законодательства. Надзорную функцию таможенные органы и их должностные лица реализуют в отношении организационно неподчиненных объектов. Таможенный контроль проводится вышестоящими таможенными органами или должностными лицами только в отношении линейно подчиненных таможенных органов и их представителей с целью установления соответствия их деятельности требованиям законности, целесообразности, эффективности и устранения выявленных недостатков и нарушений. В отличие от надзорных контролируемые органы административно-принудительными полномочиями не обладают, а могут использовать только меры дисциплинарного воздействия [6], [15].

Вопрос о привлечении служащих регулярной армии к осуществлению таможенного надзора нашел отражение в исторической литературе при изучении вопросов организации русской торговли и таможенного дела в XVII веке, но авторы анализировали преимущественно документы первой половины столетия, раскрывая проблемы взаимодействия воевод, как представителей военного управления на местах, с таможенниками [12], [13], [16: 357–366], особенности проведения Архангелогородской ярмарки и отмечая при этом участие стрельцов в караульной службе и досмотре судов³.

Исследователи истории таможенного дела обращались к таможенному надзору в годы царствования Петра I [3: 142–162], [7: 145–147], [8: 68], [9], акцентируя внимание на таможенных процедурах и кадровой реформе в таможенной службе⁴, но практически не рассматривая вопрос о привлечении военнослужащих к организации таможенного надзора. Только Н. В. Козлова и В. Г. Балковая в своих работах указывали на найденные в источниках данные о включении солдат в штат таможен. Не исследован данный вопрос и при изучении истории гарнизонной службы. Классическую научную работу по истории российской армии XVIII века написал советский военный историк Л. Г. Бескровный [4]. Он определял основной круг обязанностей гарнизонных полков и подчеркивал, что в первой четверти XVIII века гарнизоны являлись главной силой для подавления народных протестов, выполняя полицейскую функцию. Можно отметить также ряд работ современных российских историков, посвященных гарнизонной службе. Н. Н. Гарунова и Н. Д. Чекулаев-Братчиков обратились к теме организации гарнизонов на Кавказе в первой трети XVIII века [5],

[14]. В своих монографиях авторы упоминали, что военные конвоировали и охраняли купеческие караваны, казну, сопровождали арестантов, а также несли службу в гражданской канцелярии. Историей «остзейских», то есть прибалтийских, гарнизонов в первой половине XVIII века занимается М. Е. Проскурякова. Она уделяет особое внимание различным обязанностям военных, помимо обеспечения безопасности, в том числе привлечению гарнизонов для исполнения задач полицейского характера, караульной службы и контроля на заставах [11]. В целом работы по истории гарнизонной службы дают лишь общую характеристику их развития, внимание исследователей сосредоточено на исполнении военными подразделениями основных обязанностей, в научных трудах, как правило, только упоминается об участии военнослужащих в караульной службе на городских и таможенных заставах. Большинство исследователей истории пограничной службы занимались изучением ее становления и деятельности по охране границ, но в некоторых работах, например А. В. Алепко [1], В. Г. Балковой [2], А. М. Ульянича⁵, рассматривается вопрос о привлечении служащих западных пограничных застав к борьбе с контрабандой.

Зарубежных исследователей тема военной службы при Петре I интересует прежде всего в связи с изучением взаимоотношений армии и общества, роли военного сословия в социальной структуре России, использования вооруженных сил в политических интересах империи и выполнения ими полицейских функций, а не таможенных [17], [18], [19: 38–63].

Резюмируя вышесказанное, следует сделать вывод о том, что на данный момент историография истории таможенной, пограничной и гарнизонной службы России представлена десятками статей и монографий, но в них практически не отражена совместная деятельность таможенных и военных ведомств по надзору за перемещением товаров через государственную границу и борьбе с контрабандой в период становления протекционизма в России. В то же время исследование исторического опыта является важным условием для организации комплексной работы по предотвращению нанесения ущерба экономическим интересам страны. Анализ государственного законодательства и актовых источников из опубликованных сборников материалов и документов, находящихся в коллекциях Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Архангельской области (ГААО), поможет в определении исторических условий и результа-

тов привлечения военнослужащих к осуществлению таможенного надзора в годы царствования Петра I.

УСТРОЙСТВО ТАМОЖЕННОГО НАДЗОРА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

В начале царствования Петра I таможенный надзор осуществлялся на основании Новоторгового устава 1667 года. В законе устанавливались правила хранения, учета и транспортировки товаров, виды пошлин и порядок их взимания. Следует отметить, что по Уставу таможенные функции выполняли на крупных ярмарках гости «с товарищами», в других случаях – таможенные головы и целовальники. Единственным примером из Новоторгового устава привлечения военнослужащих к таможенному надзору является статья 43, где регламентировался проход торговых судов к Архангельску. В статье отмечалось, что по указу великого государя на устье реки Двины требовалось сделать шанцы (передовую заставу), где должны были останавливаться все торговые суда, идущие с моря. Корабельщик (шкипер) подавал начальнику заставы роспись, включающую сведения о корабле, товарах, их владельцах. С этой росписи на заставе делали список и отдавали корабельщику для предъявления в таможене, куда с заставы отправляли и подлинную роспись⁶. О стрелецких заставах, которые располагались на главных устьях Северной Двины (Пудожемском, Лицком, Корельском и Березовом) и останавливали все проходящие мимо суда для проверки документов, известно также из царской грамоты 1635 года двинскому воеводе Г. Ф. Плещееву и из царской грамоты на Двину 1659 года⁷. Таким образом, статья 43 Новоторгового устава закрепляла существовавшую и ранее практику проверки судовых документов на стрелецких заставах. Известно также, что стрелецкие головы и сотники стояли на караулах в гостиных дворах и должны были смотреть, чтобы никто не выносил товаров беспошлинно. Пойманных с контрабандой стрелецкие головы и сотники должны были отводить к таможенному голове. Стрелецкие караулы вели наблюдение в ночное время, чтобы никто тайным образом на морские иноземные суда товаров не привозил и с них не забирал. Гости и таможенные головы могли пользоваться также помощью стрельцов для осмотра пришедших в порт иностранных кораблей и в случае оказания купцами противодействия таможенникам и уклонения от уплаты пошлин⁸. В 1687 году издается специальный указ о назначении смотрителем на морскую заставу в Архангельск стре-

лецкого полковника С. Д. Ружинского, который должен был следить, чтобы никакой военный корабль к городу не прошел и чтобы с торговых судов до прохождения досмотра товаров не свозили. С 1689 года смотритель заставы получил еще одну обязанность – пропускать иноземные суда к городу, только предварительно опросив корабельщиков об отсутствии военных действий и заразных болезней в тех местах, откуда прибыло судно. Также в тексте наказа С. Д. Ружинскому предписывалось ставить караулы в Архангельске в гостиных дворах, у складских помещений, где должны были круглосуточно и посменно находиться целовальники вместе со стрельцами. Кроме того, С. Д. Ружинский теперь организовывал дневной и ночной надзор за иностранными торговыми кораблями с помощью малых судов, полученных у земских старост, где гребцами были стрельцы, с целью предотвращения контрабандного привоза на суда российских товаров и выгрузки иностранных. В случае задержания нарушителей их следовало препроводить в съезжую избу к воеводе⁹. Смотритель заставы находился в подчинении у воеводы. Расширение обязанностей смотрителя заставы свидетельствовало о все большем привлечении военнослужащих к совместной деятельности с таможенниками.

В 1699 году для гостя, направлявшегося к сбору пошлин на архангельскую ярмарку, был составлен достаточно объемный наказ из 69 пунктов, подробно описывавший все его права и обязанности. В тексте наказа четко указывалось соподчинение ответственных за сбор пошлин в Архангельске в период ярмарки: «Да ему ж Гостю над таможенным Головою и над целовальниками смотреть накрепко, чтоб таможенные пошлины имали вправду»¹⁰. О том, что гость и таможенный голова в Архангельске не являлись одним и тем же лицом (в некоторых исследованиях эти термины используются как синонимы¹¹ [16: 426]), свидетельствует и более ранний документ – наказная память гостю Аверкию Кириллову от 9 мая 1667 года, в которой приказывалось быть у таможенного сбора в навигацию А. Кириллову и с ним «в товарищах» таможенным головам – двум представителям гостинной сотни. Далее в документе предписывалось «над таможенными целовальниками гостю... и таможенным головам... со товарищи смотреть и беречь накрепко»¹². Текст наказа 1699 года включал несколько пунктов, касающихся стрелецкой службы. Так, например, из п. 7 становится понятно, что воевода отправлял стрелецких голов и сотских со стрельцами на корабли, пришедшие в порт, таким образом, за ними

устанавливалось постоянное наблюдение, в результате которого без разрешения воеводы торговые суда уйти из порта не могли. Пункт 39 отражал практику постановки стрелецких караулов с целовальниками у гостиных дворов, а п. 59 – создания в период навигации морской заставы на устье Северной Двины. Из п. 65 можно узнать об организации подплавного караула, наблюдавшего, чтобы на торговые суда по воде ничего незаконным образом не перевозили и не сгружали¹³. Подплавной караул появился в Архангельске благодаря деятельности полковника С. Д. Ружинского. Из текста наказа также следует, что стрельцы иногда совершали противоправные действия во время указанных видов службы. Они тайно проносили и провозили товары с иноземных кораблей, брали взятки и незаконные налоги, разъезжая в подплавном карауле, поэтому гостю и воеводе наказывалось, чтобы целовальники строго смотрели за стрельцами, их сотскими и головами. Без целовальников запрещалось теперь посылать стрельцов на корабли и в подплавной караул. Отмечались также некоторые случаи и на гостиных дворах и пристанях, когда стрельцы, пушкарки и сами целовальники ходили по кораблям и амбарам, пили там спиртное, брали взятки, что вело к ущербу в сборе таможенных пошлин.

Согласно наказу, гость не только отвечал за проведение досмотра судов и товаров, хранение товаров, оформление документов, сбор пошлин, пресечение контрабандных действий, но и выполнял контрольные функции в отношении действий своих подчиненных¹⁴. Стрельцы же находились во всех уездах в подчинении у воевод, которые и направляли их для оказания помощи таможенным служащим – «в тех сборах чинить им верным головам и целовальникам споможение»¹⁵. Таможенники, служившие в населенных пунктах, которые не участвовали во внешней торговле, отвечали за сбор внутренних пошлин в торговых центрах уезда и на заставах, которые устраивались на дорогах и реках для взимания проезжих пошлин. Расположение и число застав не являлись постоянными, гость и таможенный голова на основании царской грамоты имели право поставить новые заставы по своему усмотрению, если это требовалось для повышения эффективности таможенной деятельности. В наказе 1698 года гостю Сергею Лабазину о сборе в Московской большой таможене пошлин предписывалось:

«учинить около Москвы по дорогам заставы, где прежде сего были, или вновь, где пристойно, а на те заставы для проезда из городов и с ярманок всяких чинов людей с товарами посылать из таможи ларечных и рядовых

целовальников, людей добрых и правдивых, а с ними подьячего и приставов, сколько пристойно»¹⁶.

На заставах в уездах часто находились одни целовальники, которым проезжавшие с товарами не всегда подчинялись, а иногда и просто объезжали заставы. Так, например, произошло в 1684 году на Панозерской заставе Повенецкой таможи в Олонецком уезде, когда торговые люди Сумского и Кемского острогов проехали мимо заставы, не заплатив пошлин. По ходу розыска провинившихся выяснилось, что заставка появилась в связи с запретом вывозить в Швецию съестные припасы – мясо, хлеб и др. Соловецкий монастырь, на территории вотчин которого проживали нарушители, их защищал, считая заставу результатом самоуправства таможенного головы. В итоге нарушители установлены не были¹⁷. В 1686 году запрет на вывоз припасов в Швецию был снят по просьбе олонецкого купечества, но требование уплаты с них пошлин сохранялось. Однако Панозерская заставка функционировала, вероятно, недостаточно хорошо, так как в 1689 году ее упразднили¹⁸. Малочисленность таможенного персонала на заставах и отсутствие у них возможностей задерживать нарушителей являлись основными проблемами в деятельности таможенных застав.

ТАМОЖЕННЫЙ НАДЗОР В ПЕРИОД РЕОРГАНИЗАЦИИ ТАМОЖЕННОЙ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

В конце 1699 года управление таможенным надзором на местах перешло в руки таможенных бурмистров. По указу от 5 октября 1699 года ведение заставами и досмотром купеческих людей объявлялось обязанностями таможенных бурмистров. Особо отмечались города Архангельск, Псков и Великий Новгород, где осуществлялся основной объем внешнеторговых операций, и подчеркивалось, что воеводы в таможенные процедуры там вмешиваться не должны, как и в других городах¹⁹. Вслед за этим указом от 2 июня 1700 года уточнялся порядок организации таможенного надзора в Архангельском порту и подробно разъяснялись обязанности бурмистра, целовальников и подьячих. Кроме проверки и выдачи документов, досмотра судов и товаров, сбора пошлин, контроля за использованием установленных торговых мер и исправных весов, наблюдением за кружечными дворами, постановки караулов из целовальников и стрельцов на морской заставе и у гостиных дворов и контроля деятельности своих подчиненных, то есть выполнения тех обязанностей, которые ранее возлагались на гостей и таможенных голов, бур-

мистр должен был сам ехать на морскую заставу и участвовать в опросе корабельщиков о случаях «морового поветрия» и военных действий, известных им, и отправлять потом полученную информацию на государево имя. Подтверждалось также положение указа 1691 года о запрете отправки из Кольского острога целовальников и стрельцов для сбора торговых пошлин (десятой части рыбы и ворванного сала) с промышленников на Мурмане. Причина заключалась в жалобах от промышленников на «великие обиды и разорения», чинимые целовальниками и стрельцами. Пошлины приказывалось собирать в Архангельске и других городах, куда промышленники доставляли для продажи ворвань и рыбу²⁰. Однако судовые пошлины с промышленников продолжали взимать на Мурмане, недовольство промышленников этим сбором доходило до драк с военнослужащими, что, вероятно, и привело в начале XVIII века к складыванию практики сбора судовых денег только с помощью военнослужащих Кольского гарнизона без участия целовальников. Подобные примеры привел С. А. Никонов в своей монографии о хозяйственном освоении Мурмана [10: 334–337]. Существовали также проблемы и во взаимоотношениях иноземных купцов и начальника заставы в Новодвинской крепости возле Архангельска: английские купцы жаловались, что вынуждены давать подарки офицеру крепости, чтобы он не отнимал лоцманов, полученных на Мудьюжском острове, где располагался караул для первичного осмотра судов. Жалоба дошла до Сената, который отправил указ архангельскому губернатору навести порядок на заставе²¹.

С начала XVIII века постепенно начинает расти озабоченность правительства полноценным сбором пошлин, поэтому в наказах земским бурмистрам постоянно подчеркивалась необходимость создания вместе с таможенными бурмистрами крепких застав, в том числе для предотвращения безъявочного провоза товаров по западной сухопутной границе²². В 1714 году порубежные заставы понадобились и для выполнения указа Петра I 1713 года о выпуске за границу юфти и пеньки только через Санкт-Петербург. Нарушения указа выявлялись повсеместно, как по сухопутной границе, так и в Архангельске. Петр I требовал наказания виновных в виде взыскания половины стоимости товаров с продавцов, а второй половины – с бурмистров, допустивших продажу²³. Если бурмистры отвечали за соблюдение торгового и таможенного законодательства, учреждение и функционирование морских, речных и внутренних застав, то ответственность за со-

держание в порядке шанцев, рогаток и других застав несли воеводы²⁴. Бдительность и дисциплинированность стоявших на городских, пограничных или таможенных заставах солдат и офицеров также влияли на результативность таможенной деятельности.

Некоторые аспекты караульной службы военнослужащих российской армии регламентировал Воинский устав 1716 года. В нем содержались статьи, устанавливавшие жесткие виды наказаний для провинившихся караульных. Под угрозой смертной казни запрещалось уходить с караула без позволения как рядовым, так и офицерам, засыпать или нести службу в нетрезвом виде. Также каралось и нарушение порядка из корыстных соображений:

«Ежели кто подарков, прибыли или ползы себе ради чрез караул кого пропустит, где не надлежит пропускать, онго надлежит повесить», «Ежели кто, стоя на карауле, что украдет, много или мало, оный имеет быть повешен».

Военнослужащему, применившему силу, чтобы получить деньги или что-либо еще у проходящих через караул, также могла грозить смертная казнь²⁵. Все эти требования распространялись и на военнослужащих, участвовавших в таможенном надзоре. Страх перед неминуемым наказанием в виде смертной казни, скорее всего, оказывал необходимое воздействие на караульных, так как документов о нарушении ими обязанностей при проведении таможенного надзора после принятия Воинского устава 1716 года пока не обнаружено.

Охрана западной границы в Петровское время выстраивалась в три линии. На передовой линии размещались форпостные команды, на второй – заставы от поселенных полков (ландмилиции), на третьей находились крепости [1: 43]. Унтер-офицеры, направлявшиеся на форпосты, имели специальные инструкции о пропуске людей и товаров. Так, в 1723 году поручик киевского гарнизона Залесский при назначении на Васильевский форпост получил указания об осмотре проезжающих из-за границы купцов. По инструкции он со своими подчиненными должен был досматривать товары, выявляя запрещенные к ввозу и вывозу согласно перечню. Купцов, пытавшихся провезти такие товары, как и ввезти в Россию чужестранные монеты и российские серебряные деньги, следовало арестовывать. Стоящим на форпостах унтер-офицерам и солдатам строго воспрещалось требовать с проезжающих взятки под угрозой военного суда²⁶.

С 1722 года контроль над западными пограничными таможенными осуществлял таможенный инспектор на турецких и польских границах, которому предписывалось периодически совершать инспекционные объезды подчиненных таможен, пресекать и расследовать злоупотребления и другие нарушения должностных лиц в таможенных, устанавливать, нет ли жалоб иностранцев на сбор пошлин. Кроме того, он должен был определять, где требуется создание новых таможен или закрытие старых и какие объезжие места и дороги существовали для тайного проезда. Все свои замечания и наблюдения инспектору следовало отправлять в Коммерц-коллегию для принятия последующих решений²⁷.

В 1723 году для пресечения тайного провоза товаров правительство повелело учредить крепкие заставы по всем большим дорогам по польской границе,

«малые дороги и проезды лесом зарубить, а где леса нет рвами перекопать и накрепко указать, чтоб никто по ним за рубеж не ездил и для наблюдения с таможенных застав от одной до другой иметь разъезды, а ежели на таких заповедных проездах явился след, то тут дожидать и кто поедет, того взять и штрафовать взятием того, с чем будет взят»²⁸.

Эти же задачи возлагались и на форпостные команды, но им было трудно справляться со своими обязанностями, так как они имели в своем составе от четырех до восьми человек [1: 43].

В проезжих пунктах, как на границе, так и в городах, устраивались шлагбаумы, на проезжих дорогах строились рогатки. В Москве, например, с 1718 года для сбора пошлин с возов у всех ворот и в проездах больших дорог по Земляному городу ставились шлагбаумы, а на Москве-реке зимой – рогатки, чтобы никто не смог тайно проехать. В 1722 году караулы, бывшие у Земляного города, перевели за город. Между караульными заставами организовывались разъезды конных драгун по два-три человека, чтобы малыми дорогами никто в Москву не ездил. У задержанных нарушителей конфисковывались все товары²⁹.

В ходе проведения административных реформ Петра I управление таможенными оказалось разделенным на две коллегии. Коммерц-коллегия осуществляла руководство морскими портовыми таможенными и занималась вопросами установления и сбора внешнеторговых пошлин в портовых и пограничных таможенных, а Камер-коллегия регламентировала сбор внутренних пошлин и иных государственных налогов, занималась укомплектованием штатов внутренних таможен, курировала и контролировала их деятельность³⁰. Создание Камер-коллегии по-

зволило сконцентрировать сбор всех внутренних пошлин в одном ведомстве. Однако разделение управления создавало дополнительные бюрократические сложности в таможенном деле и влияло на принятие решений по некоторым вопросам. Так, между коллегиями не существовало единства мнений об изменении принципа организации таможенной службы, что привело к различию положения таможенников, подчинявшихся разным ведомствам.

В начале XVIII века деятельность российских таможен по-прежнему обеспечивалась за счет исполнения гражданских служебных повинностей представителями городского населения. Бурмистров и целовальников выбирали на один год, и они несли службу в таможне на безвозмездной основе. После окончания Северной войны, учитывая постоянное недовольство посадского населения выполнением повинности, многочисленные факты злоупотреблений таможенников своими полномочиями, правительство попыталось изменить принципы комплектования таможен. В 1722 году выборы к внутренним сборам из посадских людей отменялись. Вместо них предписывалось избирать с помощью Военной коллегии для «больших сборов» в качестве главных командиров и их заместителей отставных офицеров и дворян, а для «малых сборов» – унтер-офицеров и рядовых солдат. К ним в команду следовало выбирать из магистрата в целовальники «раскольников и бородачей». Правительство надеялось на твердые убеждения этих лиц, их приверженность вере, традициям, порядку. Сведения об избранных следовало отправлять в Камер-коллегию и Штатс-канцелярию. На практике этот указ имел ограниченное значение, так как в течение 1723 и 1724 годов из отставных военных к названным сборам назначено было около 1000 человек при потребности свыше 4000, поэтому пришлось вернуться к старой системе выборов из купечества³¹. В портовых же таможенных ввели найм служителей на добровольной основе с выплатой жалования, что должно было повысить ответственность таможенников и сократить число их правонарушений.

Окончание Северной войны способствовало оживлению внешней торговли, но вместе с ней росла и контрабанда. Предпосылками для увеличения нелегального ввоза иностранных товаров в Россию стали ограничения на ввоз предметов роскоши и других товаров легкой промышленности, ассортиментом и качеством превосходивших российские, и несовершенство организации таможенной службы. Стремясь перенаправить основной поток иностранных судов в Санкт-Петербург, правительство

осуществило ряд мероприятий, направленных на усиление таможенного надзора за ввозом товаров в столичный порт. Еще до официального учреждения таможни в Кронштадте корабельный досмотр здесь осуществляли назначенные Адмиралтейств-коллегией офицеры. После создания таможни в 1720 году ее служители опечатывали трюмы направлявшихся в столичный порт судов и сопровождали их до Петербурга [12: 15]. В целях предотвращения контрабанды дополнительный караул с 1719 года устанавливался на Березовых островах, чтобы российские суда, идущие из Петербурга в Выборг, к иностранным судам, направлявшимся в столицу, не подходили и товаров с них тайно не забирали. В 1722 году Адмиралтейская коллегия распорядилась об отправке на Березовые острова четырех пушек и команды из 20 человек³².

31 января 1724 года в России были приняты Морской торговый регламент и устав, содержащий новые таможенные правила, которым должны были подчиняться не только гражданские, но и военные суда. В соответствии со статьей 1-й Устава все суда, идущие в порт, обязывались взять на борт с брандвахты или таможенной яхты одного сопровождающего до таможни. Эта статья стала следствием появления фактов незаконной выгрузки товаров с иноземных судов до их прихода в порт, о которых не раз упоминалось в многочисленных указах второй половины XVII века, и результатом апробирования подобной практики при Кронштадтской таможне. Абсолютно новым положением российского таможенного законодательства являлось определение на суда из таможни досмотрщиков, без которых невозможно было осуществлять погрузку или разгрузку судна. Корабельщики не имели права покидать гавань до окончания досмотра и порт без таможенного паспорта (статьи 2, 5–8, 14). За нарушение вышеуказанных статей Устава следовала конфискация корабля и всех товаров. Статья 35 определяла правовой статус таможенников и запрещала оскорблять их или оказывать им сопротивление, в противном случае нарушителей наказывали различным образом, вплоть до смертной казни³³. Строгость наказаний, установленная Морским торговым регламентом и уставом за несоблюдение отдельных статей закона, объясняется частыми случаями нарушения таможенных правил в предшествующий период.

Вслед за новыми таможенными правилами появилось распоряжение Сената о комплектовании портовых таможен служителями по найму. Однако таможни по-прежнему нуждались в помощи военнослужащих – для орга-

низации караулов и разъездов. Так, в 1723 году для Санкт-Петербургской, Кронштадтской, Архангелогородской, Новодвинской и Кольской таможен требовалось 99 солдат и матросов, которых должны были прислать Военная и Адмиралтейств-коллегии [8: 68]. По этому поводу в 1724 году Коммерц-коллегия неоднократно обращалась в Военную коллегию. Простой, в принципе, вопрос решался крайне медленно. Только через год Санкт-Петербургская таможня получила наконец требуемое число военнослужащих – 12 солдат с капралом³⁴. Также только в 1725 году в Архангельске смогли учредить четыре заставы по устьям реки Двины, на каждой из которых находилось по три-четыре солдата и досмотрщик³⁵.

Таким образом, несмотря на неоднократные попытки совершенствования системы таможенного надзора, государство так и не смогло отказаться от использования военнослужащих в его проведении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XVII – первой четверти XVIII века таможенный доход в России являлся одним из основных финансовых источников, который использовался для проведения государственных преобразований и обеспечения потребностей армии и флота в период Северной войны. Петр I уделял значительное внимание сбору пошлин и борьбе с незаконным ввозом и вывозом товаров как посредством внесения изменений в таможенные правила и процедуры, так и путем реорганизации таможенных органов и изменения кадровой политики. В связи с превалированием морской внешней торговли над сухопутной российские власти прежде всего проявляли заинтересованность в организации качественного таможенного надзора в морских портах. Рост контрабанды и уклонения от уплаты пошлин по мере усиления протекционистской политики и развития сухопутной торговли при несовершенстве таможенной системы стали главными причинами расширения привлечения военнослужащих к таможенному делу. Стрельцы, солдаты и их командиры участвовали в проверке документов, проведении устного опроса, таможенном наблюдении, сопровождении, таможенном осмотре и досмотре, задержании нарушителей и контрабандных товаров. Тем не менее в нормативно-правовых актах постоянно указывалось на одни и те же виды таможенных правонарушений, встречавшихся на практике и не поддававшихся искоренению. Ситуация осложнялась повсеместным злоупотреблением своими полномочиями со стороны как таможенных служащих, так и представителей военного ведомства. В этих услови-

ях правительство приняло ряд верных решений для повышения эффективности таможенного надзора. Оно начало постепенную реорганизацию центральных органов управления таможенным делом и перевод таможен на штатную систему комплектования, расширило практику анализа деятельности таможен и застав с помощью тамо-

женных инспекторов, продолжало использование военнослужащих для несения караулов, охраны застав и проведения оперативно-разыскной деятельности, разрабатывало и утверждало нормативные акты, направленные на укрепление дисциплины и ответственности таможенников и военнослужащих.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения 12.02.2022); Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 12.02.2022).
- ² Таможенный кодекс Российской Федерации от 28.05.2003 № 61-ФЗ (ред. от 27.11.2010). Гл. 35, 39 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42438/ (дата обращения 12.02.2022).
- ³ Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях. СПб., 1862. С. 66–68.
- ⁴ Лодыженский К. И. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 65–66.
- ⁵ Ульянич А. М. Исторические аспекты пограничного и таможенного контроля на границе Российской империи в 1721–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 5–6.
- ⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 1. СПб., 1830. № 408. С. 684.
- ⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук / Доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. Т. 3. СПб., 1836. С. 391; Т. 4. СПб., 1836. С. 155.
- ⁸ Там же. Т. 4. С. 154; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1851. С. 144; Т. 5. СПб., 1853. С. 180.
- ⁹ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 2. СПб., 1830. № 1248. С. 859–860; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. С. 308–310.
- ¹⁰ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 3. СПб., 1830. № 1687. С. 617.
- ¹¹ Мамонтов В. М. Развитие таможенного права России в период Московского государства начала XVI – конца XVII вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2016. 212 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sci-book.com/gosudarstva-prava-istoriya/nakaznyie-pamyati-53479.html> (дата обращения 15.01.2022).
- ¹² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 5. С. 181, 184.
- ¹³ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 3. № 1687. С. 617–631.
- ¹⁴ Там же. С. 624–631.
- ¹⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 5. С. 223.
- ¹⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 3. № 1641. С. 465.
- ¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 5. С. 221–224.
- ¹⁸ Козмин К. Варангерское море и его история. Архангельск, 1914. С. 9.
- ¹⁹ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 3. № 1699. С. 647–648.
- ²⁰ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 4. СПб., 1830. № 1795. С. 43–54.
- ²¹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1883. С. 98.
- ²² ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 4. № 1813. С. 77; № 1922. С. 201–203.
- ²³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 17. Д. 247. Л. 97; Кн. 18. Л. 55.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. Ч. 6. Д. 125. Л. 1–2.
- ²⁵ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 5. СПб., 1830. № 3006. С. 331–332, 375, 377.
- ²⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 7. СПб., 1830. № 4185. С. 31–32.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2589. Л. 73 об.–74.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3146. С. 532; Т. 6. № 3889. С. 486.
- ³⁰ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 5. № 3466. С. 765; Т. 10. № 7860. С. 821–822.
- ³¹ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 7. № 4312. С. 121–124; Городовые магистраты // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IX. СПб., 1893. С. 315.
- ³² РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 195. Л. 103.
- ³³ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 7. № 4451. С. 233–241.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2480, 2481.
- ³⁵ ГААО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 14. Л. 100; Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 44. Л. 73–74.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алепко А. В. История вооруженных сил России. Служба охраны границ (IX–XX вв.). М.: Юрайт, 2019. 379 с.
2. Балковская В. Г. Становление таможенной пограничной стражи России во второй половине XVIII в. // *Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami* – 2011: Materiały VII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji. Vol. 21. Prawo. Przemysł: Nauka i studia, 2011. С. 3–6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Pravo/1_91904.doc.htm (дата обращения 12.01.2022).
3. Балковская В. Г. Таможенная служба в системе управления российского государства XVI–XVIII вв. Владивосток: РИО Владивостокского филиала РТА, 2011. 280 с.
4. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
5. Гарунова Н. Н., Чекулаев-Братчиков Н. Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке. Махачкала: АЛЕФ (Овчинников М. А.), 2011. 620 с.
6. Зубарев С. М. О правоохранительных аспектах контроля и надзора // *Уголовно-исправительное право*. 2017. Т. 12, № 4. С. 417–421.
7. Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России. М.: Русина-пресс, 2004. 585 с.
8. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. 384 с.
9. Козлова Н. В. Служители Санкт-Петербургской портовой таможни в 20–30-х гг. XVIII в. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф.* (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2018. С. 195–202.
10. Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 496 с.
11. Проскурякова М. Е. «Из определенных к Остзею»: гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 179 с.
12. Таможенная служба Санкт-Петербурга. 1703–2003 / Под общ. ред. В. И. Вьюнова. СПб.: Санкт-Петербургская таможня и др., 2003. 335 с.
13. Тимошина Л. А. Воеводское и таможенное управление в первой половине XVII в. (на примере городов Устюжской четверти) // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв.: Сб. материалов междунар. науч. конф.* СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 255–260.
14. Чекулаев-Братчиков Н. Д. Низовой корпус на Кавказе: история гарнизона крепости Святого Креста. Махачкала, 2011. 206 с.
15. Чермянинов Д. В. Об уточнении понятий и корректности применения контроля и надзора в области таможенного дела // *Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф.* (Нижний Новгород, 9–10 июня 2016 г.). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2016. С. 510–518.
16. Шумилов М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 472 с.
17. Вейгау Д. *Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland* (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 15). Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1984. 504 s.
18. Кирп J. L. H. *Soldiers of the tsar: Army and society in Russia, 1462–1874*. Oxford: Clarendon press, 1985. 431 p.
19. Taylor B. D. *Politics and the Russian Army: Civil-military relations, 1689–2000*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. XVI, 355 p. DOI: 10.1017/CBO9780511615719

Поступила в редакцию 28.02.2022; принята к публикации 22.04.2022

Original article

Tatyana S. Minaeva, Dr. Sc. (History), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
t.minaeva@narfu.ru
Nikita A. Khrebtov, Master's Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
ya.nax1999@yandex.ru

PARTICIPATION OF MILITARY PERSONNEL IN CUSTOMS SUPERVISION IN RUSSIA IN THE LATE XVII ANE THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURIES

Abstract. The article analyzes legal normative documents and acts to characterize the joint activities of the customs and military departments in the organization of customs supervision during the reign of Peter the Great. The research novelty of the article is in the fact that it is the first special study of this issue, which reveals the historical reasons that

led to the involvement of military personnel in the activities of customs officers, determines the forms of customs supervision in which streltsy, soldiers, and their commanders participated, and identifies problems that existed in the activities of customs or sea and land outposts and prevented successful implementation of the customs policy. The authors conclude that the increase in the effectiveness of customs supervision during the reign of Peter the Great, in addition to the gradual reorganization of the customs system and introducing the practice of analyzing the activities of customs and outposts, was also facilitated by the use of military personnel for guard duty, guarding outposts, and conducting relevant investigations, as well as by the adoption of legislative acts aimed at strengthening the discipline and responsibility of army and customs officers. The relevance of the study is determined by the importance of using historical experience for organizing joint work of various departments and paramilitary organizations in order to counter threats to the country's economic security.

Key words: customs history, customs supervision, guard service, garrison troops

For citation: Minaeva, T. S., Khrebtov, N. A. Participation of military personnel in customs supervision in Russia in the late XVII and the first quarter of the XVIII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):18–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.764

REFERENCES

1. Alepko, A. V. History of the Armed Forces of Russia. Border guard service from the IX to the XX centuries. Moscow, 2019. 379 p. (In Russ.)
2. Balkovaya, V. G. The formation of the border customs guard in Russia in the second half of the XVIII century. *Materiały VII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji "Perspektywiczne opracowania są nauk i technikami – 2011"*. Vol. 21. Prawo. Przemysł, 2011. P. 3–6. Available at: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Pravo/1_91904.doc.htm (accessed 12.01.2022). (In Russ.)
3. Balkovaya, V. G. Customs service in the administration system of the Russian state in the XVI–XVIII centuries. Vladivostok, 2011. 280 p. (In Russ.)
4. Beskrovny, L. G. The Russian army and navy in the XVIII century. Moscow, 1958. 645 p. (In Russ.)
5. Garunova, N. N., Chekulaev-Bratchikov, N. D. The Russian Imperial Army in the Caucasus in the XVIII century. Makhachkala, 2011. 620 p. (In Russ.)
6. Zubarev, S. M. On law enforcement aspects of control and supervision. *Criminal and Correctional Law*. 2017;12(4):417–421. (In Russ.)
7. Kislovsky, Yu. G. The history of customs affairs and customs policy in Russia. Moscow, 2004. 585 p. (In Russ.)
8. Kozlova, N. V. Russian absolutism and Russian merchants in the XVIII century (from the 1720s to the early 1760s). Moscow, 1999. 384 p. (In Russ.)
9. Kozlova, N. V. Servants of the St. Petersburg port customs in the 1720s and the 1730s. *Trade, merchants and customs in Russia from the XVI to the XIX centuries: Proceedings of the fourth international research conference* (Nizhny Novgorod, September 28–30, 2017). Nizhny Novgorod, 2018. P. 195–202. (In Russ.)
10. Nikonov, S. A. "Those who did not go to sea, did not pray to God": Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by peasants and monasteries of Pomorye from the XVI to the XVIII centuries. Moscow, St. Petersburg, 2020. 496 p. (In Russ.)
11. Proskuryakova, M. E. "Those seconded to the Ostsee": garrisons of the Vyborg and Kexholm fortresses in the first half of the XVIII century. Petrozavodsk, 2012. 179 p. (In Russ.)
12. St. Petersburg Customs Service (1703–2003). (V. I. Vyunov, Ed.). St. Petersburg, 2003. 335 p. (In Russ.)
13. Timoshina, L. A. Voivodeship and customs administration in the first half of the XVII century. (on the example of the cities of the Ustyuzha quarter). *Trade, merchants and customs in Russia from the XVI to the XVII centuries: Proceedings of the international research conference*. St. Petersburg, 2001. P. 255–260. (In Russ.)
14. Chekulaev-Bratchikov, N. D. Grassroots corps in the Caucasus: the history of the garrison of the Holy Cross Fortress. Makhachkala, 2011. 206 p. (In Russ.)
15. Chermyaninov, D. V. Clarifying the concepts and correctness of the application of control and supervision in the field of customs. *Current issues of control and supervision in socially significant spheres of social and state activities: Proceedings of the II all-Russian research and practice conference* (Nizhny Novgorod, June 9–10, 2016). Nizhny Novgorod, 2016. P. 510–518. (In Russ.)
16. Shumilov, M. M. Trade and customs in Russia: formation, main stages of development (IX–XVII centuries). St. Petersburg, 2006. 472 p. (In Russ.)
17. Beyrau, D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 15). Köln, Wien, 1984. 504 s.
18. Keep, J. L. H. Soldiers of the tsar: Army and society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985. 431 p.
19. Taylor, B. D. Politics and the Russian Army: Civil-military relations, 1689–2000. Cambridge, 2003. XVI, 355 p. DOI: 10.1017/CBO9780511615719

Received: 28 February, 2022; accepted: 22 April, 2022

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1408-3137; pashkov@petrsu.ru

200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПЕТРА I В ПЕРЕПИСКЕ СТОЛИЧНЫХ ИСТОРИКОВ И ПЕТРОЗАВОДСКИХ КРАЕВЕДОВ

А н н о т а ц и я . Актуальность темы обусловлена 350-летием со дня рождения Петра I, которое отмечается в 2022 году. В связи с этим представляет большой интерес проведение празднования 200-летия со дня рождения Петра I в 1872 году. Целью статьи является анализ проведения петровских торжеств в Петрозаводске в 1872 году. Статья написана на материалах «Дела о постановке памятника Петру I в Петрозаводске», хранящегося в Научном архиве Карельского научного центра РАН, впервые вовлеченного в научный оборот. В конце 1871 года губернатор Олонецкой губернии Г. Г. Григорьев поручил секретарю Олонецкого губернского статистического комитета и краеведу А. И. Иванову подготовить очерк о деятельности Петра I на территории Олонецкой губернии. А. И. Иванов обратился за помощью в поисках источников к историкам Е. В. Барсову, С. М. Соловьеву, А. И. Артемьеву и В. И. Рожкову. В Научном архиве Карельского научного центра РАН сохранилась обширная переписка по этому вопросу. Е. В. Барсов прислал несколько писем, в которых сообщил сведения о различных источниках по этому периоду на территории Олонецкой губернии. А. И. Артемьев дал обзор научных публикаций и рекомендовал привлечь к работе П. Н. Петрова. В. И. Рожков обещал найти источники об Олонецких Петровских заводах в архиве Горного департамента. Ответного письма С. М. Соловьева в документах не выявлено. Реальную помощь А. И. Иванову оказали только В. И. Рожков и Е. В. Барсов. Их материалы и советы он использовал в своем очерке «Император Петр Великий и деятельность его на Олонце», изданном в Петрозаводске в 1873 году. Попытка местных властей и краеведов подготовить исторический очерк о деятельности Петра I в Олонецком крае, написанный на основе архивных материалов и на уровне требований современной исторической науки, представляет большой интерес. Хотя этот план был реализован частично, очерк А. И. Иванова на протяжении 30 лет оставался лучшей научной работой по этой проблеме. В. И. Рожков и Е. В. Барсов и после 1872 года продолжили изучать деятельность Петра I в Олонецком крае.

Ключевые слова: петровский юбилей 1872 года, Олонецкая губерния, Г. Г. Григорьев, А. И. Иванов, Е. В. Барсов, С. М. Соловьев, А. И. Артемьев, П. Н. Петров, В. И. Рожков

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034. Приношу свою искреннюю благодарность директору Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН д. и. н. О. П. Илюха за возможность поработать с документами Научного архива Карельского научного центра РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пашков А. М. 200-летний юбилей Петра I в переписке столичных историков и петрозаводских краеведов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 28–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.765

ВВЕДЕНИЕ

В 1872 году Россия отмечала 200-летие со дня рождения Петра I. Эти юбилейные торжества пришлось на время, когда Россия стала приходить в себя после поражения в Крымской войне. В стране полным ходом шли Великие реформы Александра II. Многие образованные люди видели прямую перекличку между эпохой Пе-

тровских реформ и современностью, поэтому Петровский юбилей русское общество встретило с большим энтузиазмом. Для монархистов Петр был ЦАРЬ-реформатор (то есть успех реформ зависит от самодержавной власти), а либералы видели в нем царя-РЕФОРМАТОРА (то есть успешное развитие страны зависит от реформ). Многие историки, отложив текущие дела, стали

выступать с публичными лекциями, писать и публиковать научно-популярные работы о Петре и его эпохе. Профессор богословия Петербургской римско-католической академии А. Д. Ивановский читал публичные лекции о Петре Великом и его сотрудниках в Петербургской городской думе и Русском купеческом обществе [6: 183], а затем опубликовал их в виде брошюры «для народа»¹. Но наибольший резонанс имели лекции ведущего в то время русского историка С. М. Соловьева (подробнее о нем см.: [1], [2], [7], [8]) «Публичные чтения о Петре Великом». Великий историк, отложив на время работу над монументальной «Историей России с древнейших времен», прочитал 12 лекций о Петре в Москве, в зале Благородного собрания, вмещавшем около трех тысяч человек с 6 февраля по 14 мая 1872 года. На первую лекцию собралось «почти все высшее общество Москвы», включая московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова. Вскоре лекции были опубликованы². «Публичные чтения» С. М. Соловьева стали одним из самых ярких по форме и глубоких по содержанию памятников русской исторической мысли XIX века и до сих пор вызывают неподдельный интерес и профессиональных историков, и простых читателей³.

Петровские торжества охватили не только Петербург и Москву, но и большинство городов России, и тех, в которых Петр бывал (Архангельск, Воронеж, Черкасск, Псков, Дерпт, Рига, Либава, Нижний Новгород, Новая Ладога, Киев, Ромны, Калиш, Ревель, Астрахань, Петровск и др.), и тех, где он никогда не был (Одесса, Омск и др.). Притчей во языцех и посмешищем для всей России стал город Верхнеудинск, население которого, если верить официальному донесению, «не сочло себя обязанным почтить память монарха-преобразователя»⁴.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕТРОВСКОГО ЮБИЛЕЯ 1872 ГОДА В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Не осталась в стороне от юбилейных петровских торжеств и Олонецкая губерния, тем более что Петр I неоднократно бывал здесь и много сделал для развития этого региона. Губернатор Олонецкой губернии Г. Г. Григорьев принял решение поставить в Петрозаводске памятник Петру I. Но из-за отсутствия средств и бюрократических проволочек (деньги на памятник пришлось просить у казны) в день рождения Петра 30 мая 1872 года произошла только закладка памятника, а открыть его удалось лишь 29 июня 1873 года, то есть спустя год (подробнее см. [5]). Тем не менее день рождения Петра жители Пе-

трозаводска отметили достойно. Торжества начались уже 29 мая, когда в созданном при Петре кафедральном Петропавловском соборе в присутствии всех высших военных и гражданских чинов, а также представителей городской думы и земства прошла панихида за упокой души царя Петра. 30 мая утром в этом же соборе состоялась молебен с водоосвящением и крестный ход к месту будущего памятника Петру I, в котором участвовали солдаты петрозаводского губернского батальона, мастеровые Александровского завода, воспитанники учебных заведений, духовенство, гражданские и горные чины, представители городской думы, губернского и уездного земства и волостные старшины. На Петровской площади также состоялось богослужение с водоосвящением и церемония закладки будущего памятника Петру I. По окончании был дан салют из 31 орудия. В зале губернаторского дома была выставлена для всеобщего обозрения гипсовая модель будущего памятника Петру I в одну четвертую натуральной величины (2,25 аршина).

Анонимный автор писал в местной газете:

«Вообще день 30-го мая представлял воодушевленный, небывалый праздник в Петрозаводске. Еще накануне торжественного дня казенные здания и некоторые частные дома по направлению от Петропавловского собора к Петровской площади начали украшаться флагами, гирляндами из зелени, коврами и материями. На доме губернской мужской гимназии выставлен убранный красною драпировкою старинный портрет Петра Великого, во весь рост, с сделанной под ним славянскими буквами надписью: “Из школы бы на всякие potrzeby, люди, благоразумно учася, происходили” (слова Петра патриарху)⁵. На переднем фасаде зданий Александровского пушечного завода, обращенном к Петровской площади, поставлены три большие щита с сделанными из зелени вензелевыми именами императора Петра I, императора Александра II и государыни императрицы Марии Александровны. Дома губернаторский и присутственных мест, здание театра, гауптвахта, гостинный двор и другие пестрели разноцветными флагами. Дома горного ведомства убраны были гирляндами и венками из зелени и эмблемами горного производства – серебряными изображениями молотов на голубых щитах. Над амвоном, на котором происходило богослужение, на Петровской площади, расстился весьма красивый белый полотняный намёт с красною зубчатою каймою и кистями»⁶.

После окончания официальной части на Петровской площади началось народное гуляние:

«...играли хоры музыки и пели песенники; здесь были устроены качели и мачта для лазанья за призами. Густые толпы народа наполняли площадь и Английскую улицу до глубокой ночи»⁷.

Вечер завершился спектаклем самодеятельных артистов по пьесе Н. А. Полевого «Дедушка русского флота»⁸.

НАЧАЛО РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАПИСКИ О ПРЕБЫВАНИИ ПЕТРА I НА ТЕРРИТОРИИ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Одновременно с решением об установке памятника Петру в Петрозаводске возникла идея подготовить и издать научно-популярную («для народа») брошюру о деятельности царя на территории губернии. В связи с Петровским юбилеем 1872 года во многих губерниях и городах России вышли публикации о пребывании там Петра I и об истории этих регионов в Петровскую эпоху. Так, в Архангельске была издана работа С. Ф. Огородникова «Петр Великий в Архангельске и плоды пребывания его на нашем Севере»⁹.

Впервые идею «составить историческую записку о пребывании» Петра I на территории Олонецкой губернии и «об основании им различных учреждений, которым наш край обязан развитием народного благосостояния» губернатор Г. Г. Григорьев высказал секретарю Олонецкого губернского статистического комитета (далее – ОГСК) и активному краеведу А. И. Иванову в письме от 16 октября 1871 года¹⁰. В ответном письме А. И. Иванов пожаловался Г. Г. Григорьеву на нехватку материалов, необходимых для создания такого труда¹¹.

Вопрос о «собираании материалов для истории царственной деятельности императора Петра Великого в Олонецком крае» рассматривался на общем собрании ОГСК 23 декабря 1871 года¹². Отметив, что «приготовлена уже значительная часть выписок для предполагаемой записки», А. И. Иванов обратил внимание и на имеющиеся проблемы, в частности отсутствие в местных архивах документов «из эпохи Петра Великого»:

«Особенный пробел заключается в отношении устройства Петровских заводов, основанных в 1703 году... для истории Петровских заводов приходится ограничиться биографией Геннина, напечатанною в «Горном журнале»¹³ и рукописными записками Баландина, известными под названием «Северные вечерние беседы»¹⁴, хранящимися в Комитете».

Было принято решение для выявления неизвестных документов об истории края в Петровскую эпоху обратиться к начальнику Олонецких горных заводов Н. А. Фелькнеру (за содействием в получении документов из архива Олонецких горных заводов) и епископу Олонецкому и Петрозаводскому Ионафану (Рудневу) (за

содействием в получении документов из церковных архивов). Н. А. Фелькнер также

«принял на себя труд сношения с лицами, занимающимися историею горного дела о рассмотрении с означенною целию архива Горного департамента, в который, как известно, поступили дела бывшей Берг-коллегии, заведовавшей при Петре Великом здешними заводами».

Таким образом, из протокола этого заседания следует, что для разработки истории Олонецкой губернии в Петровскую эпоху, а особенно истории Петровских заводов, необходимо привлечение новых архивных материалов, прежде всего из центральных архивов.

В. И. РОЖКОВ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ОЛОНЕЦКИХ ПЕТРОВСКИХ ЗАВОДОВ

Вскоре после заседания 23 декабря Н. А. Фелькнер обратился с письмом к петербургскому историку горного дела В. И. Рожкову с предложением принять участие в выявлении документов об основании и деятельности Петровских заводов в архиве Горного департамента. В ответном письме от 21 января 1872 года В. И. Рожков согласился принять участие в этой работе¹⁵. Ответ на предложение В. И. Рожкова по сотрудничеству обсуждался на общем собрании ОГСК 31 января 1872 года. Выслушав сообщение секретаря ОГСК А. И. Иванова об этом предложении В. И. Рожкова, Комитет принял решение:

«...находя предложение г<осподина> горного инженера <действительного> <статского> <советника> В. И. Рожкова... полезным и достаточным для предполагаемой цели... <Комитет> полагает: принять предложение В. И. Рожкова с выражением его превосходительству искренней благодарности за просвещенную готовность содействовать выполнению задачи Комитета... желательно, чтобы выписки были цитированы указанием на подлинные акты и документы, из которых они были извлечены»¹⁶.

Среди документов ОГСК о подготовке исторической записки о деятельности Петра I в Олонецком крае есть любопытный листок с кратким перечнем источников и литературы по данной проблеме. Там нет заголовка и подписи автора, указаны только место и дата: «г. Санкт-Петербург, 23 февраля 1872 г.» (см. в Приложении документ № 1). В перечне отмечены как опубликованные материалы (работы М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: от древних времен до ныне настоящего», Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» и С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», публикация «Полное собрание законов Российской империи», многочисленные прижизненные

публикации указов Екатерины II), а также указания на неопубликованные рукописи («Российская горная история» А. С. Ярцова, хранящаяся в библиотеке Горного института, и четыре дела из Архива Горного департамента). Можно предположить, что автором этого списка был В. И. Рожков.

В очерке А. И. Иванова «Император Петр Великий и деятельность его на Олонце» в разделе «Петр Великий на Олонце» имеется ранее нигде не публиковавшийся материал об экспедиции по поиску серебряных и медных руд И. Патрушева, И. Головачева и И. Блюэра, направленной в 1702 году в Олонецкий уезд, результатом которой стало основание Алексеевского, Повенецкого и Петровского заводов и ценные сведения о деятельности Олонецких Петровских заводов¹⁷. С большой долей вероятности можно предположить, что эти данные были представлены В. И. Рожковым.

Следует отметить, что сотрудничество В. И. Рожкова с петрозаводскими краеведами стимулировало его к дальнейшему изучению истории Олонецких Петровских заводов, результатом этого стала основанная на многочисленных опубликованных и архивных источниках статья В. И. Рожкова «Горнозаводской промысел в Олонецком крае», сразу же перепечатанная в «ОГВ»¹⁸.

Е. В. БАРСОВ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Сразу после заседания 23 декабря А. И. Иванов написал письмо московскому историку и археографу Е. В. Барсову, который в 1861–1870 годах был преподавателем Олонецкой духовной семинарии [3]. Он просил Е. В. Барсова помочь в выявлении источников по истории Петровской эпохи на территории Олонецкой губернии. Для солидности письмо было послано от имени губернатора Г. Г. Григорьева. 10 января Г. Г. Григорьеву пришел ответ (см. в Приложении документ № 2). Е. В. Барсов сообщил ценную информацию о письменных и вещественных источниках Петровского времени, которые можно найти в Олонецкой губернии, и настоятельно советовал собирать народные предания о Петре. Как доказательство ценности таких преданий он приложил к своему письму запись предания, названного им «Народный рассказ о поездке Петра I-го в Соловки». Это предание сразу было опубликовано в «ОГВ»¹⁹. Публикация вызвала новое письмо Е. В. Барсова Г. Г. Григорьеву от 16 февраля (см. в Приложении документ № 3), содержавшее дополнительные рекомендации по поиску письменных и вещественных

источников о Петровской эпохе и привлечению к этой работе разных людей. Е. В. Барсов даже предлагал произвести раскопки на месте Петровского завода. Любопытной является его информация о том, что в бытность своего пребывания на Марциальных водах Петр I изготовил седалище²⁰ для алтаря Соломенской церкви (Соломенное – пригород Петрозаводска). Это кресло было получено Е. В. Барсовым в подарок от местного священника.

Под влиянием советов Е. В. Барсова газета «ОГВ» в мае 1872 года, накануне Петровского юбилея, начала публиковать материалы в рубрике «Народные предания и рассказы в Олонецком крае о Петре Великом», причем в первой такой публикации имелось примечание «Первый такой рассказ был напечатан в № 8 "Олон<ецких> губ<ернских> вед<омостей>" 1872 года»²¹, содержавшее прямую отсылку к публикации, сообщенной Е. В. Барсовым. Вслед за первой публикацией П. Минорского в следующем номере газеты в этой же рубрике вышли его публикация еще одного предания²² и анонимная публикация другого предания о Петре I²³. Завершением рубрики стала публикация предания «Пребывание императора Петра I-го в Святозере», доставленного в редакцию членом ОГСК и благочинным священником Петрозаводского уезда П. И. Ильинским²⁴. В очерке А. И. Иванова «Император Петр Великий и деятельность его на Олонце» также широко использованы народные предания о Петре (Петр на Вожмосалме, Воротный остров, вытегоры-камзольники и др.)²⁵. Таким образом, сотрудничество ОГСК с Е. В. Барсовым в 1872 году позволило местным краеведам оценить значение народных преданий о Петре I и начать их сбор и публикацию.

Контакты Е. В. Барсова с ОГСК стимулировали и рост его интереса к историческим преданиям о Петре I. В 1872 году в журнале «Беседа» он поместил свою публикацию «Петр Великий в народных преданиях Северного края»²⁶. Там было опубликовано 9 преданий, бытовавших в Олонецкой губернии. Часть из них уже была известна из краеведческой литературы, другие были записаны от местных жителей самим Е. В. Барсовым и его учеником П. А. Минорским. Позднее эта работа была перепечатана в Петрозаводске²⁷. Показательно, что и сам Е. В. Барсов, и его современники оценивали эту работу весьма высоко. В феврале 1873 года, узнав о том, что Л. Н. Толстой собирает материалы для романа об эпохе Петра I, Е. В. Барсов преподнес писателю издания «Преданий». Л. Н. Толстой 1 марта 1873 года в ответном письме заметил:

«Предания о Петре прелестны, и, как вы верно говорите, что народ указал на основные черты его характера, который Вы так выпукло выставляете; самое подробное изучение, тончайший духовный анализ и непосредственное чутье певца приводят к одному и тому же»²⁸.

В 1874 году вдохновленный опубликованными Е. В. Барсовым преданиями о Петре I поэт А. Н. Майков написал стихотворение «Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края»²⁹. В примечании к стихотворению он писал:

«Рассказ этот представлен здесь почти без изменений, как он записан Е. В. Барсовым в Онежском крае и напечатан между многих других в “Беседе” под общим названием “Петр Великий в преданиях Северного края”. Он записан собирателем со слов заказчика прозой; но и в этой прозе сами собой сквозят стихи; я пытался только восстановить их, почти нигде ничего не прибавляя от себя. Петр, повелевающий стихиями, — это такой колоссальный образ великого государя, а описание бури и потопление шведских лодок — такая живая, сжатая и верная природе картина, что было бы жаль, если бы эти красоты народного творчества прошли незамеченно в истории нашей поэзии»³⁰.

И в последующие годы Е. В. Барсов неоднократно обращался к публикации и изучению петровского фольклора³¹.

Одновременно с письмом Г. Г. Григорьеву Е. В. Барсов 16 февраля направил письмо своему хорошему знакомому по Петрозаводску А. И. Иванову (см. в Приложении документ № 4). В этом письме Е. В. Барсов по-приятельски сообщает А. И. Иванову новости о своей научной деятельности и личной жизни, о политической жизни страны, дает характеристику Г. Г. Григорьеву и т. д. Это письмо многое сообщает и о самом Е. В. Барсове.

ПЕРЕПИСКА ОГСК С ПЕТЕРБУРГСКИМИ ИСТОРИКАМИ А. И. АРТЕМЬЕВЫМ И А. Д. ИВАНОВСКИМ

Г. Г. Григорьев решил привлечь к поискам документов о Петре I своего хорошего знакомого по совместной службе в МВД, в то время крупного чиновника Центрального статистического комитета А. И. Артемьева, и поручил А. И. Иванову написать ему письмо (см. в Приложении документ № 5). В ответном письме от 17 ноября 1871 года А. И. Артемьев дал краткую характеристику литературы и источников, в которых можно было найти сведения о Петровской эпохе на территории Олонецкой губернии, но, сославшись на занятость по подготовке Международного статистического конгресса, который состоялся в Петербурге в августе 1872 года, предложил нанять для поиска архивных материалов П. Н. Петрова (см. в Приложении документ № 6). Оценив обстановку, Г. Г. Григорьев и А. И. Иванов в пись-

ме от 2 декабря поблагодарили А. И. Артемьева, но отказались от сотрудничества с П. Н. Петровым³².

Понимая, что время уходит, а с получением архивных документов ничего не получается, А. И. Иванов обратился за помощью к А. Д. Ивановскому. Антон Доминикович Ивановский (1823–1873), этнический поляк, с 1850 года жил в Петербурге, в 1857–1869 годах служил библиотекарем в Публичной библиотеке, а в 1869–1873 годах был профессором истории в Римско-католической духовной академии. Он был известен как автор ряда историко-биографических работ. В связи с подготовкой к 200-летию со дня рождения Петра I А. Д. Ивановский читал публичные лекции о Петре и его сотрудниках в Петербургской городской думе и Русском купеческом обществе и вскоре опубликовал их в виде брошюры³³. Когда объявление о скором выходе в свет этой брошюры появилось в газетах (сама брошюра вышла в свет только в мае 1872 года), А. И. Иванов написал А. Д. Ивановскому письмо с просьбой прислать в ОГСК два экземпляра. Далее он сообщал, что, «приступая к составлению исторической записки о царственной деятельности» Петра I в Олонецком крае, ОГСК «обратился уже чрез газеты к любителям русской старины с покорнейшею просьбою о доставлении материалов, касающихся этой эпохи и нашего края, неизвестных доселе в литературе». С такой же просьбой ОГСК обратился и к А. Д. Ивановскому³⁴. Но для А. Д. Ивановского исследование Петровской эпохи носило конъюнктурный характер, глубокими познаниями он не обладал, и поэтому никаких следов его дальнейшего сотрудничества не обнаружено.

ОГСК И С. М. СОЛОВЬЕВ

Пожалуй, самым ярким эпизодом подготовки исторического очерка о деятельности Петра I стало обращение А. И. Иванова к известному историку С. М. Соловьеву (см. в Приложении документ № 7). Первое письмо было направлено 7 марта 1872 года. А. И. Иванов просил о помощи в подготовке своего труда:

«...позволяю себе обратиться к Вашему превосходительству с моею усерднейшею просьбою: не признаете ли Вы возможным сообщить для предполагаемого Комитетом издания тех исторических данных о Петре Великом, которые касаются царственной деятельности Его в Олонецкой губернии... Ваш ученый взгляд на значение Олонецкого края в преобразованиях Петровых был бы руководною для Комитета нитью в изучении эпохи, с которой край этот начал новую гражданскую жизнь и бытовую и экономическую деятельность» (см. в Приложении документ № 7).

Через три недели, 31 марта, А. И. Иванов напомнил о себе новым письмом С. М. Соловьеву:

«...с покорнейшею просьбою об оказании просвещенного... содействия губернскому статистическому комитету в исследовании царственной деятельности Петра Великого в Олонецкой губернии» (см. в Приложении документ № 8).

К этому письму были приложены краеведческие издания ОГСК, подготовленные К. М. Петровым (биографические сведения о нем см.: [4]): указатель упоминаний об Олонецком крае в изданиях Археографической комиссии³⁵, указатель упоминаний об Олонецком крае в трудах И. И. Голикова, Н. М. Карамзина, Н. Г. Устрялова и самого С. М. Соловьева³⁶ и указатель содержания газеты «ОГВ» за 1838–1870 годы³⁷.

Настойчивые попытки А. И. Иванова привлечь С. М. Соловьева к подготовке очерка о деятельности Петра I поражают смесью провинциальной наивности и горячего желания подготовить эту работу на уровне современных представлений. Неизвестно, ответил ли С. М. Соловьев на эти письма, но накануне юбилейных Петровских торжеств 1872 года и с учетом того, что историк был занят чтением своих «Публичных лекций» и не снимал с себя обязанности по подготовке очередного тома «Истории России», он просто физически не мог серьезно заняться чем-либо другим.

Итак, накануне Петровского юбилея олонецкий губернатор Г. Г. Григорьев поставил перед секретарем ОГСК А. И. Ивановым задачу подготовить работу о деятельности Петра I на территории Олонецкой губернии. Поскольку источников для изучения этой темы в местных архивах не было, А. И. Иванов обратился к нескольким историкам с просьбой помочь ему в выявлении этих материалов в столичных архивах. Но из-за нехватки времени и занятости самих историков реальную помощь А. И. Иванов получил только от В. И. Рожкова и Е. В. Барсова.

ОЧЕРК А. И. ИВАНОВА «ИМПЕРАТОР ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ОЛОНЦЕ»

В итоге к юбилейным торжествам 30 мая 1872 года А. И. Иванов ничего подготовить не успел. Только в августе в газете «ОГВ» появилась первая часть его публикации «Император Петр Великий и его деятельность на Олонце. Исторический очерк для народа» с подзаголовком «Общее обозрение жизни и царствования императора Петра Великого»³⁸.

Поскольку главное событие праздника – открытие памятника Петру в Петрозаводске – тоже

не состоялось, вероятно, было принято решение отложить на год и открытие памятника, и публикацию очерка. И действительно, накануне открытия памятника Петру, которое произошло 29 июня 1873 года, в газете «ОГВ» появилось продолжение очерка А. М. Иванова «Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: исторический очерк для народа». В первом номере (№ 47) завершался раздел «Общее обозрение жизни и царствования императора Петра Великого». В следующих двух номерах была опубликована вторая часть очерка «Царь Петр Великий на Олонце»³⁹. Брошюра завершалась кратким изложением истории создания памятника Петру I в Петрозаводске. Одновременно с публикацией в «ОГВ» очерк А. И. Иванова вышел отдельной брошюрой⁴⁰. В отчете об открытии памятника Петру I было отмечено:

«...на ближайшей площади, у гостиного двора происходили оживленные народные игры: были устроены качели и мачта для лазанья на призы, в числе которых раздавалась перепечатанная к этому дню из “губернских ведомостей” брошюра “Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: исторический очерк для народа”»⁴¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широко отмечавшееся в России в 1872 году празднование 200-летия со дня рождения Петра I затронуло и Олонецкую губернию, где оно затянулось на два года. Большой интерес вызывает попытка местных властей и краеведов подготовить и издать исторический очерк о деятельности Петра I в Олонецком крае. Причем очерк должен был быть написан на основе архивных материалов и на уровне требований современной исторической науки. Для этого была сделана попытка привлечь к подготовке очерка известных специалистов: историка горного дела В. И. Рожкова, фольклориста и этнографа Е. В. Барсова, историков А. И. Артемьева и А. Д. Ивановского и даже известного историка С. М. Соловьева. Этот план был реализован частично. Участие в работе приняли только В. И. Рожков и Е. В. Барсов. Их материалы и рекомендации были учтены при подготовке очерка А. И. Иванова «Император Петр Великий и его деятельность на Олонце». Привлечение В. И. Рожкова и Е. В. Барсова к изучению деятельности Петра I в Олонецком крае привело к тому, что и после 1872 года они продолжили изучать эту тему и публиковать работы. Очерк А. И. Иванова «Император Петр Великий и его деятельность на Олонце» на протяжении 30 лет был лучшей работой по этой теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ивановский А. Д. Беседы о Петре Великом и его сотрудниках. СПб., 1872. 64 с.
- ² Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом С. М. Соловьева. [Речь С. М. Соловьева, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 30 мая 1872 года]. М., 1872. [2], 135 с.
- ³ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Л. Н. Пушкарева; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1984. 232 с.; Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки / Подгот. текста А. А. Левандовского и Н. И. Цимбаева. М., 1983. С. 42–179; Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Избранные труды / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. И. Цимбаева. М., 2010. С. 33–199; Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_publichnye_chtenia_o_petre.html (дата обращения 31.01.2022); Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_0150.shtml (дата обращения 31.01.2022).
- ⁴ Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого [1672–1872] / Текст П. Н. Петрова и С. Н. Шубинского. СПб., 1872. С. 284–290.
- ⁵ Цитата взята из беседы Петра I с патриархом Адрианом в октябре 1699 года (Патриарха Адриана извещение // Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 512).
- ⁶ Празднование 200-летия со дня рождения императора Петра Великого // Олонецкие губернские ведомости. 1872. № 42 (от 31 мая) (подпись: NN) (далее – ОГВ).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Действие пьесы писателя, драматурга, журналиста и историка Н. А. Полевого «Дедушка русского флота» происходит в 1691 году, в ее финале звучит гимн «Боже, царя храни». Пьеса была впервые опубликована в 1838 году (Полевой Н. А. Дедушка русского флота. Русская быль. СПб., 1838. 75 с.).
- ⁹ Огородников С. Ф. Петр Великий в Архангельске и плоды пребывания его на нашем Севере // Архангельские губернские ведомости. 1872. № 235–239 (отд. отд.: Архангельск, 1872. 71 с.).
- ¹⁰ Письмо губернатора Олонецкой губернии Г. Г. Григорьева секретарю ОГСК А. И. Иванову от 16 октября 1871 года // Научный архив Карельского научного центра РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 55–55 об. (далее – Научный архив КарНЦ РАН).
- ¹¹ Письмо секретаря ОГСК А. И. Иванова губернатору Олонецкой губернии Г. Г. Григорьеву от 16 октября 1871 года // Там же. Л. 56–56 об.
- ¹² Общее собрание ОГСК 23 декабря 1871 года // ОГВ. 1872. № 2 (от 8 января).
- ¹³ Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 51–168; Кн. 2. С. 113–172; Кн. 3. С. 89–143; Кн. 4. С. 85–132; Кн. 5. С. 87–149; Кн. 9. С. 85–108.
- ¹⁴ Баландин Т. В. Петрозаводские северные вечерние беседы // ОГВ. 1866. № 6–13, 20, 22, 23, 25, 26, 29, 30, 35–43, 46; 1867. № 5–9. Отд. оттиск: Баландин [Т. В.] Исторические материалы. Петрозаводские северные вечерние беседы. Рукопись г. Баландина. Петрозаводск, 1867. 35 с. Новейшее издание: Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб., 2016. С. 35–137.
- ¹⁵ Письмо В. И. Рожкова Н. А. Фелькнеру от 21 января 1872 года // Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 64–64 об.
- ¹⁶ Общее собрание ОГСК 31 января 1872 года // ОГВ. 1872. № 13 (от 16 февраля).
- ¹⁷ Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: исторический очерк для народа // ОГВ. 1873. № 48 (от 20 июня).
- ¹⁸ Рожков В. И. Горнозаводской промысел в Олонецком крае // Горный журнал. 1888. № 2. С. 290–318 (перепечатано: ОГВ. 1895. № 71, 72, 74, 75, 76, 86, 87, 91).
- ¹⁹ Барсов Е. В. Народный рассказ о поездке Петра I-го в Соловки // ОГВ. 1872. № 8 (от 29 января).
- ²⁰ Седалище – кафедра (кресло) с высокой спинкой для архиерея на Горнем месте в алтаре православного храма. Приношу свою искреннюю благодарность протоиерею Константину Савандеру за консультацию по этому вопросу.
- ²¹ Минорский П. Встреча Петра I со шведами на Ладожском озере // ОГВ. 1872. № 36 (от 10 мая).
- ²² Минорский П. Лысая голова (Лисья голова), порог на реке Свири // ОГВ. 1872. № 37 (от 13 мая).
- ²³ Встреча Петра Великого со священником // ОГВ. 1872. № 37 (от 13 мая) (подпись: С. С-л-в).
- ²⁴ Ильинский П. Пребывание императора Петра I-го в Святозере // ОГВ. 1872. № 73 (от 20 сентября).
- ²⁵ Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: исторический очерк для народа // ОГВ. 1873. № 48, 49 (от 20 и 23 июня).
- ²⁶ Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края, собранных Е. В. Барсовым. Читано в публичном заседании Общества любителей российской словесности // Беседа. 1872. № 5. С. 295–309 (отд. отд.: М., 1872. 17 с.).
- ²⁷ Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 187–197.
- ²⁸ Толстой Л. Н. Письмо Е. В. Барсову от 1 марта 1873 года // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 18. Письма 1842–1884. М., 1984. С. 727.

- ²⁹ Майков А. Н. Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края // Майков А. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 459–461.
- ³⁰ Там же. С. 459.
- ³¹ Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях и сказках Северного края // Труды Этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. 4. М., 1877. С. 33–46; Барсов Е. В. Петр I – святозерский кум (народное предание в Олонецкой губернии) // ОГВ. 1903. № 53 (от 24 мая) и др.
- ³² Письмо А. И. Иванова А. И. Артемьеву от 2 декабря 1871 года // Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 75–76 об.
- ³³ Ивановский А. Д. Беседы о Петре Великом и его сотрудниках. СПб., 1872. 64 с.
- ³⁴ Письмо А. И. Иванова А. Д. Ивановскому (без даты) // Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 88–88 об.
- ³⁵ Петров К. М. Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, напечатанным в изданиях Археографической комиссии («Акты исторические» и «Дополнения к Актам историческим»). Петрозаводск, 1868. 27 с. (отд. отт. из: ОГВ. 1868. № 5).
- ³⁶ Петров К. М. Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, упоминаемым в следующих сочинениях: «История государства Российского» Н. М. Карамзина, изд. Эйнерлинга, 1842 г.; «История России с древнейших времен» С. Соловьева, 1–18 т.; «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. И. Голицына. Изд. 2-е. 1837 г.; «История царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова. Петрозаводск, 1869. 24 с. (отд. отт. из: ОГВ. 1869. № 27–30).
- ³⁷ Петров К. М. Указатель к «Олонецким губернским ведомостям (1838–1870 годы)». Петрозаводск, 1871. 51 с. (отд. отт. из: ОГВ. 1871. № 62).
- ³⁸ Иванов А. И. Император Петр Великий и его деятельность на Олонце: исторический очерк для народа // ОГВ. 1872. № 61, 62 (от 9 и 12 августа).
- ³⁹ Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: исторический очерк для народа // ОГВ. 1873. № 47, 48, 49 (от 16, 20 и 23 июня).
- ⁴⁰ Иванов А. И. Император Петр Великий и деятельность его на Олонце: исторический очерк для народа. Петрозаводск, 1873. 39 с.
- ⁴¹ Торжественное открытие памятника императору Петру Великому // ОГВ. 1873. № 51 (от 4 июля).

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении дана представляющая большой научный интерес переписка губернатора Олонецкой губернии Г. Г. Григорьева и секретаря Олонецкого губернского статистического комитета А. И. Иванова со столичными исследователями. Все документы извлечены из «Дела о постановке памятника Петру I в Петрозаводске», хранящегося в Научном архиве Карельского научного центра РАН (Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 1–156 об.) (далее – Научный архив КарНЦ РАН). Текст дан по нормам современной орфографии. Сокращения слов раскрыты в квадратных скобках. Текст печатается с незначительными сокращениями.

Приношу свою искреннюю благодарность за помощь в археографическом оформлении данной публикации главному архивисту Национального архива Республики Карелия к. и. н. Марии Евгеньевне Нееловой.

№ 1

Список литературы и источников о петровской эпохе

г. Санкт-Петербург, 23 февраля 1872 г.

1. История русского народа. Соч. г. Устрялова¹.
2. История России с древнейших времен (напечатано 21 том). Соч. Соловьева.
3. История горного промысла в Российском государстве. Соч. д[ействительного] с[татского] с[оветника] Сергея Ярцова².
NB. Манускрипт, в 11 книгах, приобретен Гл[авным] горн[ым] управлением в 1872 г. Хранится в Библиотеке Горного института.
4. Полное собрание законов.
5. Указы Екатерины II.
6. Историческое описание российской коммерции от древнейших времен. Соч. М. Чулкова. Издание 1786 г[ода]³.
NB. Это обширное сочинение теперь трудно достать.
7. Дело Горного архива под № 1284, за 1718–1721 г.
8. Дело Горного архива под № 1317 за 1721 г.
9. Дело Горного архива под № 1794.
10. Дело Горного архива под № 2133.
Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 70–70 об. Подлинник.

№ 2

Письмо Е. В. Барсова⁴ губернатору
Олонецкой губернии Г. Г. Григорьеву⁵

10 января 1872 г.

Ваше превосходительство!

Милостивый государь, Григорий Григорьевич.

Благосклонное письмо Вашего превосходительства я получил, но отвечаю на него только теперь. Позволю себе надеяться, что Вы готовы великодушно извинить мое продолжительное молчание, как скоро я скажу, что возложенное на меня поручение невозможно было добросовестно исполнить в более короткий срок. Я наводил справки (относительно пребывания Петра Великого в Олонецкой губернии) в Музее⁶, в Оружейной палате, в архиве Министерства юстиции и в архиве Министерства иностранных дел, но, к сожалению, нигде не встретил новых данных к разъяснению означенного исторического факта. Их, мне кажется, следует искать, прежде всего, в Петербурге и в самой Олонецкой губернии. Я с своей стороны укажу, что любопытные материалы в этом отношении в Свирском монастыре и рекомендую обратиться за ними к бывшему смотрителю Свирского духовного училища⁷ Евдокиму Осиповичу Чернявскому. Сохранилось также много актов и в других монастырях. Материалы об отношениях Петра к олонецким раскольникам помещены в моих статьях под заглавием «Семен Денисов Вторушин» (в «Трудах Киев[ской] академии», кажется, за 1867 год)⁸. Но было бы всего драгоценнее, если бы Комитет собрал все предания о Петре, сохранившиеся в живой памяти народа, и по возможности воспроизвел, как отразился этот великий гений в народном сознании и в каких нравственных чертах рисуется его образ. Таких преданий я сам слышал не мало, и теперь жалею, что не записывал. Вполне сочувствуя задачам Комитета⁹, я, с своей стороны, честь имею прислать к Вашему превосходительству «Народный рассказ о поездке Петра Великого в Соловецкий монастырь»¹⁰. Он начинается каким-то историческим преданием: почему очень бурно Ладожское озеро? Две нравственные черты Петра отражаются в этих рассказах: народ подметил, во-первых, что стихия его гения – это море; здесь он непобедим и наказывает «глупое море»; не укрылась от народа и другая черта его характера – это всюду проникающий и испытующий взор Петра: приезжает, напр[имер], он в Клименцы и допытывается, действительно ли есть там мощи преп[одобного] Ионы¹¹; но, если, по народному представлению, он могуч и властен на море, то здесь он побеждается чудесною силою святыни. Впрочем, если вы найдете этот рассказ не заслуживающим внимания летописца, то отложите его в сторону как негодную бумагу. Я присылаю вам его для образца и для уверения в том, что Петр жив доньше в живом сознании Олонецкого народа.

В ответ на внимание Вашего пр[евосходительст]ва к моим ничтожным работам по истории и этнографии Олонецкого края, мне остается только вознести вам русское «спасибо» с благодарностью. Да, Олонецкая губерния – это целый океан для ученой изыскательности; от глубоких пещер темных до верха народного сознания они носят в себе богатые сокровища для мысли и жизни. От души желаю, чтобы на этой богатой жатве явились жатели. Прошу Ваше пр[евосходительст]во принять от меня один экз[емпляр] «Клименец»¹² для Ст[атистического] ком[итета], другой для основанной Вами Алексеевской библиотеки¹³, третий – для Вашей собственной.

Вашего пр[евосходительст]ва
покорнейший слуга
Елпидифор Барсов

Помета: От Е. В. Барсова присланы:

Для Библиотеки

3 книги: 1. Славяно-русские рукописи Ундольского¹⁴

2. Клименцы

3. Палеостров¹⁵

Отосланы в Комитет и Библиотеку

1 марта 1872 за № 273.

Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 78–79 об. Копия.

№ 3

Письмо Е. В. Барсова губернатору
Олонецкой губернии Г. Г. Григорьеву

16 февраля 1872 г.

Ваше превосходительство!

Милостивый государь, Григорий Григорьевич.

Очень рад, что присланный мною рассказ о поездке Петра Великого в Соловки обратил благосклонное ваше внимание. От души желаю, чтобы Вам представили как можно больше подобных преданий. Не забудьте, Ваше превосходительство, что вытегоров со времени Петра 1-го называют «камзольниками», есть даже пословица «Вытегоры – воры, у Петра Великого камзол украли». В приготавливаемой записке следует разъяснить этот факт.

В отделе о горном деле следует коснуться железной производительности до Петра. В Повенецком уезде, в некоторых местностях, есть целые горы шлаков, что свидетельствует о кузнечном деле. За справками по сему рекомендую обратиться к новому члену Комитета – о[тцу] Мих[аилу] Дубровскому. Он видел эти горы,

и от него я слышал об этом. У него же есть замечательный петровский указ о местных свечах, неизвестный науке и законодательству.

Относительно петровских актов рекомендую обратиться в Вытегорские Кондуши к о[тцу] Смирнову. Я видал там множество указов и официальных бумаг; вероятно, некоторые относятся ко временам Петра. Там же есть ризы – тоже, кажется, петровские.

Для успеха в собирании подобных сведений рекомендую избрать в члены Комитета моих учеников Василья Нименского¹⁶ и Константина Романова; где находится первый, нужно справиться в Консistorии, последний же, кажется, состоит секретарем в Петроз[аводской] суд[ебной] палате. Первый – мастер записывать народные предания, второй отлично приучен читать всевозможные старые акты.

«Олонецкий Климецкий монастырь» представит Вашему превосходительству А. И. Иванов¹⁷; в истории этого монастыря Вы встретите несколько данных, важных для предполагаемой записки.

Еще: не мешало бы учинить раскопку того места, где стоял Петровский завод¹⁸: ведь малейший кусок или остаток этого завода представил бы драгоценный памятник. Если попытка удастся, можно снабдить частицами найденного Ваших гостей. При успехе не забудьте и меня. То же следует сделать и на Повенецких Петровских заводах¹⁹. Камень, на котором Петр сидел, пень от дерева, им посаженного, должны быть выставлены при музее.

Седалище, устроенное Петром, о котором мною заявлено в истории Соломенской пустыни²⁰ и которое теперь принадлежит мне, на время может быть уступлено мною Комитету, но с тем, чтобы по миновании юбилея, он непременно возвратился ко мне.

Примите уверение в моем истинном к Вам почтении и совершенной преданности, с каковыми честь имею быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Елпидифор Барсов

Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 81–82 об. Копия.

№ 4

Письмо Е. В. Барсова секретарю Олонецкого губернского статистического комитета А. И. Иванову

16 февраля 1872 г.

Помета: 1 марта 1872 (вероятно, дата получения письма. – А. П.).

Здравствуйте, любезный Александр Иванович!

Послал я вам книги: раздайте их по назначению. Губернатору снесите сами. Я благодарен Вам очень, что Вы напоминаете обо мне Петрозаводску и всей Олонии. Доволен я и тем, что Вы познакомили меня с новым Вашим начальником Григорьевым III^м; под сим именем или, точнее, под сею цифрою известен он в Министерстве; его очень хвалит Павел Ив[анович] Мельников²¹, служивший с ним в Министерстве и теперь проживающий в Москве. Приятно быть знакомым с хорошими людьми. Вообще, как видно из «Олонецких ведомостей», за которыми я слежу постоянно, нельзя не сочувствовать его ответственности и влиянию на жизнь и благоустройство Петрозаводска. Догадываюсь, что и Вас он ценит, чему я душевно рад. Работайте во славу края: история не забудет вашего имени.

О себе я должен сказать, что живу благополучно и в полном довольстве; недоволен только одним, что мало дела делаю, завяз (?) в суэтах и решительно не замечаю, как время течет – а время сейчас, личное время – все уходит и уходит. Это, кажется, зависит от того, что я холостяк. Чтоб сидеть дома, нужно жениться – а это бывает соединено с неудобствами для спокойной жизни. Бог весть, какое сокровище попадется; и как де Анна сядет на шею²²; пожалуй, закричишь «караул!» Как ни кинь – все клин – любезнейший. Что касается приданого, за этим дело тоже не стоит: тысяч 50 здесь не трудно получить. Но довольно о пустяках.

На днях выйдут в свет мои «Плачи»²³, которые будут не по вкусу многим. Я примусь за историю раскольнической литературы. А читали ли Вы мою речь господину Погодину²⁴? И мои споры с Княжевичем²⁵? Меня приглашали в Варшавский университет, но разве можно же? Что-нибудь кроме несть белокаменную? Ведь это Сион²⁶ – мати наша.

Распространялся бы я Вам в новостях по политике, но, по совести, неудобно.

Москва растет и высится, Питер унывает и беспокоится за свое будущее. Москва либеральничает, Питер ретроградайствует.

Дошел ли до вас новый закон о печати²⁷? Диво, да и только.

Елпидифор Барсов

Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 83–84 об. Подлинник.

№ 5

Письмо секретаря Олонецкого губернского статистического комитета А. И. Иванова А. И. Артемьеву²⁸

30 октября 1871 г.

Милостивый государь, Александр Иванович.

По случаю предстоящего в будущем году празднования двухсотлетнего юбилея со дня рождения императора Петра Великого и открытия ему в этот день памятника в г. Петрозаводске, я предполагаю издать исто-

рическую записку о пребывании Бессмертного преобразователя России в Олонецком крае и о царственной деятельности Его к развитию здесь различных учреждений.

К сожалению, местные архивы и библиотеки включают весьма мало актов из эпохи Петра Великого. Особенный пробел замечается в отношении устройства Петром I так называемых Петровских заводов. Предмет этот не вошел в ученый труд профессора Устрялова²⁹, за смертью которого его «История Петра Великого» осталась неоконченной. Зная просвещенное стремление Вашего превосходительства к изучению русской археологии и истории, позволю себе обратиться к (далее слова «Вашему превосходительству» зачеркнуты. – А. П.) Вам с покорнейшею просьбою: не признаете ли Вы возможным известные Вам материалы и акты, посвященные деятельности Петра Великого в Олонецком крае и особенно устройству горных заводов. Если получение этих актов из столичных библиотек и архивов не представляет для Вас особенного затруднения, в противном случае указать, куда бы я мог обратиться с подобным ходатайством.

С душевным почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Превосходительства...

Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 71–72 об. Черновик.

№ 6

**Письмо А. И. Артемьева губернатору
Олонецкой губернии Г. Г. Григорьеву**

Даты нет

Милостивый государь, Григорий Григорьевич.

В ответ на письмо Вашего превосходительства относительно материалов и актов, касающихся деятельности Великого Петра в Олонецком крае, имею честь сообщить следующее:

Деятельность Петра I по отношению к Олонецкому краю, как известно, направлена была преимущественно к учреждению горных заводов, устройству верфи и введению в общее употребление Олонецких минеральных вод. Специальных сочинений по этим предметам, кажется, нет, кроме брошюры преосвященного Игнатия «О пришествии Петра Великого и пр.»³⁰ и нескольких статей в «Горном журнале»³¹ и в «Памятных книжках» вашей Олонецкой губернии³². «Горный журнал» в этом отношении заслуживает тщательного пересмотра: там была помещена биография Геннина³³ и большая часть его переписки с Императором и другими лицами³⁴. Подлинники большею частью хранятся в архиве Горного департамента – хотя Устрялов и не закончил свою «Историю Петра», однако в IV томе заключается довольно сведений о строении фрегатов на Свири и в Лодейном поле. В «Истории» Соловьева³⁵ также встречаются, хотя и краткие, однако немаловажные и даже новые данные по этим предметам. О строении судов есть документы в изданных Морским министерством «Материалах для истории флота»³⁶. Само собою разумеется, что «Полное собрание законов»³⁷ и Голиковский труд³⁸ также должны быть пересмотрены.

Чтобы составить обстоятельный библиографический указатель всех материалов, нужно довольно времени. Получение подлинных документов из архивов и библиотек, конечно, сопряжено с значительными затруднениями и вовлечет в продолжительную переписку, не всегда плодотворную. Легче сделать это, поручив кому-нибудь сделать извлечение или даже указания. В числе состоящих при Центральном статистическом комитете³⁹ есть Петр Николаевич Петров⁴⁰, занимающийся преимущественно историей Петербурга, а вследствие того копаются ex officio (лат. «по должности». – А. П.) во всех архивах. Он может заняться такими делами, только ему нужно сообщить самую точную и определенную программу Ваших требований и желаний, иначе он увлечется. Я спрашивал его, он, по-видимому, не откажется от работы, если с ним постановлены будут положительные условия: что нужно? в каком объеме? к какому времени? за сколько? Трудолюбив он очень, архивы знает хорошо, но непременно нужно определить границы для его трудолюбия, иначе он закопается в архивах и понесется очень далеко.

Сам я готов руководить его работой, спорить с ним, где окажется нужно и т. п. От Вас желательно получить согласие на призывы Петрова к работе и заключение условий о возмездии, – а последнее необходимо...

С глубочайшим и искренним почтением и совершенною преданностию имею честь быть

Вашего Превосходительства
покорнейшим слугою
А. И. Артемьев

Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 73–74 об. Копия.

№ 7

Письмо секретаря Олонецкого губернского статистического комитета А. И. Иванова С. М. Соловьеву⁴¹

7 марта 1872 г.

Милостивый государь, Сергей Михайлович.

В нынешнем году, когда русские столицы будут праздновать двухсотлетие со дня рождения Петра Великого, в нашем Петрозаводске, основанном в один год с Петербургом и носящем одно с ним Имя Петрово, предполагается открытие памятника Бессмертному его Основателю.

По случаю предстоящих торжеств, имеющих важное значение в нашей русской жизни, любители Русской старины обратились к изучению разных сторон царственной деятельности Петра Великого, Его характера и духа. Здешний Статистический комитет также поставил себе задачею собрать следы Петра Великого в Олонецком крае, где построились первые военные корабли, вышедшие в Балтийское море, и где отливались первые пушки, послужившие укреплением и защитой для столь любимого Петром Его нового «Парадиза»⁴². К сожалению, современные Петру I материалы составляют, по большей части, достояние столичных архивов и доступны только избранным ученым.

Как к высокопросвещенному деятелю по Русской истории, посвятившему в настоящее время свободные минуты чтению лекций о Петре Великом в первопрестольной Москве, позволяю себе обратиться к Вашему превосходительству с моею усерднейшею просьбою: не признаете ли Вы возможным сообщить для предполагаемого Комитетом издания тех исторических данных о Петре Великом, которые касаются царственной деятельности Его в Олонецкой губернии или доставить читаемые Вами «Лекции», если они будут изданы и сделаются достоянием всего Русского общества, почитающего в Вас творца колоссальной «Истории России».

Ваш ученый взгляд на значение Олонецкого края в преобразованиях Петровых был бы руководною для Комитета нитью в изучении эпохи, с которой край этот начал новую гражданскую жизнь и бытовую и экономическую деятельность.

С искренним уважением и душевною преданностию, имею честь быть Вашего Превосходительства...

Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 99–101 об. Черновик.

№ 8

Письмо секретаря Олонецкого губернского статистического комитета А. И. Иванова С. М. Соловьеву

31 марта 1872 г.

Милостивый государь, Сергей Михайлович.

Письмом от 7 марта я имел честь обращаться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою об оказании просвещенного Вашего содействия губернскому статистическому комитету в исследовании царственной деятельности Петра Великого в Олонецкой губернии.

В дополнение к этому моему ходатайству считаю долгом препроводить при сем к Вашему превосходительству три указателя статей, касающихся истории, географии и статистики Олонецкого края⁴³, напечатанных в «Олонецких губернских ведомостях»⁴⁴ с 1838 по 1871 год, в Вашей «Истории России с древнейших времен», в исторических трудах гг. Голикова⁴⁵, Карамзина⁴⁶ и Устрялова и в «Актах Археографической комиссии». Смею надеяться, что «Указатели», облегчая труды при собрании различных источников Петровской эпохи, на которую в настоящее время обращена Ваша ученая деятельность, не будут лишены Вашего просвещенного внимания и, может быть, будут небесполезны.

В ожидании ответа на выраженное в письме от 7 марта ходатайство, имею честь с душевным уважением и совершенною признательностию

Вашего Превосходительства...

Научный архив КарНЦ РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 43. Л. 101–101 об. Черновик.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *История русского народа. Соч. г. Устрялова* – здесь явная путаница. «Историю русского народа» написал Н. А. Полевой (Т. 1–6. М., 1829–1833). Н. Г. Устрялов написал «Историю царствования Петра Великого» (см. примеч. 29).

² *История горного промысла в Российском государстве. Соч. действительного с[татского] с[оветника] Сергея Ярцова* – здесь опять допущена неточность, имеется в виду сочинение русского горного деятеля Аникиты Сергеевича Ярцова (1736–1819) «Российская горная история» (7 частей в 11 томах, 1807–1819). Сергей Ярцов (1782–1832) – сын А. С. Ярцова, который помогал отцу в завершении работы над этим сочинением.

³ *Историческое описание российской коммерции от древнейших времен. Соч. М. Чулкова. Издание 1786 г[ода]* – имеется в виду сочинение М. Д. Чулкова (ок. 1743–1792) «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах: от древних времен до ныне настоящего» (Т. 1–7 (в 20 книгах). М., 1781–1788).

⁴ *Барсов Елпидифор Васильевич* (1836–1917) – русский исследователь древнерусской литературы, историк, этнограф, фольклорист, археограф, в 1861–1870 годах – преподаватель Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске, в 1870 году был приглашен хранителем отдела рукописей Румянцевского музея в Москве.

⁵ *Григорьев Григорий Григорьевич* (1819–1899) – губернатор Олонецкой губернии с мая 1870 по май 1890 года.

⁶ *Музей* – Московский публичный и Румянцевский музей, основан в 1862 году, после переезда в 1870 году в Москву Е. В. Барсов служил там в отделе рукописей русского и славянского отделений.

⁷ *Свирского духовного училища* – Александро-Свирское (Олонецкое) духовное училище при Александро-Свирском монастыре существовало в 1809–1870 годах.

⁸ *Барсов Е. В.* Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII века // Труды Киевской духовной академии. 1866. № 2. С. 174–230; № 6. С. 168–230; № 7. С. 285–304; № 12. С. 570–588.

⁹ *Статистический комитет* – Олонецкий губернский статистический комитет, основан в 1835 году, занимался сбором и обработкой статистической информации, фактически был единственным научным учреждением Олонецкой губернии.

¹⁰ *«Народный рассказ о поездке Петра Великого в Соловецкий монастырь»* опубликован: Народный рассказ о поездке Петра I-го в Соловки (сообщено Е. В. Барсовым) // ОГВ. 1872. № 8 (от 29 января).

¹¹ *Иона* – Иона Климецкий (Клименецкий) (1464–1534), русский православный святой, преподобный, основатель около 1520 года Климецкого (Клименецкого) Свято-Троицкого монастыря в Заонежье.

- ¹² «Клименец» – имеется в виду работа Е. В. Барсова «Олонецкий монастырь Клименцы с приписными к нему пустынями, царскими и иераршскими грамотами» (М., 1871. 171 с.) (отд. отт. из: Чтения в обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 4. Разд. 2. С. 1–171) (далее – Чтения в ОИДР).
- ¹³ *Алексеевская библиотека* – публичная библиотека, открытая в Петрозаводске в июле 1871 года по инициативе директора народных училищ Олонецкой губернии Д. Н. Елецкого, поддержанной местными властями, а также великим князем Алексеем Александровичем, посетившим Петрозаводск в июне 1870 года и пожертвовавшим на ее открытие 300 руб. В память о визите великого князя библиотека была названа Алексеевской.
- ¹⁴ *Славяно-русские рукописи Ундольского* – имеется в виду издание: Ундольский В. М. Описание славянских рукописей Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1867. [2], IV, 56 с. (отд. отт. из: Чтения в ОИДР. 1867. Кн. 2. Разд. 3. С. I–IV, 1–56).
- ¹⁵ *Палеостров* – имеется в виду работа Е. В. Барсова «Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае: С грамотами и другими письменными памятниками» (М., 1868. [2], 204 с.) (отд. отт. из: Чтения в ОИДР. 1868. Кн. 1. Разд. 5. С. 19–222).
- ¹⁶ *Василья Нименского* – вероятно, это Василий Васильевич Нименский (род. в 1850/51 году), выпускник Каргопольского духовного училища (1865) и Олонецкой духовной семинарии, служил в Свято-Духовском кафедральном соборе (1881–1887) и Александро-Невской церкви (1887–1892) в Петрозаводске, участник Первой мировой войны, за храбрость награжден орденом Св. Анны 2-й степени и медалью, побывал в немецком плену, но был освобожден, в 1920-е годы жил в Ленинграде.
- ¹⁷ *Иванов Александр Иванович* (1820–1890) – исследователь Олонецкого края, в 1866–1887 годах – секретарь Олонецкого губернского статистического комитета.
- ¹⁸ *Петровский завод* – основан в 1703 году, находился в устье реки Лососинка, на территории современного Петрозаводска.
- ¹⁹ *Повенецких Петровских заводах* – Повенецкий Петровский завод основан в устье реки Повенчанки в 1703 году.
- ²⁰ *Седалище, устроенное Петром, о котором мною заявлено в истории Соломенской пустыни* – Соломенский Петропавловский монастырь, основан в 1589 году в окрестностях современного Петрозаводска. Имеется в виду кресла («седалище») для сидения священника в алтаре, по преданию изготовленное Петром I в Марциальных водах специально для Соломенской церкви, это кресло было получено Е. В. Барсовым в подарок от тамошнего священника И. Ухотского (см.: Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 95).
- ²¹ *Мельников Павел Иванович* (известен также как Мельников-Печерский) (1818 или 1819–1883) – писатель, публицист, этнограф, расколовед, в 1850–1866 годах состоял в штате Министерства внутренних дел.
- ²² *как де Анна сядет на шею* – имеется в виду орден Святой Анны 2-й степени, который носили на шее на ленте, но в данном случае – намек на неудачную женитьбу.
- ²³ «*Плачи*» – имеется в виду книга: Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872. [8], XXXII, 328, XXXIII, [3] с.
- ²⁴ *мою речь господину Погодину* – имеется в виду речь Е. В. Барсова на праздновании 50-летия гражданской и учебной службы М. П. Погодина, отмечавшемся 29 декабря 1871 года в Московском университете. Опубликована: Пятидесятилетие гражданской и учебной службы М. П. Погодина. М., 1872. С. 65–67. *Погодин Михаил Петрович* (1800–1875) – русский историк, коллекционер, публицист, профессор Московского университета (1826–1844), академик С.-Петербургской Академии наук (1841).
- ²⁵ *мои споры с Княжевичем* – неясно, что имел в виду Е. В. Барсов. Возможно, речь идет о его полемике с книгой: Княжевич Д. М. Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенных по азбучному порядку. СПб., 1822. [4], VII, [1], 296, 31, [1] с.
- ²⁶ *Сион* – гора в Иерусалиме. В Библии Сион – «святая гора», «жилище и дом Божий», «царственный город Божий».
- ²⁷ *новый закон о печати* – вероятно, имеется в виду проект принятого 7 июня 1872 года высочайше утвержденного мнения Государственного Совета «О дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати», разрешавший органам цензуры уничтожать книги или номера журналов не через судебное решение, а административным путем.
- ²⁸ *Артемьев Александр Иванович* (1820–1874) – русский статистик, археолог, историк, этнограф, с 1852 года служил в МВД, с 1853 года – в статистическом комитете (с 1863 года – Центральном статистическом комитете) МВД, с 1871 года – в Центральном статистическом совете МВД, один из участников изданий «Список населенных мест Российской империи» и «Городские поселения Российской империи», участник подготовки реформы 1861 года.
- ²⁹ *ученый труд профессора Устрялова* – имеется в виду: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 1–4, 6. СПб., 1858–1859.
- ³⁰ *брошюры преосвященного Игнатия «О пришествии Петра Великого и пр.»* – имеется в виду издание: Игнатий (Семенов). Воспоминание о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец. 2-е изд. СПб., 1849. [2], 148 с.
- ³¹ «*Горный журнал*» – старейшее российское периодическое издание в области горного дела и горных наук, основан в 1825 году, до 1917 года издавался в Петербурге Горным ученым комитетом, там было опубликовано много статей по истории горного дела, в том числе и в Олонецком крае.
- ³² «*Памятных книжках*» *вашей Олонецкой губернии* – «Памятные книжки Олонецкой губернии» – неперiodическое официальное издание, выходившее в 1856–1869 и 1902–1916 годах (всего вышло 24 выпуска), издавались администрацией Олонецкой губернии, там было опубликовано много краеведческих источников и исследований.
- ³³ *Геннин Виллим Иванович* (1665–1750) – выдающийся горный деятель, металлург и инженер, выходец из Германии (но имел голландские корни), на русской службе с 1697 года, участник Северной войны, в 1713–1722 годах (фактически до 1721 года) был комендантом Олонецких Петровских заводов и на этом посту добился больших успехов в металлургии и металлообработке, в 1722–1734 годах был начальником Уральских заводов.
- ³⁴ *помещена биография Геннина и большая часть его переписки с Императором и другими лицами* – Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 51–168; Кн. 2. С. 113–172; Кн. 3. С. 89–143; Кн. 4. С. 85–132; Кн. 5. С. 87–149; Кн. 9. С. 85–108.
- ³⁵ «*История*» *Соловьева* – знаменитый фундаментальный труд историка С. М. Соловьева «История России с древнейших времен», в 1851–1879 годах вышло 29 томов, изложение материала доведено до 1775 года, Петровской эпохе посвящены тома с 13-го по 18-й, выходившие в 1864–1869 годах.

- ³⁶ «Материалы для истории русского флота» – многотомное издание документов по истории русского флота с 1702 по 1801 год, всего в 1867–1904 годах вышло 17 томов, в 1865–1867 годах под редакцией С. И. Елагина вышли первые 4 тома, посвященные истории Балтийского флота в 1702–1725 годах.
- ³⁷ «Полное собрание законов Российской империи» – монументальный памятник русского права, многотомное издание законодательных актов России с 1649 по 1913 год, состояло из 3 собраний: 1-е собрание охватывало период с 1649 по 1825 год (45 томов), 2-е собрание – период с 1825 по 1881 год (55 томов) и 3-е собрание – период с 1881 по 1913 год (33 тома), Петровской эпохе посвящены тома со 2-го по 7-й, вышедшие в 1830 году.
- ³⁸ Голиковский труд – см. примеч. 45.
- ³⁹ Центральный статистический комитет МВД был учрежден в 1863 году для координации статистических работ в России, а также для проверки, обобщения и публикации сведений, собранных местными (губернскими и др.) статистическими комитетами и проведения единовременных общегосударственных обследований.
- ⁴⁰ Петров Петр Николаевич (1827–1891) – русский историк, искусствовед, писатель, генеалог, с 1866 до середины 1879-х годов служил в Центральном статистическом комитете МВД, занимаясь сбором материалов по Петербургу, автор книги «История Санкт-Петербурга от основания города» (СПб., 1884. XXIII, 848, 246 с.).
- ⁴¹ Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – русский историк, профессор Московского университета (1848–1879), ректор Московского университета (1871–1877), академик С.-Петербургской Академии наук (1872), автор 29-томной «Истории России с древнейших времен», в феврале – мае 1872 года прочитал цикл из 12 лекций, посвященных Петровской эпохе, вскоре изданных как «Публичные чтения о Петре Великом» (М., 1872. [2], 135 с.).
- ⁴² «Парадис» («Парадиз») (от фр. Paradis – «рай») – так Петр I неоднократно называл Санкт-Петербург.
- ⁴³ Петров К. М. Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, напечатанным в изданиях Археографической комиссии («Акты исторические» и «Дополнения к Актам историческим»). Петрозаводск, 1868. 27 с. (отд. отт. из: ОГВ. 1868. № 5); Петров К. М. Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, упоминаемым в следующих сочинениях: «История государства Российского» Н. М. Карамзина, изд. Эйнерлинга, 1842 г.; «История России с древнейших времен» С. Соловьева, 1–18 т.; «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. И. Голикова. Изд. 2-е. 1837 г.; «История царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова. Петрозаводск, 1869. 24 с. (отд. отт. из: ОГВ. 1869. № 27–30); Петров К. М. Указатель к «Олонецким губернским ведомостям (1838–1870 годы)». Петрозаводск, 1871. 51 с. (отд. отт. из: ОГВ. 1871. № 62).
- ⁴⁴ «Олонецкие губернские ведомости» – официальная и единственная газета Олонецкой губернии, выходила в Петрозаводске в 1838–1917 годах, в 1838–1868 годах выходила еженедельно, а в 1869–1899 годах – два раза в неделю.
- ⁴⁵ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Т. 1–12. М., 1788–1789; Голиков И. И. Дополнения к «Деяниям Петра Великого». Т. 1–18. М., 1790–1797.
- ⁴⁶ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. Кн. 1–4. СПб., 1842–1844.

Подготовка текста и примечания А. М. Пашкова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. 192 с.
- Кучурин В. В. С. М. Соловьев: христианин и ученый. СПб., 2001. 116 с.
- Пашков А. М. Е. В. Барсов в Петрозаводске // Федосовские чтения: Материалы научно-практ. краевед. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Федосовой. Петрозаводск, 2017. С. 108–114.
- Пашков А. М. К. М. Петров – исследователь Вытегорского края // Вытегра: краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 351–374.
- Пашков А. М. Памятник Петру I // Петровские памятники России. Ч. 1. М., 2010. С. 268–270.
- Пушкарев Л. Н. «Публичные чтения о Петре Великом» С. М. Соловьева как памятник исторической и общественно-политической жизни // Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 178–204.
- С. М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка: Сб. статей / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2020. 407 с.
- Цимбаев Н. И. Сергей Соловьев. М., 1990. 366 с.

Поступила в редакцию 04.03.2022; принята к публикации 22.04.2022

Original article

Alexander M. Pashkov, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1408-3137; pashkov@petrsu.ru

TWO-CENTURY ANNIVERSARY OF PETER THE GREAT IN THE CORRESPONDENCE OF METROPOLITAN HISTORIANS AND PETROZAVODSK LOCAL HISTORIANS

Abstract. The relevance of the topic is due to the 350th birth anniversary of Peter the Great celebrated in 2022. In this regard, it is of great interest to look at the celebration of his 200th birth anniversary in 1872. The purpose of the article is to analyze conducting the commemorative celebrations in Petrozavodsk in 1872. The article is based on the materials of the “Case of building a monument to Peter the Great in Petrozavodsk” stored in the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences and introduced into scientific circulation for the first

time. At the end of 1871, the Governor of the Olonets Province (Guberniya) G. G. Grigoriev instructed the Secretary of the Olonets Province Statistical Committee and local historian A. I. Ivanov to prepare an essay on the activities of Peter the Great in the territory of the Olonets Province. A. I. Ivanov turned to historians E. V. Barsov, S. M. Solovyov, A. I. Artemyev and V. I. Rozhkov for help in finding the sources. The Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences has preserved extensive correspondence on this issue. E. V. Barsov sent several letters with the information about various sources on this period in the territory of the Olonets Province. A. I. Artemyev gave an overview of academic publications and recommended that P. N. Petrov be involved in the work. V. I. Rozhkov promised to find sources about the Olonets Petrine foundries in the Archives of the Mining Department. A response letter from S. M. Solovyov was not found among the documents. Only V. I. Rozhkov and E. V. Barsov provided real help to A. I. Ivanov, and he used their materials and advice in his essay “Emperor Peter the Great and His Activities in Olonets” published in Petrozavodsk in 1873. The attempt of local authorities and local historians to write a historical essay on the activities of Peter the Great in the Olonets region, based on archival materials and meeting the requirements of contemporary historical science, is of great interest. It can be concluded that although this plan was only partially implemented, A. I. Ivanov’s essay was the best scholarly work on this problem for 30 years. V. I. Rozhkov and E. V. Barsov became interested in this topic and continued studying the activities of Peter the Great in the Olonets region after 1872.

Keywords: Peter the Great’s jubilee of 1872, Olonets Province (Guberniya), G. G. Grigoriev, A. I. Ivanov, E. V. Barsov, S. M. Solovyov, A. I. Artemyev, P. N. Petrov, V. I. Rozhkov

Acknowledgements. The article was written as part of the project “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the Russian Foundation for Basic Research grant “Peter’s epoch in the history of Russia: contemporary scholarly view” for 2020–2022 (project No 20-09-42034). The author expresses his sincere gratitude to Dr. O. P. Ilyukha, Director of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for the opportunity to work with the documents from the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pashkov, A. M. Two-century anniversary of Peter the Great in the correspondence of metropolitan historians and Petrozavodsk local historians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):28–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.765

REFERENCES

1. Illeritsky, V. E. Sergei Mikhailovich Solovyov. Moscow, 1980. 192 p. (In Russ.)
2. Kuchurin, V. V. S. M. Solovyov: a Christian and a scholar. St. Petersburg, 2001. 116 p. (In Russ.)
3. Pashkov, A. M. E. V. Barsov in Petrozavodsk. Fedosova Readings: *Proceedings of the research and practice local history conference commemorating the 190th birth anniversary of I. A. Fedosova*. Petrozavodsk, 2017. P. 108–114. (In Russ.)
4. Pashkov, A. M. K. V. Petrov as the researcher of the Vytegra region. *Vytegra: local history almanac*. Issue 1. Vologda, 1997. P. 351–374. (In Russ.)
5. Pashkov, A. M. Monument to Peter I. Petrine monuments of Russia. Part 1. St. Petersburg, 2010. P. 268–270. (In Russ.)
6. Pushkarev, L. N. “Public readings about Peter the Great” by S. M. Solovyov as a monument of historical and socio-political life. *Solovyov, S. M. Public readings about Peter the Great*. Moscow, 1984. P. 178–204. (In Russ.)
7. S. M. Solovyov and his epoch: On the 200th anniversary of the historian's birth: Collection of articles. Moscow, 2020. 407 p. (In Russ.)
8. Tsimbaev, N. I. Sergei Solovyov. Moscow, 1990. 366 p. (In Russ.)

Received: 4 March, 2022; accepted: 22 April, 2022

ЕКАТЕРИНА ГЕОРГИЕВНА АНДРЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка в сфере востоковедения и африканистики факультета иностранных языков

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-1341-3539; e.g.andreeva@spbu.ru

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЛАНЬКОВА

ассистент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2596-0465; ms.lankova@mail.ru

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МАЯЦКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-4855-4585; d.mayatsky@spbu.ru

ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СЕТЕВОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

А н н о т а ц и я . Рассматривается вопрос о том, как фигура российского императора Петра Великого представлена в массовой и научно-популярной литературе Китая и стран англоязычного Запада (прежде всего Великобритании и США). Актуальность исследования обусловлена приближающимся 350-летием со дня рождения царя, а также активизацией в мире научных штудий, посвященных изучению проблем восприятия ярких культурных и исторических символов одних стран в медийном и околomedийном информационном пространстве других государств. Выполнен обзор материалов широкодоступных популярных книг и публикаций сети Интернет о Петре Великом в Китае и англоязычном мире. Предложены результаты сопоставительного анализа такой литературы. Выявлены сходства и различия в отраженных в ней представлениях о Петре Великом. Предпринята попытка установить и объяснить возможную природу этих образов, в том числе в связи с особенностями менталитета китайцев и западных людей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : имагология, Петр Великий в Китае, Петр Великий на Западе, популярная литература, интернет-публикации о Петре Великом

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Андреева Е. Г., Ланькова Е. В., Маяцкий Д. И. Образ Петра Великого в сетевой и научно-популярной литературе на китайском и английском языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.766

ВВЕДЕНИЕ

В работе проводится репрезентация образа Петра I в контексте имагологических исследований, то есть с использованием особого культурологического подхода, когда рассматриваются этностереотипы, национальные образы, а также их восприятие другими культурными системами. Одним из мощных инструментов трансляции имиджа известных исторических личностей в современном медийном пространстве являются

различные текстовые источники, легкодоступные желающим ознакомиться с искомой информацией. Такие источники для изучения образа Петра Великого в Китае и англоязычном мире (в первую очередь Великобритании и США) еще не использовались.

Поскольку мы намерены реконструировать образ Петра I в том виде, в каком он воспринимается широкой публикой в Китае и англоязычных странах, то находим уместным взять

за основу обзора массовую сетевую литературу и текстовые источники, ориентированные на демократический круг читателей, а не узко научные статьи, монографии и другие материалы, предназначенные для специалистов-историков или студентов-историков.

Таким образом, первой задачей было найти популярные и научно-популярные издания, путеводители, знакомящие планирующих посетить страну с ее краткой историей, а также энциклопедии, справочники и сетевые публикации. Было замечено, что такая литература в Китае и на Западе встречается часто. В одних публикациях предлагаются предельно краткие описания Петра I, в других – более подробные сведения о его жизни и царствовании.

ОБРАЗ ПЕТРА I В КИТАЙСКОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Среди популярных текстовых источников на китайском языке нам встретилось много кратких информационных заметок, преимущественно туристического содержания. Имя Петра I в них ассоциируется с основанным им Санкт-Петербургом. В части заметок рассматриваются связанные с царем культурные памятники города.

На популярном китайском поисковом сайте Sohu в статье «Медный всадник – скульптурасимвол российского города Санкт-Петербурга» о царе, сидящем на каменном коне, сказано: «...глаза его горят воодушевлением и смотрят вдаль, [взгляд] непреклонен и горд»¹. Похожее описание мы встречаем на еще одной известной китайской поисковой платформе Baidu, в статье, посвященной пешей прогулке по Петербургу и осмотру его достопримечательностей. В начале публикации автор отмечает:

«Повсюду [в Петербурге] заметна тень Петра Великого. Экскурсия начинается с посещения памятника “Медный всадник” и объяснения его символики: “Петр Великий спокойно восседает на коне, воздев правую руку, взгляд его полон энтузиазма и устремлен вдаль. Конь подразумевает Россию, а змея, которую он топчет, – мешавшие ему проводить реформы силы”»².

Описание нетривиальной внешности императора встречается на сайте Гонконгского исторического музея, где желающие могут увидеть портреты государя и панораму Полтавской битвы. О царе сообщается: «Петра I выделяли двухметровый рост и беспрецедентный в сравнении с другими русскими монархами авторитет»³. Дана оценка достижениям царя:

«Петра I почитают в его стране за реформы, превратившие Россию в ориентированное на Запад государство. Он даже приказывал мужчинам стричь бороды, в противном случае их обязывали платить “налог на бороду”».

Борода, по мнению составителей заметки, символизировала дикость и отсталость⁴.

Встречаются в Китае сравнения Петра I с другими выдающимися историческими лицами. В статье на сайте глобальной телевизионной сети Китая CCTV он сравнивается с китайским императором Канси (1661–1722):

«На рубеже XVII–XVIII вв. на небе России и Китая одновременно зажглись две поразительно похожие яркие звезды – государей Канси и Петра I... Один из них – китайский император, разработавший хитроумный план спасения страны. Другой – русский царь, решительно проводивший реформы и устремившийся вперед»⁵.

Авторы находят между императорами много общего. «Оба вззошли на трон в подростковом возрасте, одинаково тянулись к знаниям, даже их непростое детство полно роковых совпадений»⁶. Обоим императорам в заслуги ставится усиление и процветание своих стран, достигнутые, однако, разными путями: «Канси подобен строгому архитектурному сооружению, Петр – потоку, преодолевающему все на пути. Канси был спокоен и осмотрителен, Петр – уверен»⁷. Авторы резюмируют, что сравнение монархов способно помочь современному Китаю в выборе путей дальнейшего развития. Аналогичные идеи можно найти в книге «Императоры Канси и Петр I» Линь Фэна. В ней четные главы посвящены Канси, нечетные – Петру Великому. Упор делается на противопоставлении их методов управления:

«Канси посвятил себя поддержанию “авторитета” китайской державы, в изучении чужеземной культуры ограничился самообразованием; Петр I, познакомившись с иностранными достижениями, увидел изъяны России и провел решительные реформы» [26: 60].

Таким образом, изучив китайские туристические заметки и статьи, мы видим, что в Китае Петр Великий воспринимается прежде всего как основатель Петербурга и реформатор, характер и внешность которого заметно выделялись. Однако упомянутые материалы содержат о нем сведения обобщенные и немногословные.

В энциклопедиях и справочниках по русской истории и культуре даются лишь общеизвестные факты о правлении Петра Великого, зачастую подчеркивается принятие им титула императора. Научно-популярные книги предлагают больше информации.

Го Шэнмин в «Очерке истории мировой цивилизации» посвящает биографии и деятельности Петра Великого шесть страниц, где дополнительно сообщает о сопротивлении его реформам [24].

Лаконично и с ореолом таинственности пишет о Петре I Шуй Чжуньюй в книге «Известное о неразгаданных тайнах мира» в главе «Было ли завещание Петра I подлинным?» [30]:

«Петр Великий почил в 1725 г. и чуть ли не сразу по Европе поползли слухи об оставленном им завещании потомкам продолжить его дело; царь выделил военные и внешнеполитические вопросы, на которые России в ближайшие столетия надлежало обратить первоочередное внимание. В 1836 г. француз д'Эон обнаружил наделавшие шуму мемуары, где раскрыл так называемый "Петровский план установления господства над Европой"» [30: 187].

Шуй Чжуньюй перечисляет пункты плана и задается вопросом, не был ли он фальсификацией.

Петр I упоминается и в книге «План чтения на жизнь» Ли Цзиня [25]. Она состоит из четырех частей: обзоров зарубежной классики, биографий иностранных знаменитостей, шедевров искусства и заграничных фильмов. Вклад царя в подъем России оценивается высоко:

«Реформы Петра сыграли положительную и прогрессивную роль в русской истории. Страна быстро превратилась в военную державу, в ней бурно развивались культура, торговля, наука и техника. Реформы модернизировали Россию» [25: 33].

Жэнь Гуансюнь в сборнике «Пятнадцать лекций по русской культуре» [28] посвящает царю Петру лекцию «Петровские реформы и формирование светской культуры в России». В ней воссоздается исторический фон прихода Петра I к власти, сообщается о его тяге к знаниям и поездке на Запад, излагается содержание административных, церковных и экономических реформ, рассматривается процесс распространения в России светской культуры и образования. Автор приходит к выводу: «Реформы Петра I не только значительно ускорили развитие России в разных сферах, но и открыли новую страницу в русской культуре» [28: 41].

Знакомит соотечественников с российским императором публицист Ма Чанъин в книге «Петр I – царь-реформатор» [27]. Она вышла в серии «Биографии мировых знаменитостей», в которую вошли 56 книг о жизни и деятельности мировых исторических личностей. Среди них Петр Великий один представляет императоров России. По словам Ма Чанъина,

«он сломал старые традиции... учился в Западной Европе, провел реформы в военной, административной, экономической и других областях, пробудил ото сна Россию... изменил судьбу российского народа» [27: 2].

Много внимания писатель уделяет армии и флоту: «Из утлой лодки построил мощный флот, расширил территорию России до Балтийского моря» [27: 2]. О том же пишет Бэй Хун, составитель «Жизнеописания Петра Великого»:

«Прежде всего, он создал сильную армию и флот и, благодаря полководческому дару, упорству в сражени-

ях, одолел сильных Турцию и Швецию, захватил земли на юго-востоке и побережье Балтики, превратил Россию в морскую державу» [23: 2].

Автор положительно отзываясь о петровских преобразованиях, но упоминает и их недостатки: реформы «укрепили дворянство и усилили эксплуатацию крестьян», в связи с чем вызвали «возросшее народное сопротивление» [23: 315].

Осуждает ухудшение положения крестьян тайваньский автор Ши Ди: «Не отменил крепостное право. Его реформы сопровождалась хищнической эксплуатацией крепостных» [29: 13]. Он пишет о Петре Великом в контексте сравнения с ним отменившего рабство американского президента Авраама Линкольна, которому посвятил книгу «Чудак, не пожелавший стать главкомом».

Выделяет политику крепостничества Сунь Жэньцзун в «Справочнике по всемирной истории»:

«В 1721 г. после победы в Северной войне Петр I принял титул "императора", а царская Россия стала называться "Российской империей". Она изначально была построена на системе крепостного права» [31: 91].

Подводя итоги китайской части исследования, можно сделать следующие выводы. Имеющиеся в китайском сетевом пространстве доступные популярные источники информации о Петре Великом можно разделить на две большие группы: краткие заметки и пространные работы о царе и его правлении. Заметно, что Петр в Китае известен прежде всего как основатель Петербурга и выдающийся реформатор. Успешность его реформ китайцы связывают с личными качествами – твердой волей, решительностью, целеустремленностью и др. Достоинные восхищения особенности характера царя обычно превозносятся, отрицательные – жестокость, вспыльчивость, нетерпимость к оппонентам – остаются без упоминания или сглаживаются. Склонность выделять определенные черты незаурядной личности Петра Великого, изображение его как государя, самоотверженно трудившегося ради блага России, проистекают из давно сложившегося в китайской парадигме мышления традиционного представления об идеальном правителе.

Заметен интерес китайских авторов к военным реформам Петра I. Безусловно, это связано с пониманием их необходимости для решения важных геополитических задач. Огромного геополитического могущества китайская империя добилась тоже в эпоху территориального расширения – в годы правления Канси. Отсюда проистекают и популярные в китайском медийном пространстве параллели между двумя императорами.

Несмотря на то что объем предлагаемой информации разнится от нескольких строк до целых глав, заметно, что авторы видят в царе выдающегося реформатора, а его преобразования считают в целом успешными. Царь Петр воспринимается как инициатор возвышения России. Но могут высказываться о реформах и негативные замечания – в связи с сопутствовавшими им гнетом крестьян и усилением знати.

ОБРАЗ ПЕТРА I В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В Великобритании имя Петра I тоже связывают с основанием Санкт-Петербурга и обновлением России. Арнальдо Альберти пишет: «Санкт-Петербург был построен по велению Петра Великого в месте впадения Невы в Финский залив как “окно в Европу”, как образец модернизации страны» [1: 22].

Близкая интерпретация образа царя дана Марсией Греско:

«Санкт-Петербург был попыткой царя сделать Россию похожей на европейские страны, которые он посетил и которыми восхищался. Для этого Петр привозил из Европы архитекторов и мастеров. Они спроектировали город в европейском стиле с широкими проспектами, изысканными площадями и элегантной архитектурой» [8: 24–25].

Воспринимают Петра Великого и как строителя империи. Роб Боуден в книге «Россия» пишет: «Петр Великий, царь России с 1682 по 1725 г., один из главных деятелей эпохи создания Российской империи» [4: 8–9]. В результате ознакомления с большинством подобных материалов у англоговорящих читателей может сформироваться общее впечатление, что Петр Великий был основателем Петербурга и творцом империи. Детали же его имиджа останутся неясными. Такое представление о российском императоре ретранслируется в большинстве брошюр о России. Деб Маршалл в книге «Россия» ограничивается сообщением, что «Петр Великий первый в России взял титул императора» [14: 19]. Боб Италия пишет: «Петр Великий решил модернизировать страну. Он завоевал прибалтийские земли. Заложил новую столицу Санкт-Петербург и впервые в России построил современный флот» [10: 8–9]. Похожая картина может сложиться при прочтении буклета «Россия» Генри Рассела:

«Петр Великий превратил Россию в современную империю. Перенес столицу из Москвы в Санкт-Петербург, новый город, построенный на прибалтийском побережье по его собственному проекту» [20: 29].

То же видим в заметке Джейн Бингем в «Интернет-энциклопедии всемирной истории Усборна»:

«Величайшим из Романовых был Петр Великий... К концу его правления Россия вошла в ряды сильнейших государств Европы. Петр обновил Россию, скопировав методы управления западных стран... укрепил российскую армию, создал флот и одержал ряд побед» [3: 317].

Или в книге Роберта Дэниелса:

«Россия при Петре I Великом (1682–1725) вошла в сообщество европейских держав... одержав победу над Швецией в Северной войне 1700–1721 годов и присоединив побережье Восточной Балтики, с землями новой российской столицы – Санкт-Петербурга. Петр проводил европеизацию... Его правление стало переломной эпохой, превратило некогда изолированную Россию в страну, идущую по пути к западной цивилизации» [5: 30–31].

Можно сделать вывод, что Петр I рассматривается не только как первый российский император, основатель Петербурга, но и как мудрый стратег, дальновидный государственный деятель, усиливший Россию, сделавший ее похожей на Европу, сблизивший с ней.

Некоторые авторы пишут о деятельности Петра I более конкретно. Пенелопа Перрин упоминает путешествие царя в Европу, изображает его вникавшим в проблемы страны, овладевавшим для их решения многими знаниями и практическими навыками, с их помощью создал армию и флот, одержал военные победы, расширил границы страны [17: 27]. Петр стремился к кардинальным изменениям, побуждал соотечественников отказываться от устаревших традиций: «Он заставлял дворян сбривать бороды, которые считал старомодными!» [17: 27].

Авторы понимают, что европеизация коснулась и просвещения, искусства (архитектуры, музыки, живописи и др.). Грег Никлз пишет:

«Петр Великий поощрял россиян перенимать новые идеи и стили европейского искусства, отправлял русских в другие страны учиться, приглашал иностранных художников в Россию. Россияне изучали художественные стили Западной Европы, создавали шедевры литературы, музыки, танца и изобразительного искусства с русским колоритом» [16: 6].

То же отмечает Стиллман Роджерс:

«Петр Великий познакомил Россию не только с красивой архитектурой, но и выписывал из Европы музыкантов... строил театры и концертные залы, поощрял местных композиторов писать свою музыку» [19: 10–11].

Ричард Бидлэк в книге «Россия и Евразия» называет Петра Великого «величайшим из русских правителей», «великим западником», «привнесшим с Запада многое, особенно из культуры и нравов», добавляет, что «он повлиял на рус-

скую землю больше, чем предшественники» [2: 15–17].

Таким образом, Петр Великий в англоязычных странах воспринимается как великий реформатор и западник, что, несомненно, с их точки зрения, является весьма положительной особенностью царя, превратившего Россию из неизвестной варварской страны в европейское государство, влиятельную державу.

Некоторые источники знакомят читателя с фактами жизни Петра Великого. Пишут о его юности, походах, просвещении России, воссоздают портрет личности. Признавая достижения царя, авторы могут отмечать и темные стороны его характера, раскрывать негативные последствия политики. Например, в книге «Россия. Одинокaя планета» авторы показывают царя замкнутым на личных амбициях и не заботившимся о цене реформ:

«Его желание сокрушить Швецию и сделать Россию европейской державой привело к основанию Санкт-Петербурга...»; «Петр согнал на принудительные работы армии крестьян и шведских военнопленных. Многие умерли от болезней и истощения, а Санкт-Петербург до сих пор имеет репутацию построенного на костях» [18: 153–154].

Но в основном авторы стараются представлять объективную картину, предпочитают оценивать свершения царя положительно, не упуская из виду противоречивость его характера, жестокость, параноидальность, ошибки и неудачи.

В Колумбийской электронной энциклопедии Петру I посвящены четыре страницы, дающие общую характеристику его личных качеств, внешней и внутренней политики [12: 10–13]. Он назван «важнейшей в истории царской России личностью» [12: 12], чье «правление стало решающим в долгом процессе трансформации средневековой Московии в современную Россию» [12: 13]. Царь показан сложным человеком: «Он вместил в себе качества от звериной жестокости и порочности до беззаветной преданности России» [12: 13]. К числу положительных достижений царя отнесены любовь к знаниям, модернизация армии, европеизация страны и проведение экономических реформ:

«Петр приобрел глубокие познания в европейских промышленных технологиях, нанял многих европейских специалистов... модернизировал вооруженные силы, провел внутренние реформы... Освободил от рабского положения женщин...» [12: 13].

В то же время реформы названы «спорадическими», «иррациональными», «причудливыми», «встречавшими сопротивление» [12: 12], хотя и признается, что они «включили Россию в европейские дела и помогли ей стать великой дер-

жавой» [12: 11]. Петр признаётся «одной из наиболее противоречивых в истории России фигур» [12: 13].

Грегори Фриз в сочинении «Петровская эра и последующая эпоха» связывает с Петром Великим многочисленные новшества:

«Петр во многом был первым в русской истории... первым, кто постоянно путешествовал по суше и воде и отважился за границу... первым, кто вдохновенно проводил радикальные изменения в различных сферах... первым, кто открыл целую эпоху, начавшуюся с рождения современной России и включения ее в орбиту Европы» [7: 88].

Особый акцент делается на вклад царя в просвещение. Упоминаются первая в России массовая газета «Ведомости», эмансипация дворянок, первый публичный театр, Академия наук и искусств, реформа Церкви и др. [7: 102–104]. Именно Петр Великий «с его тягой к путешествиям начал эпоху открытий», регулярно переписывался с европейскими учеными, в частности фон Лейбницем [7: 103]. По мнению Г. Фриза, Петр Великий был любознательным и обаятельным, обладал «глазомером ремесленника и умом прагматика» [7: 88–89]. Видит автор его и таким:

«Властная натура Петра так потрясла современников, что споры о его влиянии не утихают по сей день... Многие превозносят его как царя-воина, царя-ремесленника, царя-преобразователя, человека эпохи Возрождения, великого реформатора, давшего России новое “тело”, подготовленное для новой “души”. Кто-то находит в нем черты Антихриста, первого большевика... жестокого деспота... безжалостного правителя и олицетворения тоталитаризма, сравнивают с такими фанатиками-меланхоликами, как Иван Грозный, Ленин и Сталин» [7: 88].

Отметил Г. Фриз психологические проблемы в характере царя и их влияние на страну:

«Его военные кампании стали следствием высокомерных амбиций», «Его подверженность к паранойе привела к созданию сверхцентрализованного милитаризованного полицейского режима», «Старевший автократ не принимал чужих советов» [7: 86–95].

Тем не менее Фриз признает в Петре Великом выдающегося правителя, чья

«высокая фигура заслонила современников, так же как историческое влияние наложило отпечаток на современный российский политический и культурный дискурс» [7: 90].

Майкл Корт в книге «Краткая история России» также создает противоречивый образ Петра I. В его глазах царь имел множество достойных восхищения черт: был «чрезвычайно умным, любознательным, физически сильным, невероятно волевым, настойчивым в претворении своей воли» [11: 46], мудрым, эффектив-

ным реформатором, «уверенным, что России надлежало учиться у Европы, чтобы стать современным могущественным государством» [11: 51] и сделавшим Россию «крупнейшей европейской державой» [11: 46]. Его войны объясняются желанием не только расширить территорию России, но и остановить экспансию соседей: наступление на Османскую империю «прекратило набеги крымских татар на Россию» [11: 50]. В то же время Корт сообщает, что обновление страны было неполным, так как некоторые символы отсталости – крепостничество и самодержавный деспотизм – сохранялись [11: 46–47]. Содержание армии

«обходилось ужасно дорого и съедало 90 % государственного бюджета» [11: 47], а «наиболее важные реформы были финансовыми, призванными выжать из россиян побольше ресурсов для содержания растущей военной машины» [11: 51].

М. Корт заключает:

«...какими бы ни были нововведения, они были продуктом политической традиции... российского самодержавного государства... Современники хвалили его за то, ЧТО он делал, и осуждали за то, КАК он делал» [11: 59].

Взгляд Джима Стриклера в «Царской России» на роль Петра Великого не сильно отличается от мнений предыдущих авторов [22]. Император изображен правителем, всячески стремившимся поднять авторитет России в Европе:

«Петр считал, что Россия не станет могущественной, пока не догонит Европу в области технологий. Он открыл школы, учредил первую в России газету, дал должности выходцам из простых семей, основал Академию наук... Царь гордился тем, что изучил десятки профессий, от столярного дела до стоматологии» [22: 31].

Стриклер характеризует Петра Великого как «самого влиятельного царя в русской истории, эффективного правителя... чья власть была столь же сильна, как и воля», во время его правления «вооруженные силы России действительно росли и усиливались» [22: 31–32]. Но Петру I не удалось добиться для страны экономического процветания:

«несмотря на его желание превратить Россию в могущественное государство, дорогостоящие войны привели ее к нищете... человеческие потери при строительстве города были огромными» [22: 35].

По этим причинам, как считает автор, царь «был почитаем и ненавидим русскими более других царей» [22: 30] – крестьянами, духовенством, консерваторами, либералами. Кроме того, «перечить Петру было опасно из-за его вспыльчивости и готовности применять жестокие пытки...» [22: 32].

Филипп Лонгворт написал книгу по истории России, в которой раздел о Петровской эпохе занимает 21 страницу. В нем основное внимание уделяется сухому изложению фактов о правлении Петра I:

«Он строил на фундаменте, заложенном предшественниками... одерживал яркие победы, создавал новые институты... отрасли, европеизировал элиту... всегда считал себя слугой российского государства» [13: 150].

Для автора «поражение Швеции и прорыв к Балтике были наиболее яркими достижениями Петра» [13: 158]. С другой стороны, читатель встречает и такие строки:

«Для россиян Петр остается популярнейшим историческим деятелем, но на Западе его образ запятнан массовыми жертвами... Помимо военных потерь... десятки тысяч рабочих погибли во время строительства Петербурга с грандиозными проектами по прокладке каналов... Петр был таким же жестоким, как и любой из его предшественников» [13: 151].

В качестве худшего примера жестокосердия автор упоминает участие царя в расследовании дела его сына [13: 151]. Осуждение Лонгворта вызвали и военные действия России против Османской империи – автор усмотрел в них «возрождение православной версии Крестовых походов» [13: 160]. Таким образом, в книге Лонгворта Петр I изображен великим реформатором и уникальной личностью, обладавшей рядом выдающихся качеств, но в то же время жестким и безжалостным.

Наконец, стоит обратить внимание на статью «Петр I» в биографическом словаре «Основатели современных наций» Нила Гамильтона [9]. В ней в числе наиболее значимых достижений Петра называются привлечение им к государственной и военной деятельности талантливых выходцев из демократических слоев населения и строительство Петербурга:

«Он ограничил власть высшего дворянства, открыв дорогу новичкам – мелким служащим, солдатам и матросам, назначавшимся на высокие должности...» [9: 315]. «Ничто так не символизировало его величие... как этот грандиозный подвиг – строительство Петербурга» [9: 313].

Однако там же Н. Гамильтон пишет: «Петр был жесток к окружающим – и к верным, и к нелояльным – угнетал их пьяными оргиями, причудами, а то и наказаниями...» [9: 313]. Некоторые достижения царя преподносятся в мрачном свете. Например, Азовские походы против турок сравниваются с крестовыми [9: 314]. Поведение царя во время Великого посольства (переодевания, личное изучение ремесел, развлечения с шутами и гномами) видится чудаковатым [9:

314]. Целью реформ Петра, как и европеизации, по мнению Н. Гамильтона, было укрепление его монаршей власти: «Он поддерживал те аспекты западного общества, которые расширили его власть» [9: 314]. Личностный портрет Петра в описании Н. Гамильтона выглядит отталкивающим. Отмечаются его подозрительность и параноидальная боязнь заговоров:

«Он построил камеры, в которых стрельцов и их семьи пороли, жарили и даже хоронили заживо»; «В перерывах между пьянками и пиршествами царь лично наблюдал за пытками...» [9: 314].

Автор предполагает, что многие россияне тайно ненавидели Петра I и его политику. Крестьяне – из-за непомерных налогов, традиционалисты – из-за европеизации, окружение боялось его приступов необузданного гнева. «Его жестокий нрав наглядно иллюстрирует обращение с его старшим сыном и наследником престола» [9: 315–316]. Таким образом, у читателя словаря складывается крайне негативный образ Петра Великого – как правителя, полного личных амбиций, не заботившегося о подданных, эгоцентричного и до крайности жестокого.

Можно с уверенностью заключить, что выбор слов, используемых для описания любой исторической личности, является краеугольным камнем, на котором основывается мнение реципиентов текста. Эмоциональная лексика, прилагательные и существительные, используемые писателем, независимо от того, имеют они положительный или отрицательный оттенок, влияют на восприятие читателя. Встречающиеся в текстах о Петре I такие слова, эпитеты и выражения, как «дикий», «пытки», «приступы пьянства / гнева», «пьяные излишества», «финансовое бремя», «на костях», «неоднозначные результаты», «жестокость», «безжалостность», «царство террора» и др., формируют у читателей соответствующее

восприятие. Когда рассказ о царе наполнен лексемами и фразами типа «модернизатор», «европеизация», «эпоха открытий, церковной реформы, научной революции, возрождения», «прорыв», «умный», «любопытный», «дальновидный», «энергичный», «слуга России» и т. п., читатель воспримет его как правителя, заслуживающего называться Великим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленный обзор показывает, что популярных китайских и англоязычных авторов объединяет признание ими в Петре Великом выдающегося императора и реформатора. Они, как правило, высоко оценивают достижения Петра. Но китайские авторы склонны выделять положительные результаты его реформ. Западные же хотя и признают, что царю удалось вывести Россию из отсталого положения и сделать ее европейской державой, но изображают особенности его личности в мрачных и непривлекательных тонах. При этом порой считают, что реформы и победы в многочисленных войнах не стоили страданий и невзгод русского народа.

Образ Петра I среди жителей Великобритании и других англоязычных стран во многом зависит от выбранной книги и личного отношения ее автора к царю, способных сформировать мнение читателя о царе как о просвещенном новаторе или жестоком деспоте. Но мы видим, что в англоязычных странах в основном принято объективное изображение Петра Великого как успешного прогрессивного правителя, радевшего о своей стране (но не о подданных), поведшего Россию от «тьмы» к «свету», превратившего ее в европейскую державу, равную другим ведущим державам мира. Однако в то же время осознаются неоднозначность реформ и сложность его психологического портрета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 俄罗斯圣彼得堡市标志性雕塑--青铜骑士 // Sohu. Available at: <http://news.sohu.com/66/02/news209510266.shtml> (accessed 16.02.2022).

² 圣彼得堡与彼得大帝 // Baidu. Available at: http://www.360doc.com/content/20/1007/10/71790272_939250639.shtml (accessed 16.02.2022).

³ Secrets of the Russian Monarchs Peter the Great, the tallest Russian monarch // Hong Kong Museum of History. Available at: <https://hk.history.museum/documents/54401/2779805/Peter+the+Great.pdf> (accessed 16.02.2022).

⁴ Ibid.

⁵ 康熙皇帝PK彼得大帝 // CCTV China Central Television. Available at: <http://news.cctv.com/special/kangxibidepk/01/> (accessed 16.02.2022).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alberti A. Russia. New York: Smithmark, 1995. 128 p.
2. Bidlack R. Russia & Eurasia. The world today series. Lanham (USA): Rowman & Littlefield, 2015. 360 p.
3. Bingham J. The Usborne Internet-linked encyclopedia of world history. Tulsa, Okla: EDC; London: Usborne, 2001. 415 p.

4. Bowden R., Ransome G. World in focus series. Russia. London: Wayland, 2007. 64 p.
5. Daniels R. Russia. Hoboken: Prentice-Hall Inc., 1964. 116 p.
6. Derek C. Russia. History of nations. Farmington Hills: Greenhaven Press, 2003. 272 p.
7. Freeze G. Russia. A history. Second ed. Oxford: Oxford University Press, 2000. 478 p.
8. Gresko M. Letters from Russia. Woodbridge: Blackbirch Press, 2000. 32 p.
9. Hamilton N. Founders of modern nations: a biographical dictionary. Santa Barbara: ABC-CLIO, 1995. 505 p.
10. Italia B. Russia. Edina: Abdo Publications, 2000. 40 p.
11. Kort M. A brief history of Russia. New York: Checkmark Books, 2008. 310 p.
12. Lagass P. Columbia electronic encyclopedia. New York: Columbia University Press, 2000. 3156 p.
13. Longworth Ph. Russia. The once and future empire from pre-history to Putin. New York: St. Martin's Press, 2006. 416 p.
14. Marshall D. Russia. New York: AV2 by Weigl, 2013. 32 p.
15. Mattern J. Russia. Logan: Perfection Learning, 2005. 48 p.
16. Nickles G. Russia – the culture (lands, peoples and cultures). New York: Crabtree Publishing Company, 2000. 32 p.
17. Perrin P. Russia: Discovering. New York: Crestwood House, 1994. 32 p.
18. Richmond S, Bennets M., Duca M. Russia. Lonely Planet. Oakland CA: Lonely Planet Publications, 2015. 696 p.
19. Rogers S. Russia (enchantment of the world). New York: Children's Press, 2002. 144 p.
20. Russell H. Russia. National Geographic. Countries of the world. Washington: National Geographic Kids, 2008. 64 p.
21. Stein R. Russia. New York: H. W. Wilson Co., 2010. 214 p.
22. Strickler J. Russia of the tsars. World history series. San Diego: Lucent Books, 1998. 96 p.
23. 北弘. 彼得大帝传. 长沙: 中南出版集团, 2004. 349页. (Бэй Хун. Жизнеописание Петра Великого. Чанша: Чжуннань чубань цзитуань, 2004. 349 с.)
24. 郭圣铭. 世界文明史纲要. 上海: 上海社会科学院出版社, 2013. 555页. (Го Шэнмин. Очерк истории мировой цивилизации. Шанхай: Шанхай шэхуй кэсюэюань чубаньшэ, 2013. 555 с.)
25. 李津. 一生的读书计划. 长安: 中国长安出版社, 2006. 516页. (Ли Цзинь. План чтения на всю жизнь. Чанъань: Чжунго чанъань чубаньшэ, 2006. 516 с.)
26. 林枫. 康熙大帝VS彼得大帝. 香港: 三联, 2005. 140页. (Линь Фэн. Канси VS Петр I. Сянган: Санълян, 2006. 140 с.)
27. 马长缨. 世界名人传记: 帝王改革家彼得大帝. 北京: 北方妇女儿童出版社, 2010. 152页. (Ма Чанъин. Биографии известных деятелей мира: Петр I – царь-реформатор. Пекин: Бэйфан фунюй эртун чубаньшэ, 2010. 152 с.)
28. 任光萱. 俄罗斯文化十五讲. 北京: 北京大学, 2007. 392页. (Жэнь Гуансюнь. Пятнадцать лекций по русской культуре. Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2007. 392 с.)
29. 石地. 坚决不当元帅的怪才. 台北: 崧博出版, 2017. 176页. (Ши Ди. Чудак, не пожелавший стать главкомом. Тайбэй: Сунбо чубань, 2017. 176 с.)
30. 水中鱼. 世界未解之谜全知道. 武汉: 华中科技大学, 2012. 296页. (Шуй Чжунъюй. Известное о неразгаданных тайнах мира. Ухань: Хуачжун кэцзи дасюэ, 2012. 296 с.)
31. 孙仁宗. 世界史. 杭州: 浙江人民出版社, 2008. 1307页. (Сунь Жэньцзун. Справочник по всемирной истории. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 2008. 1307 с.)

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 28.04.2022

Review article

Ekaterina G. Andreeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-1341-3539; e.g.andreeva@spbu.ru

Ekaterina V. Lankova, Teaching Assistant, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-2596-0465; ms.lankova@mail.ru

Dmitrii I. Maiatskii, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-4855-4585; d.mayatsky@spbu.ru

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN WEB AND POPULAR SCHOLARLY LITERATURE IN CHINESE AND ENGLISH

Abstract. The novelty of the study lies in examining the question of how the figure of the Russian Emperor, Peter the Great, is represented in the mass and popular scholarly literature of China and some English-speaking western countries (primarily Great Britain and the USA). The relevance of the study can be seen in the approaching 350th birth anniversary of the czar, as well as in the growing interest and activities all over the world concerning the issue of perception of striking cultural and historical symbols of some nationalities in the media and media-related information

space of other countries. The paper presents a review of the data about Peter the Great drawn from popular books and Internet publications widely available to readers in China and in the English-speaking world. The results of the comparative analysis carried out in the paper reveal both similarities and differences in the ways the figure of Peter the Great is shown and perceived in the East and the West. The authors make an attempt to identify the possible reasons for the main discrepancies, including some peculiarities that can be considered as characterizing the mentality of the Chinese and Western people.

Key words: imagology, Peter the Great in China, Peter the Great in the West, popular literature, Internet publications about Peter the Great

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 “Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation”.

For citation: Andreeva, E. G., Lankova, E. V., Maiatskii, D. I. The image of Peter the Great in web and popular scholarly literature in Chinese and English. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):43–51. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.766

REFERENCES

1. Alberti, A. Russia. New York, 1995. 128 p.
2. Bidlack, R. Russia & Eurasia. The world today series. Lanham, USA, 2015. 360 p.
3. Bingham, J. The Usborne Internet-linked encyclopedia of world history. Tulsa, London, 2001. 415 p.
4. Bowden, R., Ransome, G. World in focus series. Russia. London, 2007. 64 p.
5. Daniels, R. Russia. Hoboken, 1964. 116 p.
6. Derek, C. Russia. History of nations. Farmington Hills, 2003. 272 p.
7. Freeze, G. Russia. A history. Second ed. Oxford, 2000. 478 p.
8. Gresko, M. Letters from Russia. Woodbridge, 2000. 32 p.
9. Hamilton, N. Founders of modern nations: a biographical dictionary. Santa Barbara, 1995. 505 p.
10. Italia, B. Russia. Edina, 2000. 40 p.
11. Kort, M. A brief history of Russia. New York, 2008. 310 p.
12. Lagass, P. (Ed.). Columbia electronic encyclopedia. New York, 2000. 3156 p.
13. Longworth, Ph. Russia. The once and future empire from pre-history to Putin. New York, 2006. 416 p.
14. Marshall, D. Russia. New York, 2013. 32 p.
15. Mattern, J. Russia. Logan, 2005. 48 p.
16. Nickles, G. Russia – the culture (lands, peoples and cultures). New York, 2000. 32 p.
17. Perrin, P. Russia: Discovering. New York, 1994. 32 p.
18. Richmond, S, Bennets, M., Duca, M. Russia. Lonely Planet. Oakland, 2015. 696 p.
19. Rogers, S. Russia (enchantment of the world). New York, 2002. 144 p.
20. Russell, H. Russia. National Geographic. Countries of the world. Washington, 2008. 64 p.
21. Stein, R. Russia. New York, 2010. 214 p.
22. Strickler, J. Russia of the tsars. World history series. San Diego, 1998. 96 p.
23. 北弘。彼得大帝传。长沙: 中南出版集团, 2004。349页。
24. 郭圣铭。世界文明史纲要。上海: 上海社会科学院出版社, 2013。555页。
25. 李津。一生的读书计划。长安: 中国长安出版社, 2006。516页。
26. 林枫。康熙大帝VS彼得大帝。香港: 三联, 2005。140页。
27. 马长缨。世界名人传记: 帝王改革家彼得大帝。北京: 北方妇女儿童出版社, 2010。152页。
28. 任光萱。俄罗斯文化十五讲。北京: 北京大学, 2007。392页。
29. 石地。坚决不当元帅的怪才。台北: 崧博出版, 2017。176页。
30. 水中鱼。世界未解之谜全知道。武汉: 华中科技大学, 2012。296页。
31. 孙仁宗。世界史。杭州: 浙江人民出版社, 2008。1307页。

Received: 28 March, 2022; accepted: 28 April, 2022

МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА ГАРГЯНЦ

младший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
магистрант 2-го курса факультета истории
Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
mgargyans@eu.spb.ru

СОВЕТИЗАЦИЯ ПЕТРА I В ПЬЕСЕ А. Н. ТОЛСТОГО «НА ДЫБЕ»: ПОИСК МАРКСИСТСКОЙ ФОРМУЛЫ ОБРАЗА ЦАРЯ

А н н о т а ц и я . Цель статьи – определить круг противоречий, сложившихся в ходе обсуждения образа Петра I в 1920-е годы в среде литературоведов. Для этого необходимо было выполнить следующие задачи: показать основные литературные тенденции пьесы А. Н. Толстого «На дыбе» и сопоставить их с идейно-политическими взглядами интеллигенции конца 1920-х годов, отраженными в рецензиях на постановку. Анализ «Петровского мифа» на начальном этапе его появления актуален на сегодняшний день, так как позволяет рассмотреть уже реализованную модель конструирования героического образа одного из национальных героев и понять, как история может инструментализоваться для целей агитации и пропаганды. Как показало известное исследование Ф. Б. Шенка, посвященное образу Александра Невского, образы национальных героев прошлого в видоизмененном виде остаются в культурной памяти и современной России. Фигура Петра I в этом отношении всегда занимала особенное место, так как начиная с историографии XIX века она всегда была сопряжена одновременно и с негативными, и с патетическими ассоциациями. В статье продемонстрировано, что такое противоречие влияло на дискуссии вокруг Петровского мифа в конце 1920-х годов. Сделан вывод о том, что взгляды представителей литературного сообщества на Петра I предопределялись, во-первых, приматом историографических оценок школы М. Н. Покровского, во-вторых, стремлением уйти от выводов буржуазной историографии конца XIX века, в-третьих, опасениями слишком откровенной аналогии между перегибами имперских Петровских реформ и становления большевистской власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а : культурная память в СССР, пьеса А. Н. Толстого «На дыбе», миф о Петре I, советизация образа Петра I, марксистская историография, литературная дискуссия, советская пропаганда

Б л а г о д а р н о с т и . Автор выражает благодарность научному руководителю проекта к. и. н. Н. Д. Потаповой за ценные советы в концептуализации материала и правку текста, а также директору архива Европейского университета в Санкт-Петербурге Г. Г. Лисицкой, старшему научному сотруднику ИМЛИ РАН А. С. Акимовой и профессору факультета истории из Университета Ричмонда (США) д-ру Д. Л. Бранденбергеру за щедрые рекомендации и помощь в поиске источников.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гаргянц М. Г. Советизация Петра I в пьесе А. Н. Толстого «На дыбе»: поиск марксистской формулы образа царя // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 52–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.767

ВВЕДЕНИЕ

Проблема советизации Петра I в 1930-е годы, то есть выстраивания партийными органами агитации и пропаганды прагматически полезной марксистской трактовки его реформ и внешней политики, занимает важное место в исследованиях национальной исторической политики большевиков. Ей посвящены большие аналитические разделы в монографиях Н. В. Рязановского [11], Д. Бранденбергера и К. Платта [9: 47–68]. Если в этих текстах анализ советской трактовки образа Петра I проводился начи-

ная с середины 1930-х годов, то, на наш взгляд, в силу частого использования образа императора в 1920-е годы (достаточно вспомнить известные строки М. Волошина: «...и Петр Первый был первый большевик») имеет смысл обратить особое внимание на более ранний период поиска марксистской формулы Петра I. В результате Февральской и Октябрьской революций историческое знание было подвергнуто как идейной, так и институциональной ломке. Глубокое изучение эпох, предшествовавших образованию партии, стало восприниматься как бегство от реаль-

ности, отдаляющее интеллектуала от решения насущных задач. В университетах закрывались историко-филологические факультеты, а «старая» профессура покидала свои места работы. В 1930-е годы взгляд на задачи истории меняется кардинально. Этому способствовали как изменения в национальной политике СССР, взявшего курс на построение единой советской нации, так и принятие Конституции 1936 года, обозначившей классовую борьбу оконченной. В сфере исторической науки это проявилось как в появлении госзадания составить труд по истории Гражданской войны в СССР (комиссия И. И. Минца), так и работе правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник истории СССР, которая выявила изменение общественных настроений через споры в среде ученых, писателей и публицистов и вызвала смену представлений о русской дореволюционной истории и ее героях в исторических и политических нарративах с крайне негативных на восторженно-патетические. Безусловно, такие перемены не могли не коснуться деятелей литературного и кинематографического сообщества, принимавших активное участие в политике СССР в те годы. Примерами тому является создание С. М. Эйзенштейном, Вс. Пудовкиным, А. Довженко, Г. Козинцевым и Л. Траубергом кинематографических мифов о русских национальных героях, а также появление жанра социалистического исторического романа, прославлявшего военные победы русских полководцев и правителей прошлых эпох.

Создание Петровского мифа в этом ряду представляет особый интерес для исследователей, потому что образ Петра I в русской исторической памяти традиционно был сопряжен с двумя антагонистическими тенденциями. Первая – это воспоминание о человеческих жертвах, вызванных Северной войной, форсированным строительством Санкт-Петербурга, ломкой устоявшихся традиций. Этот нарратив, в немалой степени вдохновленный «Медным всадником» А. С. Пушкина, был развит в результате спора западников и славянофилов, превратившего «Петровский вопрос» в неразрешимую загадку историографии. Вторая традиция – это гордость, вызванная успехами Петра I на международной арене, высокими темпами модернизации и просвещения страны, а также образованием империи. Советскому культурному проекту 1930-х годов необходимо было, пропустив через новые идеологические фильтры корпус текстов о Петре I, избавить его от негативных коннотаций и несколько упростить для идеологической цели прославления своего национального прошлого.

Данная статья посвящена начальному этапу поиска верной формулы советизации Петра I – идейному конфликту вокруг постановки пьесы А. Н. Толстого «На дыбе» в театре МХТ-2 (1930 год) в среде литературного сообщества конца 1920-х годов, с одной стороны, и между А. Н. Толстым и режиссером постановки Б. М. Сушкевичем, с другой. Этот конфликт поможет рассмотреть сдвиги, происходящие в общественном мнении интеллектуальных кругов уже в самом начале 1930-х годов. Цель статьи – выявить, какие противоречия в трактовке Петровского мифа были заложены в самом начале процесса советизации фигуры Петра I. Текст пьесы А. Н. Толстого, который будет многократно переделываться автором в течение 1930-х годов, был выбран как наглядный источник, позволяющий проследить, как менялось представление о Петровской эпохе на фоне актуализации споров о политической и художественной ценности истории для задач построения социализма. Кроме текста пьесы «На дыбе», в статье рассматриваются рецензии литературных критиков на ее постановку, напечатанные в передовицах ведущих политических и литературных советских газет.

ПРЕМЬЕРА ПЬЕСЫ «НА ДЫБЕ» В ТЕАТРЕ МХТ-2

К. Платт, исследуя процесс конструирования исторических нарративов о Петре I и Иване Грозном в 1930-е годы, обозначил их «изобретенными мифами» [10: 119–121], подчеркивая не контекстуальную обусловленность возникновения этого нарратива, а его сконструированность. При этом, отмечая характер сконструированности Петровского мифа, на наш взгляд, непродуктивно воспринимать его как гомогенную, спланированную сталинскую концепцию. Ведь кроме идеологического партийного дискурса было еще несколько площадок для обсуждения корректной марксистской трактовки Петровской эпохи, которые не могли не оказывать влияния на изменение образа Петра I. Одной из таких площадок был мир театра.

В феврале 1930 года на сцене театра МХТ-2 состоялась премьера пьесы А. Н. Толстого «На дыбе», которую он создавал в 1928–1929 годах. Это было событие большого масштаба. После возвращения писателя в СССР из эмиграции в 1923 году и публично высказанной им позиции поддержки новому политическому режиму, премьеру пьесы активно обсуждали в прессе, посмотреть постановку приехали представители партийной номенклатуры, члены ГПУ при НКВД СССР и лично И. В. Сталин. Согласно рассказу-воспоминанию Р. В. Иванова-Разумника,

не досмотрев пьесу до конца, И. В. Сталин покинул зал, за ним последовал и режиссер постановки Б. М. Сушкевич [3: 417]. А. Н. Толстой остался в зале и наблюдал выступления представителей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), которые, по его выражению, «встретили пьесу в штыки»¹. В письме И. В. Сталину, отправленном вскоре после неудачной премьеры и публикации первых рецензий, Алексей Николаевич не только просил протекции, но и пошел дальше: согласовываясь с идеологической линией партии, он объяснил причины столь резкой критики его произведения качественными и идейными недостатками литературных организаций, необходимостью их унификации:

«Я воспринимаю эту статью (рецензию И. Бачелиса – М. Г.) так, как бы воспринял солдат, идущий в атаку, удар сзади. Писателю, отдающему все художественные силы революции, строительству социализма, пролержать, писателю, всеми силами связанному с небывалой эпохой, – бросают обвинение: классовый враг... Не умно, и – хуже того – беспланоно. <...> Литература под угрозой понижения качества. В чем же дело? В отсутствии плана. Вся жизнь охвачена пятилетним планом строительства, вся, кроме литературы. Здесь есть окрики и угрозы, влияния отдельных групп и личностей, приязни и неприязни, но плана, органически врастающего в строительство, нет. Я мыслю всесоюзную писательскую конференцию. На ней должен быть развернут и совместно проработан план художественных работ на ближайшие годы»².

Ответного письма либо не последовало, либо оно было уничтожено писателем, но, во всяком случае, в апреле 1932 года пролетарские литературные организации потеряли политический вес и были распущены, а А. Н. Толстой продолжил работать над историей Петра I дальше, переделал пьесу к 1935–1936 годам и приступил к написанию незавершенной третьей книги романа. Конечно, со стороны писателя данное письмо было умелым тактическим шагом ради спасения своей собственной репутации, а может быть, и не только ее. Но резкая критика представителей литературных организаций была связана не с их организационной дробностью, а со скоростью изменений общественно-политических настроений в те годы. Текст пьесы «На дыбе», как и образ Петра I в ней, не мог не вызвать столь бурного ажиотажа в литературном сообществе, так как он опирался на революционную литературную традицию начала 1920-х годов. Эта литературная тенденция отражалась в двух характерных чертах пьесы.

Во-первых, основным источником противоречий между персонажами являлась классовая борьба, где позицию буржуазных «угнетате-

лей» занимал сам Петр. Он имел деспотический характер – «человек без сердца», как написал бы А. С. Пушкин. В пьесе постепенно раскрывалась его сильная и подчиняющая себе воля, из-за которой Петр был не способен учитывать настоящие интересы и потребности общественных групп, участвующих в реформировании страны:

«Измену чую повсюду, падалью смердит... Шведы, шведы, морок проклятый. Кабы не шведы, мы б теперь с Голландией, с Неметчиной, и с Англией, и с королем французским торговали... Разорение, – войне конца не видно. <...> Но хочу видеть у людей думу о пользе государственной – не одно воровство... Не служат, не работают – кормятся. Русские мне шведа страшнее...»³.

Отношения между самими группами, представленными в пьесе, были также выдержаны в логике классовой борьбы между «угнетателями» и «угнетенными», все больше обострявшейся по мере продолжения реформ Петра. В первой же сцене казни стрельцов были представлены все группы, не принимающие ни Петра, ни его «иностранное» и незнатное окружение в виде полковника Гордона, Лефорта, князя Ромодановского, князя Голицына, боярина Шеина, и, конечно, Алексашки Меншикова. Это в первую очередь сами стрельцы, которые ушли бы на Дон, «кабы не хозяйство», квасное боярство, пытающееся сберечь традиционные устои и недовольное усилением безродного Меншикова, а также поборники православной веры: попы и юридический.

Во-вторых, в пьесе присутствовал народный взгляд на Петра I как на антихриста, человека звериной злости – и безумного, и гениального одновременно. Царь был показан как реформатор, готовый на любые жертвы ради просвещения русского народа: «Какой же еще крови нужно, чтоб в разум вошли?»⁴ – одна из его частых реплик. В такой утрированной трактовке он излучал нервное напряжение взглядом и движениями и напоминал, скорее, «вечно-одинокую исполина на обледенелой глыбе финского гранита», как у Д. С. Мережковского⁵. Как общий знаменатель – отталкивающие физиологические и психологические особенности в образе Петра, его склонность к насилию – изображали многие писатели 1920-х годов, обращавшиеся к этой эпохе: Б. А. Пильняк («Его Величество Кнеб Питев Комондор»), Д. С. Мережковский («Антихрист. Петр и Алексей»), М. А. Волошин («Россия»), Ю. Н. Тынянов («Восковая персона»), Н. А. Бердяев («Русская идея»). Также, продолжая традицию вышеназванных авторов, между строк пьесы, на наш взгляд, имплицитно были заложены намеки на перегибы первых лет установ-

ления большевистской власти, продрозверстки в период военного коммунизма, засухи и голода 1921–1922 годов, который глубоко потряс А. Н. Толстого, находившегося на тот момент в эмиграции:

«Меншиков: Я гетману Мазепе отписал, – хлеб повезем с Украины. С Дона – пшеницу потянем.

Апраксин: А как мужики не дадут? <...>

Меншиков: Дадут... А драгуны на что?»⁶.

«СТРОЙКОЙ ОТКРЫВАЕТСЯ ПЬЕСА, ОДИНОЧЕСТВОМ ПЕТРА ЗАВЕРШАЕТСЯ»: ПОИСК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ СОВЕТИЗАЦИИ ЦАРЯ

Как уже было отмечено, пьеса вызвала оживленную критику членов РАПП – политически сильной на тот момент литературной организации. На наш взгляд, в силу подчеркнуто славянофильской риторики описания жестокости Петровских реформ, встречающейся в пьесе, они увидели в ней не литературную традицию 1920-х годов, а прямую критику власти, своего рода памфлет на первые годы правления большевиков.

«Петровская эпоха ломала, преобразовывала, строила. В этом – ее пафос, в котором нетрудно уловить смыслы, внешне созвучные борьбе и напряжениям современности»⁷ [2: 31],

– заключил в своей рецензии начинающий писатель, член иркутского РАПП, В. М. Блюменфельд. В продолжение своей рецензии он пришел к следующему выводу:

«И недаром в конце пьесы стоит такой же символ, что и в начале – только с обратным знаком: стройкой открывается пьеса, одиночеством Петра пьеса завершается. Это похоже на дурное предзнаменование для современника, и во всяком случае логика “Петра I”, развивающая идею одинокого исторического борца, крайне далека от революционного оптимизма, реакция на своей сущности, ни в какой мере не может удовлетворить нашего представления о законах исторического развития»⁸.

В. М. Блюменфельд винил А. Н. Толстого в «хроникальности», излишней «демократизации» царя, поверхностности его конфликта с сыном Алексеем, а также в «индивидуалистическом ядре» пьесы. Иными словами, писал о том, что в пьесе не хватает четкой прорисовки классовых интересов дворянства, купечества и крестьянства, вследствие чего как Петр не может опереться на определенный класс, так и между самими классами невозможно развить идею конфликта. Автор рецензии подчеркивал, что без этого классового конфликта обращение к истории Петровского времени с точки

зрения марксистской логики не выполняет своей главной функции. Однако если социальное одиночество и отсутствие движущей социальной силы эпохи отмечали и подвергали критике все литературоведы и писатели РАПП, то путь к выстраиванию «верного» советского нарратива о Петре I авторы представляли себе по-разному.

В рецензии критика и драматурга Л. Н. Чернявского, напечатанной в «Правде», главным пунктом критики являлась вычурная стилизация Петровской эпохи в пьесе, напоминающая «мережковщину», «буржуазно-сменовеховские элементы»⁹. Автор рецензии также не увидел классового конфликта. В доработанном варианте пьесы он предлагал показать противостояние двух сил. С одной стороны, это силы «торгового капитализма», представителям которого Петр I позволял строить мануфактуры, заводить ремесла в стране. С другой стороны, все остальные классы, сопротивляющиеся этим нововведениям. Л. Н. Чернявский опирался в данном случае на историографическую позицию школы М. Н. Покровского, который объяснял логику реформ Петра I через те хозяйственно-экономические нужды, которые естественным образом появились в России вследствие развития европейской торговли в XVII веке [7: 69]. Следовательно, купцы и дворяне, владельцы первых русских фабрик, должны были по данной логике стать основной поддержкой Петровских реформ.

Другой литературовед и театральный критик, член РАПП М. В. Бертенсон в газете «Труд» осуждал новую пьесу за «буржуазный либерализм» и «сменовеховскую психологию»¹⁰. Он тоже критиковал утрированную параллель между Петровскими реформами и современностью, а также «социальную изолированность» Петра:

«У Толстого против Петра – все и вся. Обнищавший, замученный народ, чьи костью устланы финские болота; реакционное боярство и кликушествовавшее духовенство; родной сын и жена-простолоудинка Марта, Петром возведенная в Екатерину I, даже новая знать, впервые появившаяся на исторической арене»¹¹.

Путь выстраивания верной формулы Петра I автор видел в опоре на взгляды М. Н. Покровского:

«Основная идея пьесы <...> вынудила Толстого обойти молчанием и связь реформ Петра со всеми предшествующими ему попытками европеизации России и не заметить тех классовых сил, которыми Петр был исторически выдвинут для выполнения своей государственной роли»¹².

М. В. Бертенсон считал при этом удачным, что через «жанровые зарисовки» передавалось

противоречие разных хозяйственных практик в государстве, «нового и старого в области быта», ссылаясь буквально на цитату М. Н. Покровского: «“Двор” изменился сильнее, чем “город”, а “деревня” совсем не изменилась»¹³.

Было несколько рецензий, авторы которых указывали на контрреволюционность пьесы, акцентируя внимание на факте эмиграции А. Н. Толстого в годы Гражданской войны: «Вчерашний правый попутчик Алексей Николаевич Толстой “просто так” вдруг заинтересовался личностью Петра I?»¹⁴, – задавался вопросом, к примеру, советский киносценарист И. С. Бачелис. Его основной тезис заключался в том, что своей постановкой А. Н. Толстой будто бы ищет ответ на вопрос, в чем «можно найти “оправдание” для пролетарской революции» из истории. И. С. Бачелис напрямую связывал такую постановку вопроса с происхождением писателя, называл его «певцом разорившегося и оскудевшего дворянства», «мелкобуржуазным попутчиком» и характеризовал всю постановку в целом как «зловую, бешеную вылазку классового врага, прикрытую искусной маской фальшивой “историчности”»¹⁵.

Многих литераторов волновало отсутствие концепции в пьесе, которая бы объединила все полярные оценки образа Петра I воедино. Даже если эта новая оценка была бы представлена в негативном свете. К примеру, театральный критик В. М. Млечин, критикуя пьесу за ее лубочность, то есть искусственно соединенные сказочные нарративы о биографии царя, писал:

«А. Н. Толстой и режиссер Б. М. Сушкевич не смогли показать внутреннюю несостоятельность, поверхностность и половинчатость петровских реформ, забытых или отмененных почти в день смерти “Саардамского плотника”. И для “разоблачения” Петра I Толстой навел несколько густых и мрачных штрихов на психический облик Петра»¹⁶.

Называя Петра «Саардамским плотником», В. М. Млечин цитировал название романа П. М. Фурманова и тем самым иронизировал над традицией русского исторического романа конца XIX века, где в центре Петровского мифа находилась легенда о чудесном путешествии обычного ремесленника Петра Михайлова по Европе, мечтавшего научиться строить корабли. Детские книги П. М. Фурманова были широко распространены в дворянской среде, например, их читали в семье Турбиных в известном романе М. А. Булгакова. Скорее всего, хорошо образованные критики и литераторы 1920-х годов их тоже читали в юности и, преследуя популярную в советской критике этого времени народническую традицию, осуждали

за примитивность оценок. В. М. Млечин искал настоящей критики реформ Петра I, которые пока просматривались в пьесе, по его мнению, только стилистически.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные тексты позволяют сделать несколько выводов, характеризующих процесс советизации образа Петра I на начальном этапе. Во-первых, следует отметить общую заинтересованность всех критиков в необходимости найти правильную формулу для советизации Петра. Общим лейтмотивом рассмотренных критических рецензий являлось непонимание А. Н. Толстым целей реформ Петра I, их исторической функции. При этом никто из критиков не решался представить свое видение единой концепции Петровского времени, кроме тех, кто ссылался на позиции М. Н. Покровского, публичная критика которого, как известно, начнется с января 1936 года. Во-вторых, в критических рецензиях было очень мало рассуждений непосредственно о сильных и слабых сторонах самой театральной постановки: о режиссерских решениях Б. М. Сушкевича, о декоративном оформлении пьесы И. И. Нивинским, об игре актеров. Как этот факт, так и большое количество внимания со стороны политических органов и лично И. В. Сталина говорит о высокой степени политизированности споров вокруг поиска правильной исторической трактовки Петровского мифа, в которых художественный язык автора и его литературный стиль выступали, скорее, фоном. В-третьих, оценивая представленный образ Петра I как исторически неверный, критики пьесы «На дыбе» прибегали к обсуждению волновавших в то время представителей литературного сообщества тем. Указывая на буржуазное происхождение писателя, они использовали охранительную риторику, имплицитно продолжая критиковать либеральных писателей и публицистов, бывших участников сборника «Вехи», а вслед за ними и политэмигрантов, «сменовеховцев», которые в своих текстах нередко рассматривали Октябрьскую революцию как национальный позор и катастрофу для русского народа. Называя А. Н. Толстого «сменовеховцем», некоторые критики подчеркивали его преемственность со славянофилами – отмечали у писателя «неумение по-настоящему показать “героя” русской истории, не по Илловайскому»¹⁷, актуализируя негативные ассоциации, имплицитно присущие культурной памяти о Петре I, а также воспринимали такую тенденцию как памфлет на советскую власть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Толстой А. Н. Автобиография // Толстой А. Н. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1982. С. 46.
- ² Отдел рукописных фондов Государственного Литературного музея (ОРФ ГЛМ). Ф. 186. Оп. 3. Д. 89. Л. 3.
- ³ Толстой А. Н. На дыбе // Толстой А. Н. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 10. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1949. С. 602.
- ⁴ Там же. С. 584.
- ⁵ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет / Сост. Е. Я. Данилова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 198.
- ⁶ Толстой А. Н. На дыбе... С. 589.
- ⁷ Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1990. Оп. 2. Д. 105. Л. 32.
- ⁸ Там же. Л. 31.
- ⁹ Там же. Л. 29.
- ¹⁰ Там же. Л. 48.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 22.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 25.
- ¹⁷ Там же. Л. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. В. Алексей Толстой и судьба его романа «Петр Первый» в литературе, науке и на экране // Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX – нач. XX века). СПб., 2007. С. 5–12.
2. Бранденбергер Д. Кризис Сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2017. 365 с.
3. Варламов А. Н. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2008. 592 с.
4. Добренко Е. А. Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
5. Дубровский А. М. Историк и власть. Брянск, 2005. 800 с.
6. Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Россия и Петр // Петр Великий: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2003. С. 670–708.
7. Покровский М. Н. Русская история: В 3 т. Т. 2. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. 383 с.
8. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
9. Platt K. M. F. Rehabilitation and afterimage: Aleksei Tolstoi's many returns to Peter the Great // Epic revisionism: Russian history and literature as Stalinist propaganda. Madison, 2006. P. 47–68.
10. Platt K. M. F. Terror and greatness: Ivan and Peter as Russian myths. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011. 294 p.
11. Riasanovsky N. V. The image of Peter the Great in Russian history and thought. Oxford University Press, 1992. 342 p.

Поступила в редакцию 09.02.2022; принята к публикации 22.04.2022

Original article

Maria G. Gargyants, Junior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Second-Year Master's Student, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)
mgargyants@eu.spb.ru

**SOVIETIZATION OF PETER THE GREAT IN ALEKSEY TOLSTOY'S PLAY "ON THE RACK":
SEARCH FOR A MARXIST CONCEPT OF THE TSAR**

Abstract. The purpose of the article is to determine the range of contradictions that emerged during the discussion of the image of Peter the Great in the 1920s among literary scholars. For this purpose it was necessary to perform the following tasks: to show the main literary trends of Aleksey Tolstoy's play "On the Rack" and to compare them with the ideological and political views of the intelligentsia of the late 1920s, as reflected in the reviews of the play's production.

The analysis of the “Petrine myth” at the initial stage of its emergence is urgent for today, as it enables us to consider the already implemented model of constructing a heroic image of one of the national rulers. It also helps us to understand how history can be gradually instrumentalized for the purposes of agitation and propaganda. As Frithjof Schenk’s famous research on the image of Alexander Nevsky has shown, the images of the national heroes of the past remain in the cultural memory of modern Russia in a modified form. In this respect, the figure of Peter the Great has always occupied a special place, because starting from the nineteenth-century historiography it has always been related with both negative and pathetic associations. The article demonstrates that this contradiction influenced the discussions about the “Petrine myth” in the late 1920s. It concludes that the views of the literary community representatives on Peter the Great were predetermined, firstly, by the primacy of historiographical evaluations of M. N. Pokrovsky’s school, secondly, by the desire to avoid the conclusions of the bourgeois historiography of the late XIX century, and, thirdly, by the fears to draw an overt analogy between the excesses of the Petrine reforms and the first years of the Bolshevik power formation.

Keywords: USSR cultural memory, Aleksey Tolstoy’s play “On the Rack”, Soviet myth of Peter the Great, Sovietization of Peter the Great, Marxist historiography, literary debates, Soviet propaganda

Acknowledgements. The author expresses her gratitude to the project supervisor N. D. Potapova, Candidate of Sciences in History, for her valuable advice on conceptualizing the material and editing the text, as well as to G. G. Lisitsyna, Director of the Archives of the European University at St. Petersburg, A. S. Akimova, Senior Researcher at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, and Dr. D. L. Brandenberger, Professor of History at the University of Richmond (USA), for their advice and support in finding sources.

For citation: Gargyants, M. G. Sovietization of Peter the Great in Aleksey Tolstoy’s play “On the Rack”: search for a Marxist concept of the tsar. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):52–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.767

REFERENCES

1. Anisimov, E. V. Aleksey Tolstoy and the fate of his novel “Peter the First” in literature, science and on the screen. *Historical memory and society in the Russian Empire and the Soviet Union (late XIX – early XX centuries)*. St. Petersburg, 2007. P. 5–12. (In Russ.)
2. Brandenberger, D. L. Crisis of Stalin’s agitprop: propaganda, political education and terror in the USSR, 1927–1941. Moscow, 2017. 365 p. (In Russ.)
3. Varlamov, A. N. Aleksey Tolstoy. Moscow, 2008. 592 p. (In Russ.)
4. Dobrenko, E. A. Museum of the Revolution. Stalinist cinema and the production of history. Moscow, 2008. 424 p. (In Russ.)
5. Dubrovsky, A. M. The historian and power. Bryansk, 2005. 800 p. (In Russ.)
6. Kara-Murza, A. A., Polyakov, L. V. Russia and Peter. *Peter the Great: pro et contra*. St. Petersburg, 2003. P. 670–708. (In Russ.)
7. Pokrovsky, M. N. Russian history: In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 2002. 383 p. (In Russ.)
8. Schenk, F. B. Alexander Nevsky in the Russian cultural memory: saint, ruler, national hero. Moscow, 2007. 592 p. (In Russ.)
9. Platt, K. M. F. Rehabilitation and afterimage: Aleksei Tolstoi’s many returns to Peter the Great. *Epic revisionism: Russian history and literature as Stalinist propaganda*. Madison, 2006. P. 47–68.
10. Platt, K. M. F. Terror and greatness: Ivan and Peter as Russian myths. Ithaca, NY, 2011. 294 p.
11. Riasanovsky, N. V. The image of Peter the Great in Russian history and thought. Oxford University Press, 1992. 342 p.

Received: 9 February, 2022; accepted: 22 April, 2022

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СТАРИЦЫН

главный библиограф
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
profitens@yandex.ru

ЗАСЕЛЕНИЕ СТАРОВЕРАМИ ВЫГОВСКОГО СУЗЕМКА

А н н о т а ц и я . Целью статьи является исследование социально-географических вопросов раннего староверия с применением комплексного подхода к источникам. Рассматривается происхождение староверов – первых поселенцев необитаемых земель на границе двух погостов Олонецкого уезда. Наблюдается поэтапный процесс заселения бассейна реки Выг с запада на восток, зависевший от количества беглецов и наличия готового жилья. Выделяются крупные (монастырь) и мелкие (скиты) поселения. Привлечены в качестве источников по истории раннего старообрядчества переписи 1678 и 1707 годов. Произведен сравнительный анализ данных переписей XVII века и первой ревизии с данными староверческих источников. Получены новые биографические данные некоторых выговских первопоселенцев. Результаты исследования подтвердили вывод, сделанный М. Л. Соколовской, что подавляющее число поселенцев происходило из погостов Олонецкого уезда, на территории которого основывались поселения. Социальный состав поселенцев – крестьянский – соответствует социальному составу окружающих лесной суземок обитаемых волостей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : старообрядчество, поселения староверов, Русский Север, социальный состав жителей, староверческий монастырь

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» на 2020–2022 годы, проект № 20-09-42034.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Старицын А. Н. Заселение староверами Выговского суземка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 59–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.768

ВВЕДЕНИЕ

В годы царствования Петра I на севере России в лесных дебрях Олонецкого уезда появилось уникальное поселение, получившее название Выговское общежительство. История поселения на Выгу привлекала внимание ученых. Исчерпывающий историографический обзор содержится в работе Е. М. Юхименко, посвященной духовной жизни Выговского общежительства [7: 7–9]. Вопросы, связанные с происхождением жителей Выговского суземка, впервые получили освещение в 1863 году в небольшом историческом очерке Н. Я. Аристов¹. Автор, не производя тщательного анализа, обозначил географические регионы (Астрахань, Воронеж, Сибирь, Нижегородские пределы, Вязники) и социальные группы (гулящие люди, беглые матросы и холопы, крестьяне, дьячки, купцы, дворяне), из которых вышли выговские общежителы². На происхождение некоторых видных староверческих деятелей указывал П. С. Смирнов, опираясь на сведения из «Истории Выговской пустыни» И. Филиппова³. М. Л. Соколовская на основании изуче-

ния материалов трех ревизий (1720–1763) пришла к выводу, что социальный состав Выговского общежительства соответствовал социальному составу Олонецкого уезда, то есть крестьянскому [6: 272]. Наиболее основательно к вопросу о происхождении выговских насельников подошла Е. М. Юхименко, проверяя и дополняя данные староверческих произведений по официальным документам [10: 949]. Исследовательницей был составлен аннотированный именной указатель к «Истории Выговской пустыни» И. Филиппова (с использованием материалов трех ревизий, «Известия праведного о расколе беспоповщины» Г. Яковлева и материалов доноса И. Круглого⁴). В указателе представлены просопографические сведения о лицах, упомянутых И. Филипповым, отмечены прежние места, откуда староверы переселились в Выговскую пустынь [8: 457–473]. Использование массовых источников XVIII века позволило исследователям охватить 60-летний период истории поселений на Выгу и уточнить происхождение и даты жизни многих выговских староверов. Однако нельзя считать

окончательно решенным вопрос о происхождении первых поселенцев Выговского общежития без привлечения переписей XVII века. В работе петрозаводской исследовательницы С. В. Воробьевой, посвященной родственным связям Гавриила и Никифора Семеновых, Луки Федорова, помимо ревизских сказок XVIII века используются писцовые материалы 1631, 1646, 1678 и 1707 годов [3: 15–19]. К сожалению, внимание было уделено только выходцам из Кижского погоста. В этой связи любопытно произвести более широкий сравнительный анализ содержащихся в «Истории Выговской пустыни» И. Филиппова сведений о всех первопоселенцах с данными переписных книг Олонецкого уезда 1678 и 1707 годов и I ревизии. При работе с переписной книгой 1678 года необходимо учитывать принцип компоновки материала. Книга разделена на две части: монастырские и частновладельческие земли и черные земли. В обеих частях повторяются описания одних и тех же погостов и волостей, если деревни, входящие в них, имеют различный статус: частновладельческий или государственный. Это обстоятельство затрудняет поиск конкретных лиц в материалах переписи. Переписная книга 1707 года разделена по административно-географическому принципу также на две части: Оштинскую и Шуйскую половины, внутри которых нет разделения на государственные и частновладельческие земли. Знакомство с исторической географией исследуемого региона существенно оптимизирует работу исследователя. Поэтому желательно обратить внимание и на географические вопросы заселения суземка: в какой последовательности происходило заселение территории, где находились поселения. Предполагается рассмотреть, каково социальное и этническое происхождение выговских первопоселенцев, откуда они пришли, какие места осваивали в первую очередь. Необходимо отметить, что за последние годы источниковая база изучения староверия значительно пополнилась. Е. М. Юхименко были введены в научный оборот новые документы, освещающие раннюю историю Выговского общежития [9: 190–209], [11: 165–175]. Комплексное использование староверческих исторических и литературных сочинений, документов официального делопроизводства, материалов переписей конца XVII и начала XVIII века, картографических материалов предоставляет возможность обратиться к обозначенным проблемам.

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ИХ ОБИТАТЕЛИ

История заселения староверами безлюдных лесных пространств между Выгозерским

и Челмужским погостами изложена в сочинении И. Филиппова «История Выговской пустыни». На основании тщательного источниковедческого анализа Е. М. Юхименко пришла к выводу, что этот источник, как и все сочинения, принадлежащие к выговской литературной школе, основанные на устных свидетельствах и личных наблюдениях, обладает исключительной надежностью и точностью изложения событий [10: 950]. «История Выговской пустыни» И. Филиппова неоднократно цитировалась и пересказывалась исследователями [7: 25–28]. Тем не менее представляется целесообразным, опираясь изначально на сведения И. Филиппова, а также привлекая другие староверческие сочинения и документы, введенные в научный оборот Е. М. Юхименко, выстроить хронологическую последовательность заселения бассейна реки Выг в конце XVII века и рассмотреть географические аспекты этого процесса.

Один из основателей Выговского поселения шунгский дьячок Даниил Викулов был вынужден бежать из родных мест в первой половине 80-х годов XVII века⁵. В Выго-Лексинском летописце есть указание, что Даниил пришел на Выг самым первым в 1684 году⁶. Возможно, имелось в виду, что он около года провел в пустынях дьякона Игнатия Соловецкого у Пурнозерских озер и на Сарозере⁷, откуда после гибели Игнатия бежал на беломорское побережье. Известно, что в 1686 году его тщетно разыскивали в Заонежских погостах сыщики из Духовного приказа новгородского митрополита⁸. По сведениям И. Филиппова, пять лет он скрывался в поморских пустынях: побывал у выходца из Соловецкого монастыря черного дьякона Пимина в Березовом Наволоке⁹, возможно, у Пафнутия Соловецкого, пользуясь поддержкой ковдских крестьян Мироновых [9: 200]. Если признать информацию И. Филиппова достоверной (пять лет), то Даниил вышел из Шунгского погоста не в 1684 году, как указал Выго-Лексинский летописец, а в 1682, год провел у Игнатия, и с 1683 по 1688 год скитался по берегам Белого моря.

По сообщению И. Филиппова, в ноябре 1688 года Харитон Мартынов послал Исакия Евфимова к морю за Даниилом Викуловым, вместе с которым они вернулись в Повенец. Оттуда с группой единомышленников они ушли на Сарозеро и поселились на острове в пустующей келье Игнатия Соловецкого. В начале октября 1691 года к ним пришли из Повенца Иван Белоутов, Яков Повенецкий и Петр Прокопьев. Во второй половине XVII века в Новгородском уезде были известны дворяне Белоутовы [2: 116]. В 1718 году

в Повенце отмечены посадские люди Белоутовы¹⁰. Возможно, у представителей дворянской фамилии Белоутовых была такая же судьба, как и у некоторых представителей княжеской фамилии Мышецких, их сословный статус изменился: они стали посадскими людьми. Житель Тагозерского скита Иван Михайлов Белоутов имел брата Герасима – посадского человека Повенецкого рядка, о котором говорил в своем доносе Иван Круглый¹¹. Упоминание И. Филипповым имени Якова Повенецкого рядом с Петром Прокопиевым вызывает в первую очередь ассоциацию с Яковом Евстафьевым Второго, одним из организаторов борьбы шунгских крестьян против приписки Шунгского погоста к Успенскому Тихвинскому монастырю [4: 238–240]. Яков Евстафьев приходился братом Дионисию Евстафьеву, отцу Андрея Денисова, и дедом Петру Прокопьеву. Но более подробные сведения о Якове, приведенные И. Филипповым в другой главе, что он провел жизнь в безбрачии, заставляют отказаться от возникшей ассоциации¹². Из-за опасения, что за беглецами будет погоня и преследователи обнаружат их убежище, сарозерцы оставили у себя только молодого Петра Прокопьева. Иван и Яков вынуждены были уйти на Выг к инокам Корнилию и Сергию¹³.

Иван Белоутов, видимо, недолго задержался у Корнилия и вернулся в Повенец. Оттуда он вместе с Андреем Денисовым в последних числах декабря 1691 года ушел в выговские леса. Весной 1692 года они поставили келью между Тагозером и Белым озером¹⁴. Когда Андрей Денисов ушел на речку Рязанку к Даниилу Викулову, Иван Белоутов построил себе келью на берегу Тагозера, рядом с ним стал жить карел Алексей Лаврентьев и другие ревнители старины, положив основание будущему Тагозерскому скиту¹⁵.

В декабре 1691 – январе 1692 года Даниилу Викулову с товарищами пришлось покинуть келью на острове Сарозера, чтобы тайно съездить в Шунгу. Там они узнали об аресте в Космозерском селе черного дьякона Питирима. После того как им удалось отбить у стрельцов пойманного старца, за ними была послана погоня. В то же время Даниил Викулов вывез из Устьерецкого завода свою сестру, ее мужа Леонтия Боталова и их детей. Спасаясь от погони, они заехали в Кумсогубу в Повенецком заливе Онежского озера и там прятались в охотничьих избушках. Весной 1692 года келья Игнатия на Сарозере была сожжена остававшимся там Харитоном Мартыновым, чтобы ввести в заблуждение гонителей, будто бы скрывавшиеся там люди сами сгорели¹⁶. Некоторое время Даниил и Харитон со спутника-

ми скрывались в лесу на реке Оле (современное название реки Вола), где они жили под открытым небом, согреваясь у костров. Этой же весной они заселили пустующие кельи на речке Рязанке, которые остались после Емельяна Повенецкого¹⁷. Вскоре к ним присоединился Андрей Денисов. На Рязанке, по сведениям, содержащимся в сочинении выговской литературной школы «Сказание о ревности и подвигах духовных о. Геннадия», одно лето жили Захарий Дровнин, Петр Кошелев и старец Геннадий. Потом Кошелев основал поселение, получившее название Боровский скит, а Захарий Дровнин перешел на реку Выг, где позднее образовалось Выговское общежительство¹⁸.

Так как число насельников постоянно увеличивалось, с Рязанки было решено перейти на другое место – рядом с небольшим озерком и построить новую, более просторную келью. Позже поселение стало называться «Старый завод»¹⁹, а озеро, рядом с которым оно было расположено, Старозаводским. В «Истории Выговской пустыни» И. Филипповым неоднократно ставился знак равенства между поселениями на Рязанке и на Старом заводе²⁰. Однако при сличении названных И. Филипповым гидронимов с современной картой и при визуальном осмотре местности выясняется, что Старозаводское озеро находится на удалении трех километров от верховьев реки Рязанки²¹. При этом неизвестно, где находилось поселение на Рязанке. Возможно, оно было недалеко от впадения ее в реку Сосновку, где был брод. Тогда расстояние между поселениями еще больше увеличивается. На наш взгляд, следует присоединиться к мнению Е. М. Юхименко, которая различала поселения на Рязанке и на Старом заводе [7: 27].

Первыми поселенцами на Рязанке и на Старом заводе были духовные дети дьякона Игнатия и спутники Даниила Викулова, которые вместе с ним странствовали по Северу и пришли в Выговский суземок: Прокопий Семенов Толвуйский, Трифон Пиминов Шуйский, кузнец Тимофей Корельский, Никифор Астраханец (инок Никола Русский)²². А также земляки Даниила – выходцы из Шунгского, Толвуйского и Кижского погостов. Из Шунгского погоста происходили Михаил Павлов Крохин, Харитон Мартынов, Максим Сергиев Бебенка и его сосед Исакий Евфимов Колпачок, Зотик и Иван Емельяновы Старцовы с отцом старцем Евфимием (постриженником Палеостровского монастыря). Выходцами из Толвуйского погоста были Иван Зиновьев и Тимофей Трифонов. Из Космозерского села Кижского погоста были Павел Лаврен-

тьев Крюков, Петр и Матвей Степановы и их брат Яков со своей семьей²³. Опираясь на материалы переписной книги 1678 года, можно установить некоторые новые подробности биографий перечисленных людей. Так, переписчики указали возраст, происхождение и состав семьи Прокопия Семенова:

«В Егорьевском Толвуйском погосте в вотчине Николая Чюдотворца Вязицкого монастыря на погосте дворы крестьянские и бобыльские... Во дворе вдова бобылка Фотеньица Гаврилова дочь Семеновская жена Андреева, у ней дети Прошка девяти лет, Гришка осми лет, Васка четырех лет, Никифорко дву лет»²⁴.

В деревне Шунгского погоста под названием «в Кипине губе Кузнецовская» зафиксирован «захребетник Мишка Павлов сын Крохин двунатцати лет»²⁵. Отсюда устанавливается социальное происхождение (крестьяне) и год рождения Прокопия Семенова – 1669 и Михаила Павлова – 1666. Выявляются место проживания и родственные связи Харитона Мартинова: в деревне Шунгского погоста под названием «в Юрьевичах Макарка Аксенова» в одном дворе записаны «Харка, Герасимко Мартиновы»²⁶. В деревне Шунгского погоста под названием «на Малом же озере Степашка Варилова» указаны две соседние крестьянские семьи, из которых вышли Максим Бебенка и Исакий Колпачок:

«Во дворе Сергушка Иванов, у него дети: Максимко трех лет, Гришка дву лет. Во дворе Назарко, Елфимко Федоровы. У Елфимка дети: Исачко десяти лет, Сенка четырех лет, Онисимко году. У Назарка сын Терешка. У Терешки дети: Ивашко четырех лет, Елисейко дву лет»²⁷.

Таким образом, Максим Сергиев Бебенка родился в 1675 году, а Исакий Евфимов Колпачок в 1668 году. В деревне Шунгского погоста под названием «на Каш озере Клишки Нестерова» отмечены в одном дворе:

«Во дворе Гаврилка Яковлев стар, у него племянники: Коземка, Амелка Денисовы. У Коземки дети: Кирилка шти лет, Юшко году. У Омелки сын Изотко дву лет»²⁸.

Из этой записи видно, что Зотик Емельянов родился в 1676 году и был старшим братом, а Иван, который в 1678 году еще не родился, младшим. На основании материалов переписи 1707 года устанавливается, что деревня позже стала называться «Кузнецовская» и располагалась на северной оконечности Хашозера. Кузьма и Емельян Денисовы носили фамилию Угарковы, а дети Емельяна стали прозываться Старцовы, вероятно, после того, как он принял постриг в Палеостровском монастыре²⁹. В переписной книге

1678 года содержится следующая информация о Тимофее Трифонове:

«Дер. на Кузаранде же на Могуеве наволоке Мартинка Лисицына, а в ней крестьян: Во дворе Евсейко Викулов. Во дворе Тархько Селиверстов Третьяков. Во дворе Савка Леонтьев. Во дворе Трифанко Селиверстов Третьяков, у него дети: Ивашко, Тимошка двунатцати лет, Евсейко шти лет»³⁰.

Устанавливается его фамилия – Третьяков и год рождения – 1666, что не совсем согласуется со сведениями И. Филиппова, по которым он был принят в поселение на Старом заводе в возрасте 30 лет, то есть в 1696 году. Но в 1696 году поселение уже находилось на Выгу. При этом И. Филиппов приблизительно указал его возраст к моменту смерти 27 декабря 1736 года – около 80 лет, что тоже не совсем верно. Сообщение И. Филиппова, что он прожил в общежительстве 44 года, дает другой год прихода его в поселение – 1692. Остается допустить, что И. Филиппов ошибся на четыре года, указывая его возраст (30 лет), когда он пришел на Старый завод³¹.

Любопытные подробности для реконструкции ранней истории Боровского или Тихвиноборского скита содержит обнаруженное и введенное в научный оборот Е. М. Юхименко неизвестное ранее староверческое сочинение «Сказание о чудесах Тихвиноборского образа Спаса». Почерк рукописи Сказания атрибутируется Е. М. Юхименко руке известного выговского писателя Василия Даниловича Шапошникова [7: 228]. В Сказании впервые сообщается о почитаемых на Выгу иконах и Боровской Преображенской часовне. На основании данных картографии, сведений из «Истории Выговской пустыни» И. Филиппова и «Сказания о чудесах Тихвиноборского образа Спаса» устанавливается, что поселение, получившее название «На Бору» или «Тихвиноборское», было основано в 1690-х годах на полуострове, огибаемом рекой Неменой. В этом месте река Немена образовала несколько озер, названия которых путали составители планов генерального межевания Повенецкого уезда 1780–1790-х годов: Плесо, Березовое, Сарво, Муно³². Применительно к современным гидронимам поселение находилось на западном берегу полуострова, который с запада огибает река Немена, а на северо-востоке омывает озеро Мукозеро, перетекающее в озеро Бурковское³³. Основателем поселения был, как первоначально считалось, уроженец города Тихвина Петр Ануфриев Кошелев [7: 228]. Однако в связи с открытием новых документов мнение о происхождении Петра Кошелева из Тихвина изменилось. В обнаруженном и введенном в научный

оборот Е. М. Юхименко деле о ловцах жемчуга из фонда Преображенского приказа РГАДА³⁴ содержатся показания сына Петра Ануфриева Венедикта, в которых он назвал отца уроженцем деревни Петровской Толвуйского погоста [5: 133]. Данные переписной книги Олонецкого уезда 1678 года тоже указывают на происхождение П. А. Кошелева из Толвуйского погоста. В вотчине Никольского Вяжицкого монастыря в деревне «в Заручье Микитинская, а Ольгинская и Суслова тож» переписчиками была зафиксирована семья Кошелевых: «Во дворе Андрюшка, Петрушка Ануфриевы, у них брат Васка двунатцати лет...»³⁵. Деревня Петровская, на которую указал сын Петра Венедикт на допросе в 1738 году, находилась в Кузарандской волости на расстоянии трех километров от деревни Заручье = Заречье [1: 28, 40]. Вероятно, у Петра была еще сестра, выданная замуж за крестьянина того же погоста деревни Югмацкой³⁶ Якова Логинова. Ее дочь Марья Яковлева была взята в Боровский скит дядей Петром в 1731 году³⁷. Петр Ануфриев Кошелев, по утверждению инок Евфросина, автора направленного против самосожжений трактата «Отразительное писание о самоубийственных смертях», был ближайшим помощником Емельяна Повенецкого, активно проявившим себя при обороне монастыря от стрельцов, но избежавшим смерти при пожаре. Евфросин, презрительно отзывавшийся о своих идеологических противниках, назвал Петра Лындой, вероятно, подразумевая его скитальческую жизнь³⁸. П. А. Кошелев обосновался на полуострове вместе с женой Степанидой, сыном Венедиктом, дочерью Федосьей [7: 228]. Недалеко от поселения Петра Ануфриева (на полпути к Старому заводу) для инокa Геннадия Даниилом Викуловым была поставлена келья. Незадолго до смерти (за три месяца и 21 день) инок Геннадий переселился к Петру Ануфриеву в Боровский скит и умер в декабре 1696 года³⁹. В Тихвиноборском поселении в первые годы жили в отдельных кельях некая старица Марфа, вдова Мария и другие «постницы»⁴⁰. Значительное число первопоселенцев, как установила Е. М. Юхименко, составили выходцы из Тихвина: Иосиф Григорьев (отец будущего выговского стряпчего Стахия Осипова), Данила Иванов (отец писателя Василия Шапошникова), Иван Давыдов (будущий скитский староста) и др. [7: 229]. В Тихвиноборском скиту была построена часовня во имя Преображения Господня в трех саженях от кельи Петра Ануфриева. О времени построения Преображенской часовни нет достоверных сведений. Существование часовни в конце XVII века предпо-

ложительно. Первое датированное упоминание о ней относится к 1709 году. В часовне находился почитаемый во всей округе образ Всемиловитого Спаса. В 1719 году на расстоянии версты от Преображенской часовни была поставлена часовня в честь иконы Божией Матери Тихвинской [7: 229–234].

По сведениям, зафиксированным И. Филипповым в «Истории Выговской пустыни», на реке Лексе на расстоянии полутора километров от кельи старца Серапиона поселился выходец из Сумского посада Иван Дмитриев с сестрой и матерью, принявшими иноческий чин. Рядом поставил избу поморец Зайцов. Поблизости от Сергиева скита жил выходец с так называемой морской дороги (возможно, сосед инокa Сергия) некий крестьянин Кузьма с детьми. На основании записи в переписной книге 1707 года об одном крестьянине из деревни «Рева ж Наволок» можно выдвинуть предположение о происхождении Кузьмы из Выгозерского погоста: «Двор и участок впусе крестьянина Козьмы Федотова, а он Козьма шел в раскол тому двенатцать годов»⁴¹. Деревня Рев Наволок находилась недалеко от деревни Койкиницы, из которой происходил инок Сергей. Выше по реке Выг за Сергиевым скитом на бору обустроился поморец Лука Филатов со своей семьей. Недалеко от Филатова при впадении в Выг речки Ковжи поселились старец Досифей с сыном Павлом и с ними Архип Аврамов. Еще выше по Выгу на расстоянии двух километров от поселения Филатова, вероятно, на месте будущего скита Корельский Бор, построили себе избу карелы братья Михаил и Семен Кириковы. Еще через километр на берегу Выга устроил себе жилище поморец из села Шижня Анисим со своими детьми. В среднем течении реки Выг на месте Шелтопорожского скита обосновались в нескольких кельях уроженцы Космозерской волости братья Крюковы, старец Леванид с семьей, Гавриил Ефремов и др. У Волозера на Наволоке построил избу Дмитрий Большой Нос. На Палосельге⁴² стали жить в кельях карел Матфей, уроженцы Шунгского погоста Герасимовы и др. В Верховских лесах у Тамбичезера жили поморцы Шелеховы и некий Калистрат, у Тервозера – Афанасий Козловский, у Кодозера – Артемьевы, Иоанн Внифантьев и др. При допросе выговцев в 1739 году И. Внифантьев показал о себе, что ему 76 лет, он родом из деревни Пяльма Пудожгорской волости Олонецкого уезда⁴³. Поселение у Кодозера возглавил постриженник инокa Корнилия старец Варлаам (в миру каргопольский посадский человек Василий Иванович Быков)⁴⁴.

На месте будущего Выгорецкого общежития первым поселенцем был выходец из Толвуйского погоста крестьянин Захарий Стефанов Дровнин. Он участвовал в захвате Палеостровского монастыря вместе с иноком Германом и Емельяном Повенецким. Накануне второй Палеостровской гари Захарий бежал из монастыря в свое родное село. Из села, забрав мать и трех сестер, он ушел на лыжах на реку Выг. Беглецы укрылись в пустующей келье Кирилла Сунского, где прожили около года. Из кельи Кирилла они перешли на левый берег Выга в поставленную неизвестно кем пустую келью (позднее здесь была построена монастырская мельница). Поселенцы сразу стали осваивать земельный участок на обоих берегах реки:

«...начаша пашни пахати, огни спущати, по край Выга, и начаша лесы горети и клеины клеяти; понеже быша лета сухие, и начаша хлеб сеяти, мотыкою копаша и питахуся с нуждею»⁴⁵.

Захарий при сеянии смешивал жито и рожь (1/5 часть) и получил в первое лето урожай жита, а на другой год урожай ржи. Благодаря удачным хлебобродным годам, собирая по сам-3 или сам-4 урожая, он сумел образовать хлебный запас, что позволило принимать к себе новых жителей. Недалеко от кельи Дровниных поставил себе избу выходец из Нигижмы Артемий с семьей. На основании данных переписной книги 1678 года можно предположить, что это уроженец «деревни в Нигижме Игнатовская Самочерная тож» Артемий Петров⁴⁶. Захарий стал звать на Выг Даниила Викулова и Андрея Денисова, объясняя, что место очень удобно для хлебопашества и река изобилует рыбой. Те послали для осмотра и подготовки места 12 человек, которые произвели посев жита, ржи, репы и заготовили немного сена⁴⁷.

ОСНОВАНИЕ МОНАСТЫРЯ

Осенью 1694 года на Старом заводе случился пожар, погибли все строения и запасы хлеба. Руководители поселения Даниил Викулов и Андрей Денисов, посоветовавшись с братией, решили переселиться на реку Выг к Захарию Дровнину, где было основано Выговское общежитие. Крестьяне, приходившие в новое староверческое поселение, воспринимали его как монастырь, о чем часто упоминал И. Филиппов в главах, содержащих информацию о происхождении некоторых первых жителей поселения на Выгу.

Из Толвуйского погоста вышли два крестьянина, принявших в числе первых постриг от инок Корнилия в новооснованном старовер-

ческом монастыре: Гавриил Куриков и Симеон. Они вскоре умерли и были погребены на горке⁴⁸.

Из Толвуйского погоста были Иван Германов, участвовавший в поездках за хлебом в поволжские города, Григорий Иванов, пришедший с женой и детьми, Федор и Козма Львовы по прозвищу Соседи из Кузарандской волости⁴⁹. Их землячками были старица Анна – мать старца Павла, слепая девица Мария и некая жена Мавра, жившая в челядне⁵⁰.

Из Шунгского погоста пришли в монастырь старицы Евфимия Соловарова, Феодотия, Ироида, Гавдела⁵¹, а также Ермолай Амосов, принявший на себя подвиг юродства⁵². Из переписной книги 1678 года известно, что отец Ермолая Амосова Амос Юрьев сын Серебряник проживал в деревне под названием «на Шунге озере Ивана Ларионова а Фомино тож» в одном дворе со своими детьми Трофимом, Ермолаем и четырехлетним Терентием⁵³. Родственница Старцовых Васса Угаркова (вероятно, двоюродная сестра), удостоившаяся видения умершего Петра Прокопьева, также была из Шунгского погоста, из деревни Хашезера⁵⁴.

Одними из первых пришли в Выговский монастырь сумляне – уроженцы вотчины Соловецкого монастыря. Стефан Васильев Смольников из-за преследований бежал из Сумского острога в 1698 года, занимался рыболовством и снабжал монастырь рыбой. Из деревни Лапиной Сумской волости вышли Кирилл Емельянов с женой, детьми и братом Иваном, который с первых лет стал работать на Пурнозерском заводе⁵⁵.

Выходец из Архангельска иконописец Афанасий Леонтьев у себя на родине вынужден был скрываться от гонений. Он бежал в тайные поселения, находившиеся, по всей вероятности, на Керженце, и там познакомился с посланцами из Выговского общежития. С ними он переехал на Выг, где стал писать иконы⁵⁶.

Из Москвы в 1698 года пришел посадский человек по имени Филарет, принявший через шесть лет постриг от старца Прокопия «нижегородца» с именем Феодосия. Позже он вывез из Москвы мать, которая вскоре умерла и была погребена на горке⁵⁷.

В обнаруженном и введенном в научный оборот Е. М. Юхименко важнейшем документе по истории раннего Выга – «извете» Мартемьяна Ивантеева от 1699 года содержится описание Выговского монастыря, сделанное очевидцем:

«А от вышеписанного пристанища от Пихматки до того их воровского большого стану до верхнего Выгу по смете разстоянием верст шездесят. А в том их воровском стану их, расколников, у Данилки Викулова

с товарищи построена часовня с трапезою самая большая и четырнадцать келей больших же, а людей в скопе в том месте церковных расколников из розных городов мужска и женска полу и чернцов и черниц человек з две тысячи. А над ними над всеми их воровские начальники вышеписанной бывшей Шунского погоста церковной дьячок Данилко Викулов да с Повенца Дениско Второго с сыном своим Андриюшкою да Петрушко Прокопьев Второго ж, ево, Денисков, племянник... И ездят со всякими торгами к городу Архангельскому и в Весь Ехонскую и к Москве и в иные города, а называются чужими именами и становятся в городе и в волостях у своих знакомцов, и живут на промыслу на море и в Колском острожку на зимовье и всякие звери добывают...» [9: 197–198, 200].

Данное описание характеризует поселение на Выгу спустя четыре года после его основания (изветчик побывал там в 1698 году). Мартемьян Ивантеев впервые перечислил ранние выговские строения и указал численность жителей общежительства. Он определил расстояние от Выговского монастыря до пристани Пигматки на Онежском озере в 60 верст, что близко к действительности (56 км). Мартемьян Ивантеев назвал по именам первых выговских руководителей, обратил внимание на устоявшиеся связи староверов с другими областями России. По мнению Е. М. Юхименко, в конце XVII века Выговское общежительство уже являлось сложившимся религиозным и экономическим центром беспоповцев для всего Поморья, что делало его привлекательным для староверов из различных регионов страны [7: 34–38].

Насколько активно староверы переселялись на Выг из центральных и других отдаленных уездов в конце XVII – начале XVIII века, можно проследить по данным переписей и ревизий. В процессе проведения подушной переписи в Олонецком уезде в 1720 году наряду с государственными крестьянами были переписаны и староверы на основе составленных ими сказок⁵⁸. Результаты государственной переписи в масштабах страны оказались настолько неудовлетворительными, что правительство решило провести ревизию поданных сказок. В Олонецком уезде на Выгу ревизионные мероприятия проводил подполковник Петр Неплюев в 1723 году⁵⁹. В материалах ревизии 1723 года фиксировались сведения о происхождении людей, не попавших в первоначально поданные сказки. Благодаря этому исследователи имеют возможность определить социальный состав первых выговских поселенцев. Сохранилась информация, к сожалению, не о всех, а только о 60 жителях мужского пола Выговского и Лексинского общежительств и о 95 жителях скитов (155 человек), что составляет около 2/3 от общего числа выявлен-

ных во время ревизии «прописных» староверов. В Выгорецком общежительстве и на Лексе отмечены выходцы из Олонецкого уезда и Лопских погостов – 25 человек, Новгородского уезда – 8, Соловецкой вотчины – 6, Двинского уезда – 4, Москвы – 4, Каргопольского уезда – 3, Владимирского уезда – 3, Вологодского уезда – 2, Кольского острога – 1, Важского уезда – 1, Романова – 1, Кексгольмского уезда – 1, Ростова – 1⁶⁰. Жители скитов происходили из Олонецкого уезда и Лопских погостов – 73 человека, Новгородского уезда – 7, Соловецкой вотчины – 3, Устюжского уезда – 3, Москвы – 3, Яропольца (Владимирского уезда) – 2, Кольского острога – 1, Белозерского уезда – 1, Ярославского уезда – 1, Костромского уезда – 1⁶¹. Если объединить сведения о Выгорецком общежительстве и скитах, то получается, что из Олонецкого уезда и Лопских погостов происходили 98 человек, Новгородского уезда – 15, Соловецкой вотчины – 9, Москвы – 7, Владимирского уезда – 5, Двинского уезда – 4, Каргопольского уезда – 3, Устюжского уезда – 3, Кольского острога – 2, Вологодского уезда – 2, Важского, Белозерского, Костромского, Ярославского, Кексгольмского уездов, Ростова и Романова – по 1.

Большинство мужского населения на Выгу, на Лексе и в скитах Выговского суземка происходило из ближайших обитаемых волостей Олонецкого уезда и Лопских погостов – 63,2 %. Еще 16 % были выходцами из прилегающих к ним областей – Новгородского уезда и Соловецкой вотчины.

Сведения о выявленных во время Первой ревизии 155 «прописных» староверах содержат информацию о социальном происхождении каждого из них. В Выгорецком общежительстве и на Лексе жили 45 крестьян и 15 посадских людей, в скитах – 69 крестьян, 10 посадских людей и 3 купца⁶². В целом социальное происхождение 127 выговских поселенцев (82 %) было крестьянское, 25 человек (16 %) вышли из посадских людей, 3 человека (2 %) были купцами.

ВЫВОДЫ

Заселение Выговского суземка происходило последовательно с запада от побережья Онежского озера на восток в сторону реки Выг. Сначала заселялись окрестности Сарозера и Верхнего Волозера, затем берега реки Рязанки и, наконец, были заселены берега Выга. Произведенное исследование подтверждает вывод, сделанный М. Л. Соколовской, что крестьяне составляли большинство во всех рассмотренных выговских поселениях [6: 272]. Как правило, это были выходцы из окрестных мест (Олонецкий уезд и Лопские погосты). Присутствие в староверческих убежищах Вы-

горееции представителей других сословий и выходцев из других регионов России имело место, но несопоставимо реже. В выговских поселениях в первые годы их существования присутствовали дворяне и посадские люди, выходцы из Москвы, Новгорода, Тихвина, Старой Руссы, Колы, Архангельска, городов Поволжья и других мест. Однако эти примеры растворялись в крестьянской массе Олонецкого уезда, на территории которого основывались поселения. Несмотря на известность и авторитет в староверческой среде

Выгорецкого общежития, приток в него выходцев из отдаленных регионов был незначительным. Особенностью первых староверческих поселений Выговского суземка следует считать полиэтнический состав поселенцев: русские и карелы. Привлечение в качестве источников по ранней истории Выговского общежития материалов переписей 1678 и 1707 годов дает возможность установить новые биографические данные выговских первопоселенцев, что доказывает перспективность этого метода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аристов Н. Я. Устройство раскольничьих общин // Библиотека для чтения. СПб., 1863. № 7. С. 1–32.
- ² Там же. С. 6.
- ³ Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1909. С. 8, 14, 18–22.
- ⁴ Имеются в виду следующие публикации: [Яковлев Григорий]. Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе беспоповщины (С приложением «карты Суземка раскольнического» и «Летописца Выговского»). М., 1888. 169 с.; Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. СПб., 1861–1863. Т. 1. 657 с.
- ⁵ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филипова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выговских мужского и женского общежития монастырей. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1862. С. 36–37, 255.
- ⁶ Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. С. 62.
- ⁷ Там же. С. 51.
- ⁸ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: Тип. В. В. Пратца, 1872. Т. 12. С. 310.
- ⁹ Филиппов И. Указ. соч. С. 34, 255.
- ¹⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 158 (Приказные дела новых лет). Оп. 2. 1718. Д. 90. Л. 57 об. (далее – РГАДА).
- ¹¹ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. СПб., 1861. С. 491.
- ¹² Филиппов И. Указ. соч. С. 290–291.
- ¹³ Там же. С. 95–96.
- ¹⁴ Название «Белое» широко распространено для озер Заонежья. В данном случае речь идет о совсем маленьком озере, которое находится западнее Тагозера на расстоянии 300 м.
- ¹⁵ Филиппов И. Указ. соч. С. 99, 122.
- ¹⁶ Там же. С. 96–98.
- ¹⁷ Там же. С. 98.
- ¹⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 199 (Собрание Никифорова). № 587. Л. 7 (далее – ОР РГБ).
- ¹⁹ По сообщению И. Филиппова, поселение «Старый завод» находилось на расстоянии пяти поприщ от Боровского скита. См.: Филиппов И. Указ. соч. С. 100.
- ²⁰ Там же. С. 305, 319, 323.
- ²¹ Карелия. Центральная часть. Атлас. М., 2005. Л. 119–120.
- ²² Филиппов И. Указ. соч. С. 286–288.
- ²³ Там же. С. 289, 295–296, 320.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 100–100 об.
- ²⁵ Там же. Л. 72–72 об.
- ²⁶ Там же. Л. 66.
- ²⁷ Там же. Л. 83.
- ²⁸ Там же. Л. 79 об.–80.
- ²⁹ Там же. Д. 8579. Л. 195; Филиппов И. Указ. соч. С. 289, 305, 319.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 308.
- ³¹ Филиппов И. Указ. соч. С. 293–294.
- ³² Планы Повенецкого уезда. 1788 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kartograf.ru/index/oloneckaja/0-143> (дата обращения 15.10.2015).

- ³³ Карелия. Центральная часть... Л. 119.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 7 (Преображенский приказ). Оп. 1. Д. 561.
- ³⁵ Там же. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 105.
- ³⁶ Деревня Югмацкая может быть ассоциирована с деревней Юмачева = Емачева = Нефедова, которая находилась недалеко от деревни Заручье = Заречье [1: 40].
- ³⁷ РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 232.
- ³⁸ Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года / Сообщение Хрисанфа Лопарева. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. С. 31.
- ³⁹ ОР РГБ. Ф. 199 (Собрание Никифорова). № 587. Л. 8–9.
- ⁴⁰ Там же. Л. 10 об.; Филиппов И. Указ. соч. С. 121.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 8579. Л. 240 об.
- ⁴² На восточном побережье озера Верхнее Волозеро расположен мыс Наволок и рядом с ним через небольшой залив урочище Палосельга.
- ⁴³ Государственный архив Новгородской области. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 433. Л. 64.
- ⁴⁴ Филиппов И. Указ. соч. С. 121–122, 126.
- ⁴⁵ Там же. С. 306–307.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 41.
- ⁴⁷ Филиппов И. Указ. соч. С. 101–104.
- ⁴⁸ Там же. С. 286.
- ⁴⁹ Там же. С. 288, 291, 302.
- ⁵⁰ Там же. С. 359–360, 366.
- ⁵¹ Там же. С. 358, 361–363.
- ⁵² Там же. С. 296–297.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 62.
- ⁵⁴ Филиппов И. Указ. соч. С. 160–165, 352.
- ⁵⁵ Там же. С. 317–319.
- ⁵⁶ Там же. С. 322.
- ⁵⁷ Там же. С. 335–337.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2359. Л. 884–892 об.
- ⁵⁹ Там же. Д. 2373. Л. 1–45 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 10–15.
- ⁶¹ Там же. Л. 15–32 об.
- ⁶² Там же. Л. 10–32 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1974. 191 с.
2. Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение. От «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 200 с.
3. Воробьева С. В. Кижские крестьяне – первоначальники Выгореции // Рябининские чтения – 2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 15–19.
4. Мюллер Р. Б. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем // Исторические записки. М., 1953. Т. 43. С. 238–244.
5. Смилянская Е. Б., Юхименко Е. М. Искатели жемчуга, или Новые материалы о распространении старообрядческих взглядов в Поморье в 30-х гг. XVIII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. трудов. М., 2004. Вып. 3. С. 123–137.
6. Соколовская М. Л. Крестьянский мир как основа формирования Выговского общежития // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. М. Юхименко. М., 1999. С. 269–279.
7. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.
8. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. 480 с.
9. Юхименко Е. М. Изветные челобитные на выговских старообрядцев 1699 г. // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): Сб. науч. тр. М., 1994. Вып. 1. С. 190–209.
10. Юхименко Е. М. «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова: нерешенные проблемы // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ) Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2007. Т. 58. С. 940–954.
11. Юхименко Е. М. Первые официальные известия о поселении старообрядцев в Выговской пустыни // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): Сб. науч. трудов. М., 1994. Вып. 1. С. 163–175.

Поступила в редакцию 14.02.2022; принята к публикации 22.04.2022

Original article

Alexander N. Staritsyn, Chief Bibliographer, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
profitens@yandex.ru

SETTLEMENT OF THE VYG'S SUZEMOK BY OLD BELIEVERS

Abstract. The purpose of the article is to study the socio-geographical issues of the early Old Belief using an integrated approach to sources. The origin of the Old Believers – the first settlers of uninhabited lands on the border of two pogosts of the Olonets Uyezd is considered. Over time, there was a gradual process of settlement of the Vyg River basin from west to east, depending on the number of fugitives and the availability of ready housing. The settlements were large (monastery) and small (hermitages). The censuses of 1678 and 1707 were used as sources on the history of the early Old Believers. A comparative analysis of the seventeenth-century census data and the first revision with the data from the Old Believers' sources was made. New biographical data on some of the first Vyg settlers were obtained. The results of the study confirmed the conclusion made by M. L. Sokolovskaya that the overwhelming number of settlers came from the Olonets Uyezd pogosts, on the territory of which the settlements were founded. The social composition of the settlers (their peasant background) corresponds to the social composition of the inhabited village districts surrounding the unpopulated forest areas (suzemok).

Keywords: Old Believers, settlements of Old Believers, Russian North, social composition of residents, Old Believers' monastery

Acknowledgements. The article was written as part of the project "Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia" under the Russian Foundation for Basic Research grant "Peter's epoch in the history of Russia: contemporary scholarly view" for 2020–2022 (project No 20-09-42034).

For citation: Staritsyn, A. N. Settlement of the Vyg's suzemok by Old Believers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):59–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.768

REFERENCES

1. Vitov, M. V., Vlasova, I. V. Geography of the rural settlement of Western Pomorye in the XVI–XVIII centuries. Moscow, 1974. 191 p. (In Russ.)
2. Vorobyov, V. M., Degtyaryov, A. Ya. Russian feudal land ownership. From the "Time of Troubles" to the eve of Peter the Great's reforms. Leningrad, 1986. 200 p. (In Russ.)
3. Vorobyova, S. V. Kizhi peasants – the first settlers of Vygorietia. *Ryabinin Readings – 2007: Proceedings of the V Research Conference on the Folk Culture of the Russian North*. Petrozavodsk, 2007. P. 15–19. (In Russ.)
4. Muller, R. B. The struggle of the Shunga Pogost peasants against the Tikhvin Monastery. *Historical notes*. Moscow, 1953. Vol. 43. P. 238–244. (In Russ.)
5. Smilyanskaya, E. B., Yukhimenko, E. M. Pearl seekers, or new materials on the spread of the Old Believers' views in Pomorye in the 1730s. *Old Believers in Russia (XVII–XX centuries): Collection of research papers*. Moscow, 2004. Issue 3. P. 123–137. (In Russ.)
6. Sokolovskaya, M. L. The peasant world as the basis for the formation of the Vyg Community. *Old Believers in Russia (XVII–XX centuries): Collection of research papers*. Moscow, 1999. P. 269–279. (In Russ.)
7. Yukhimenko, E. M. The Vyg Old Believers' Hermitage: Spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. I. 544 p. (In Russ.)
8. Yukhimenko, E. M. The Vyg Old Believers' Hermitage: Spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
9. Yukhimenko, E. M. Denunciations against the Vyg Old Believers in 1699. *Old Believers in Russia (XVII–XVIII centuries): Collection of research papers*. Moscow, 1994. Issue 1. P. 190–209. (In Russ.)
10. Yukhimenko, E. M. "The History of the Vyg Hermitage" by Ivan Filippov: Unsolved problems. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg, 2007. Vol. 58. P. 940–954. (In Russ.)
11. Yukhimenko, E. M. The first official news about the settlement of the Old Believers in the Vyg Hermitage. *Old Believers in Russia (XVII–XVIII centuries): Collection of research papers*. Moscow, 1994. Issue 1. P. 163–175. (In Russ.)

Received: 14 February, 2022; accepted: 22 April, 2022

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

КИТАЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

А н н о т а ц и я . В статье впервые комплексно рассматривается роль Петра Великого в формировании китайского направления российской внешней политики в начале XVIII века. Вклад Петра в этот процесс поистине неограничен. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского геополитического и социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи. В этот период, благодаря усилиям Петра, стала активно развиваться русско-китайская торговля. Появление в Пекине Российской Духовной миссии положило начало духовным, научным и культурным связям между двумя странами. Политика Петра Великого в отношении Китая в целом была направлена на поддержание мира и добрососедства между двумя странами и спокойствия на российско-китайской границе. Актуальность данной темы в настоящее время обусловлена устойчивым поворотом внешней политики России на Восток и необходимостью более глубокого изучения истории российско-китайских отношений.

Ключевые слова: Петр Великий, внешняя политика, российско-китайские отношения, империя Цин, Канси, Джунгарское ханство

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769

ВВЕДЕНИЕ

В результате реформ Петра Великого в начале XVIII века в России произошли кардинальные перемены, не только повлиявшие на ее внутреннюю эволюцию, но и отразившиеся на геополитическом положении. Россия сделала резкий рывок вперед в своем экономическом и социокультурном развитии и буквально на глазах превратилась в великую державу, обладавшую современной армией и военно-морским флотом. В Петровскую эпоху активизировались торговые связи с зарубежными странами, что способствовало увеличению роли внешней торговли в экономике государства.

Петровская Россия вела активную внешнюю политику, и, хотя в первой четверти XVIII века основное внимание было сосредоточено на европейских делах, включая в первую очередь борьбу за выход к Балтийскому морю, Петр I в то же время расширял связи России со странами Востока, включая Китай. Внешняя политика стала многовекторной, и Российская империя, окончательно

превратившись в евразийскую державу, вошла как в европейскую, так и в азиатскую системы международных отношений, что повлекло за собой серьезные перемены во внешнеполитической практике. Для европейской дипломатической традиции была характерна горизонтальная структура межгосударственных связей, основанная на представлениях о равноправии суверенных правителей, в то время как на востоке Азии доминировала вертикальная модель отношений, базировавшаяся на восходивших к конфуцианскому учению иерархических представлениях и китаецентристской парадигме миропорядка. Все это привело к тому, что отношения России с империей Цин стали представлять собой смешанный тип международных отношений, и России пришлось долгое время бороться за дипломатическое равноправие.

Академик В. С. Мясников отмечал, что «азиатская политика России – это особый феномен, достойный отдельного изучения», при этом «речь идет не столько об устремлениях России

в Азии... сколько о методах реализации ее политики» [6, т. 3: 13]. С освоением Сибири Россия еще в XVII веке стала превращаться в евразийское государство, постепенно вписываясь в геополитическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона, однако только благодаря политике Петра Великого этот процесс приобрел заверченный характер. Анализируя сложившуюся в то время геополитическую и геоидеологическую ситуацию, В. С. Мясников пишет:

«Петровские реформы позволили России обрести над странами Востока заметное превосходство в комплексной мощи государства. Тем не менее в глазах Европы Россия оставалась форпостом Востока, а в Азии ее считали авангардом Запада» [6, т. 7: 53].

Европейские монархи того времени, хотя и поддерживали активные связи с Россией, все же не считали ее в полном смысле слова европейской страной.

Учитывая сложность внешнеполитического контекста, Петр I осознал, что только кардинальное изменение геостратегических приоритетов может предопределить превращение России в сильную державу. Именно в Петровскую эпоху отчетливо проявилось стремление российской внешней политики построить «некую интеграционную модель связей с Востоком» [6, т. 7: 54].

К началу царствования Петра I Россия на всем протяжении своей сибирской и дальневосточной границы вошла в соприкосновение с Цинской империей, что предопределило интерес петровского правительства и сибирской администрации к развитию российско-китайских связей. Результатом внешнеполитической деятельности Петра Великого стало качественное изменение характера и содержания этих отношений, наступил длительный период мирного сосуществования двух соседних империй. Начало Петровской эпохи в истории нашей страны совпало с подписанием русско-китайского Нерчинского договора 1689 года, а завершились начатые при Петре дипломатические контакты с Цинской империей подписанием Кяхтинского трактата в 1727 году, уже после кончины императора.

НЕРЧИНСКИЙ ДОГОВОР

Начало царствования Петра I связано с установлением договорно-правовых отношений между Россией и Китаем. 27 августа (6 сентября) 1689 года в Нерчинске между Русским государством и Цинской империей был заключен договор, определивший линию разграничения между двумя государствами и установивший торговые отношения. Это произошло как раз в те дни, ког-

да обострилось противостояние между молодым царем Петром и царевной Софьей Алексеевной, завершившееся полной победой Петра I. И хотя условия этого договора были весьма невыгодны для русской стороны, поскольку России пришлось пойти на существенные территориальные уступки, историческое значение данного документа может быть в полной мере оценено лишь с учетом долгосрочной исторической перспективы. Нерчинский договор, долгое время рассматривавшийся в научной литературе лишь с дипломатической и юридической точек зрения, представлял собой образец компромисса двух цивилизационных систем [8].

С русской стороны договор подписал глава делегации – боярин Федор Алексеевич Головин, проявивший в ходе переговоров недюжинный дипломатический талант и сумевший свести к минимуму территориальные потери Русского государства. В дальнейшем он стал одним из ближайших сподвижников Петра I, занимаясь в том числе вопросами внешней политики. И без того непростая миссия Ф. А. Головина была осложнена внутривластной борьбой, происходившей в то время в Москве, и активным вмешательством ближайших сторонников царевны Софьи во внешнеполитические вопросы. Современные отечественные историки доказали причастность главы Стрелецкого приказа Ф. Л. Шакловитого к выработке (в обход Посольского приказа) новых инструкций Ф. А. Головину, предусматривавших уступки цинской стороне, вызванные сиюминутными соображениями и конъюнктурными интересами [5: 226–227].

Таким образом, Нерчинский договор явился для Петра данностью – наследием внешнеполитической деятельности прежнего правительства, и в целях поддержания мира на Дальнем Востоке царь должен был его соблюдать. Значение документа, оформившего договорные отношения с Китаем, заключалось в том, что в условиях прекращения конфронтации двух государств ничто более не препятствовало хозяйственному освоению не только Сибири, но и российской части Дальнего Востока. Лишившись на определенное время приамурских земель, Россия продолжила развиваться как азиатская и тихоокеанская держава. После подписания этого договора между Россией и Китаем установились регулярные торговые отношения. Но самое главное: Нерчинский договор почти на 200 лет обеспечил мир на Дальнем Востоке и заложил основы системы региональной безопасности. В тексте Нерчинского договора было сказано: «А войны и кровопролития с обеих сторон... не всчинать»¹,

и это означало, что любые конфликты и недоразумения должны были разрешаться исключительно путем переговоров. Благодаря этому на российско-китайской границе вплоть до конца XIX века не было серьезных конфликтов, все спорные вопросы решались переговорным путем. Эти факты можно считать главным результатом компромисса, достигнутого в 1689 году в Нерчинске.

Следует особо отметить, что в царствование Петра I действия русского правительства и сибирской администрации были направлены на неукоснительное исполнение всех статей Нерчинского договора, и сам царь неоднократно высказывался о необходимости его строгого соблюдения. 11 февраля 1706 года в целях недопущения конфликтных ситуаций Петр I подписал указ о запрещении русским подданным нарушать договор и переходить границу Цинской империи:

«Указали мы, великий государь, учинить заказ, чтоб за китайской рубеж за границу по договорным статьям русские люди с стороны нашего царского величества ни для какова промыслу отнюдь не ходили и от того договорным статьям нарушения, и с Китайским государством ссор не чинили... А буде хто за китайской рубеж для какого промыслу пойдет, а про то нам, великому государю, будет донесено, и тем людям, хто за китайским рубежем явитца, и за недосмотр того вам и прикащиком учинена будет смертная казнь без всякого отлагательства»².

В тексте Нерчинского договора говорилось о том, что подданным обоих государств разрешалось свободно вести торговлю:

«Каким-либо не есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно да повелено будет»³ [14: 10].

Основными центрами российско-китайской торговли стали Нерчинск и Селенгинск, а позднее – Кяхта, развивалась караванная торговля.

ПОСОЛЬСТВО ИЗБРАНТА ИДЕСА И АДАМА БРАНДА

В 1692 году по инициативе Петра I, чтобы избежать лишних дипломатических коллизий, в Посольском приказе было принято решение направить в Китай полуофициальную миссию. Выбор пал на находившихся в России голштинца Эверта Избранта Идеса и любекского купца Адама Бранда, заинтересованных в торговле с Китаем и рекомендованных Ф. Лефортом.

Важнейшей задачей данной миссии стало заверение цинского правительства в том, что Рос-

сия намерена строго выполнять Нерчинский договор, а также выяснение отношения императора Канси и его окружения к данному договору и их готовности к его соблюдению. Избрант Идес во время пребывания в Пекине, согласно данным ему указаниям, «проведывал о договоре вечного миру, что как богдыхан принял мир и будет ли его держать нерушимо»⁴ и нет ли с цинской стороны стремления нарушить Нерчинский договор. Второй вопрос, который предстояло выяснить Идесу, касался перспектив развития русско-китайской торговли. Ему следовало узнать, нет ли у цинской администрации планов направить в русские земли «купчин» и товары, а также не хочет ли император «послов и посланников своих... к великим государям» отправить⁵. С целью создания условий для расширения двусторонней торговли Идес и Бранд во время поездки и пребывания в Пекине должны были всячески расхваливать (по сути рекламировать) русские товары, которых нет в Китае и сопредельных странах, что они и делали.

Поскольку в Москве считали, что необходимо всячески поддерживать спокойствие и мир на русско-китайской границе, Идесу было предписано собрать информацию о состоянии дел в пограничных районах и составить подробный чертеж приграничных территорий, занимаясь этим делом достаточно скрытно, а после «написать в статейном списке о том самую правду, не прибавляя и не убавляя ничего» [6, т. 3: 169].

Благодаря установленным связям с иезуитами, прежде всего с французским миссионером Жербийоном, выполнявшим у императора Канси обязанности переводчика, Идесу удалось узнать в Пекине о том, что цинский двор и сам император Канси воспринимают Нерчинский договор позитивно и не планируют его нарушать, не желая вступать в конфронтацию с Россией:

«Сказал ему, Елизарью, езуит французженин, что богдыхан принял мир с любовью и с великими государи тот мир вельми желает держать нерушим. И впредь царского величества над городами никакого зла не мыслит...»⁶.

К тому же в это время полным ходом шла подготовка к войне Китая с Джунгарией, и цины не стремились к конфликту с Россией.

Поскольку Идес не имел официального дипломатического ранга, ему было позволено выполнить все требования китайского церемониала, включая *коуту*⁷. О том, как это происходило, описано в разных источниках:

«Ноября 17 Избрант представлен был Богдыхану. Увидев его на возвышенном месте сидящего, кланялся

он по учиненному прежде условию, стоя на коленях, трижды потрижды головою до земли»⁸.

То, что посланник русского царя не стал противиться и выполнил положенный церемониал, вызвало одобрение императора Канси:

«По принесении столов с яствами, спросил Богдыхан чрез ближних своих людей о здравии их Величеств, подозвал его, Избранта, к себе, жаловал его из своих рук горячим вином»⁹.

Проблема заключалась в том, что иностранные послы считали церемонию *коуту* унижительной и нарушающей нормы европейского дипломатического этикета, поэтому старались ее не выполнять, что во многих случаях вызывало неприятие китайской стороны и недопуск иностранных посланцев к императору. Однако, хотя данный вопрос всегда оказывался камнем преткновения в отношениях Китая со странами Запада, в российско-китайских отношениях он был лишь поводом для незначительных препирательств во время переговоров, и в случае необходимости российские посланники исполняли данный церемониал как в полном, так и усеченном варианте.

Посланцы Цинской империи в свою очередь совершали подобные церемонии при российском дворе. В 1729 году первое официальное посольство Цинской империи прибыло в Москву, где тогда находился двор. Оно было принято императрицей Анной Иоанновной в тронном зале Кремлевского дворца. При этом «послы совершили три земных поклона. И пока читался перевод речи, стояли на коленях»¹⁰. Описывая данный эпизод, И. Я. Коростовец обратил внимание на то, что «китайские посланники на аудиенции у русской Государыни добровольно исполнили все церемонии»¹¹, от которых в Китае часто отказывались западные и русские дипломатические представители. Подарки, привезенные Идесом императору Канси, в основном включали изделия из янтаря: зеркала в янтарных рамах, янтарный кубок, паникадило, шанданы (подсвечники), а также меха¹².

В феврале 1695 года миссия вернулась в Россию, и «Его Величество принял господина Избранта, который вернулся в Москву со своего посольства в Китай»¹³. Идес привез с собой и вручил Петру «разные редкости и отчеты о его переговорах». Кроме того, он смог провести в Китае выгодные торговые операции и приобрел много китайских товаров. Франц Лефорт писал, что Идес привез из Китая

«прекрасные драгоценные камни, среди которых есть сапфир ценностью, как говорят, десять тысяч талеров, весом 20 золотников и исключительно хорошего цвета»¹⁴.

Миссия Избранта Идеса и сопровождавшего его Адама Бранда имела существенное значение в становлении дипломатии Петра на китайском направлении его внешней политики.

ПОЕЗДКИ ЛОРЕНЦА ЛАНГА В КИТАЙ

Полуофициальная форма контактов с цинским императором Канси была продолжена Петром I и связана с именем Лоренца Ланга, пользовавшегося неограниченным доверием царя и фактически ставшего его личным посланником. В течение целого ряда лет швед Л. Ланг являлся активным участником контактов между Россией и цинским Китаем [15: 272].

Формальная цель первой поездки Ланга в Пекин (всего в общей сложности он посетил Китай шесть раз) состояла в сопровождении врача ко двору цинского императора Канси, а также в приобретении китайских печных изразцов для строившегося в то время Петергофского дворца. Дело в том, что Канси, наслышанный о европейской медицине, обратился к Петру с просьбой прислать хорошего доктора, и царь в 1715 году направил в Пекин англичанина Томаса Гарвина, хирурга петербургской больницы (в феврале 1717 года он возвратился в Россию). Лоренц Ланг должен был сопровождать его в Китай.

При этом Ланг получил задание изучить возможности дальнейшего расширения российско-китайских отношений и собрать сведения о географии и современном положении дел в Китае. В сборе информации большую помощь ему оказали беседы с немецким миссионером-иезуитом Килианом Штумпфом, находившимся в то время в Пекине. На основании собранных материалов и собственных наблюдений Ланг составил «Описание государства Китайского». Также он приобрел в Пекине много типично китайских вещей, которыми Петр I остался очень доволен.

Убедившись в деловых качествах своего посланца, Петр в 1719 году поручил ему сопровождать в Пекин посольство Измайлова, после возвращения которого в Россию Ланг остался там на длительное время в качестве русского торгового резидента, налаживая связи с Китаем. Несколько раз он побывал на приеме у цинского императора. В дальнейшем Ланг организовывал и сопровождал русские торговые караваны, направлявшиеся в Пекин. Во время своих поездок и пребывания в Пекине он вел подробные записи:

сохранилось четыре дневника Ланга, написанных им в разные годы, в которых содержится интересная информация о Китае, масштабах и ходе русско-китайской торговли, направлявшихся в Китай товарах [12]. Вот как Ланг описывал свою встречу с императором Канси:

«Наконец два иезуита – самых знатных из братства в Пекине – вышли к нам по приказу императора. Одного звали Килиан Штумпф, другого – Доменико Паренин. Они должны были по приказу императора спросить нас, давно ли мы выехали из Европы и сколько месяцев мы провели [в дороге] от Петербурга до Пекина, как здоровье их императорского величества. Когда мы на это ответили, доктору были заданы вопросы по медицине, а мне о войне. После этого император послал каждому из нас серебряную чашу с молоком и поджаренной мукой. При этом он велел сказать, что это чай, который он пьет обычно сам»¹⁵.

Доктор Гарвин тоже был представлен цинскому императору:

«После этого он приказал нашему доктору пощупать ему пульс и высказать свое мнение. Доктор выполнил требование и сказал, что он считает, что их императорское величество находятся в полном здравии. Этот ответ весьма понравился императору»¹⁶.

Поездки Лоренца Ланга в Пекин, инициированные самим Петром I, способствовали расширению знаний о Китае, что было необходимо для дальнейшего развития русско-китайских отношений.

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

Петр Великий сыграл важную роль в создании в Пекине Российской Духовной миссии, которая в дальнейшем внесла существенный вклад в развитие русско-китайских отношений и научное изучение Китая. Ее значение в истории русско-китайских культурных связей отмечают не только российские, но и китайские ученые, которые видят в ее деятельности свидетельство мирных, добрососедских отношений и уникальный инструмент гуманитарного сотрудничества между двумя государствами, при помощи которого происходил культурный обмен и осуществлялась подготовка первых российских китаеведов и китайских русистов [16: 85], [17: 64]. В этой связи следует обратить внимание на царский указ от 18 июня 1700 года, в котором шла речь о начале обучения китайскому языку в России и который не только стимулировал изучение в России восточных языков, но и предопределил учреждение через несколько лет Российской Духовной миссии в Китае. Петр I принял личное участие в формировании состава

первой и второй Духовных миссий. Он также внимательно следил за деятельностью миссионеров-иезуитов в Цинской империи, стремясь осмыслить их опыт.

Отправка в Пекин первой Духовной миссии была вызвана тем, что к этому времени ушел из жизни первый православный священник в Китае – отец Максим Леонтьев, и проживавшие в Пекине албазинцы (потомки русских казаков), оставшиеся без духовного пастыря, обратились к митрополиту Тобольскому с тем, чтобы тот «ходатайствовал у Его Величества о присылке к ним для священнослужения и для исправления христианских треб священников»¹⁷. Петр I откликнулся на их просьбу. Как писал архимандрит Авраамий,

«со смертью албазинского пастыря для малой общины православных русских в Пекине, “хромавших уже на обе плесне”, возникла опасность быть поглощенными язычеством. К счастью их, русское духовное и светское правительство заранее озаботилось обеспечением их будущей судьбы и “во время благоприятно” послало им нравственно-религиозную помощь»¹⁸.

После длительной переписки император Канси дал разрешение на приезд новых священнослужителей из России. Согласие цинского императора через князя Гагарина дошло до Петра Великого, который решил воспользоваться удобным моментом и, понимая необходимость создания своего духовного представительства в столице Китая, где уже давно находились иезуиты, утвердил решение об отправке в Пекин Духовной миссии.

Имеющиеся источники подтверждают, что сотрудники первой православной миссии во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским) были встречены в Пекине с почетом. Им были выделены казенные квартиры и временное денежное довольствие («поверстаны были в жалованье, и дано было им дворы, и жить велено»¹⁹). И хотя документов того времени почти не сохранилось, исследователи отмечали, что деятельность первой миссии была весьма успешной. Архимандрит Иларион организовал правильное и стройное богослужение, привлекая в церковь не только албазинцев, но и других жителей Пекина. Успехи и достижения Миссии были во многом обусловлены удачным выбором кандидатуры ее начальника:

«Архимандрит Иларион, по мысли Петра I, оказался человеком “разумным и покладным”. По своему нравственному характеру он заслужил уважение не только от своих пасомых, но и от самого богдыхана, который каждый месяц присылал в миссию чиновника спрашивать о здоровье его начальника и нуждах Миссии»²⁰.

Однако тяжелый климат и непривычные условия жизни вызвали серьезное ухудшение здоровья архимандрита Илариона, и он часто посещал целебные источники, расположенные вблизи китайской столицы. Во время одной из таких поездок в 1717 году архимандрит скончался, после чего Петр I принял решение о формировании второго состава Духовной миссии.

ПОСОЛЬСТВО ЛЬВА ИЗМАЙЛОВА

4 июня 1719 года Петр I подписал указ об отправке в Пекин посольства для переговоров о возобновлении прерванной торговли и заключения торгового договора, которое возглавил капитан лейб-гвардии Преображенского полка Лев Измайлов. 18 ноября 1720 года русский посол в сопровождении многочисленной свиты торжественно въехал в столицу Цинской империи.

Современные китайские историки отмечают, что император Канси отнесся к русскому послу весьма благосклонно, приказал организовать торжественную встречу, обеспечить посольство достойным жильем и хорошим питанием, лично принял грамоту из рук русского посла. Император десять раз встречался с Измайловым и говорил о заинтересованности в поддержании добрососедских отношений с Россией [14: 65–67].

Хотя Л. Измайлову пришлось столкнуться с большими сложностями при выполнении условий китайского дипломатического этикета и излишними требованиями со стороны цинских чиновников, он все-таки смог добиться допуска русского торгового каравана в Пекин и разрешения оставить Лоренца Ланга в качестве торгового агента (подробнее см. [10]). Однако, когда послу почти удалось достичь более масштабного соглашения, возникла проблема, связанная с переходом на российскую территорию монголов-перевозчиков, и переговоры были прерваны, а Измайлову пришлось покинуть китайскую столицу. Стоит отметить, что все проблемы, породившие разногласия в ходе переговоров, были разрешены позднее – с подписанием в 1727 году Кяхтинского договора.

ДЖУНГАРСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

На отношения между Россией и империей Цин серьезное влияние оказывала политика Джунгарского ханства, с которым цинский Китай находился в постоянном конфликте, и Петру Великому приходилось учитывать этот фактор.

В начале XVIII века Джунгарское ханство – сильнейшее государство Центральной Азии ак-

тивизировало внешнюю политику, стремясь привлечь на свою сторону калмыков, проживавших на Волге. Дело в том, что в конце XVI – начале XVII века племена западных монголов (ойратов), проживавшие на территории Джунгарии и в соседних регионах, разделились: одна часть откочевала в район озера Кукунор, другая осталась на месте и образовала Джунгарское ханство, а третья (калмыки) ушла в пределы Русского государства, где в дальнейшем в низовьях Волги сформировалось Калмыцкое ханство, обладавшее самоуправлением [9]. В начале XVIII века царское правительство старалось не вмешиваться во внутренние дела Калмыцкого ханства и в его контакты с восточными правителями, поскольку было заинтересовано в лояльности калмыков, участвовавших в обеспечении безопасности южных границ Российского государства и принимавших активное участие в войнах, которые вела Россия [7], [13]. Калмыцкие ханы могли самостоятельно поддерживать отношения с отдельными странами Востока. В 1690 году правитель калмыков Аюка²¹ официально принял титул хана от Далай-ламы VI, и это было признано российскими властями. Калмыцкое ханство сохраняло духовные связи и постоянно контактировало с другими монгольскими государствами и тибетским духовенством. «Калмыки не имели общей границы с Китаем, поэтому связи с ним возникали лишь в контексте отношений с Тибетом» [11: 38].

В то же время Цинская империя, начав борьбу против Джунгарского ханства, также стремилась привлечь калмыков на свою сторону. В 1712 году император Канси принял решение отправить посольство к калмыцкому хану Аюке, ставка которого располагалась в низовьях Волги, получив согласие российских властей. Петр I в то время был всецело занят Северной войной и не имел возможности лично встретиться с посланцами Цинской империи, однако, будучи заинтересован в развитии связей с Китаем, не только разрешил посольству проехать по территории России, но и распорядился повсюду оказывать послам почести и устроить торжественный прием в Тобольске – фактической столице Сибири [9].

Однако не только цины стремились привлечь на свою сторону калмыков. Правитель Джунгарского ханства хунтайджи²² Цэван-Рабдан²³, стремясь укрепить личные связи, взял в жены дочь калмыцкого Аюка-хана Сетер-Джаб, а его двоюродная сестра Дармабала стала четвертой женой Аюки. Кроме того, через Джунгарию пролегал наиболее удобный путь из Калмыцкого ханства

в Тибет, и это приходилось учитывать, поскольку в противном случае буддийским паломникам из Калмыкии пришлось бы добираться в Лхасу через Сибирь и весь Китай. В итоге Цэван-Рабдан сумел установить достаточно прочные связи с Аюка-ханом, хотя последний всячески уклонялся от участия в каких бы то ни было военных действиях на стороне Джунгарского ханства. В то же время Цэван-Рабдану удалось исключить возможность выступления калмыцких воинских формирований на стороне Цинской империи.

Нейтралитет Калмыцкого ханства в джунгаро-цинском конфликте, по мнению Петра, был важен для России и поэтому всячески им поддерживался. Кроме того, особое положение Калмыцкого ханства и имевшиеся у него возможности вести внешнеполитические дела могли стать дополнительным фактором продвижения России на Восток. В то же время, как писал И. Я. Златкин, «в 20-х годах XVIII в. некоторые круги калмыцкой аристократии вынашивали план откочевки калмыков с Волги и их объединения с Джунгарским ханством» [3: 221]. Однако этим планам не суждено было осуществиться, поскольку большая часть калмыков не хотела покидать уже освоенные и обжитые ими степи Поволжья. Несмотря на то что идею объединения калмыков с джунгаро-ойратским государством поддержал Далай-лама, она не была принята большинством владетельных князей.

Петр I и его правительство внимательно наблюдали за развитием связей между калмыками и Джунгарским ханством и стремились их контролировать. Аюка-хан, не желая осложнять отношения с русским царем, стремился информировать его о своих контактах, при этом сохраняя за собой право поддерживать самостоятельные внешние сношения. Так, например, когда его сын Санжиб после ссоры с отцом решил откочевать в Джунгарию с несколькими тысячами подвластных ему калмыцких семей, а Цэван-Рабдан, оставив у себя всех его подданных, отправил Санжиба обратно, Аюка решил объяснить Петру сложившуюся ситуацию и написал ему:

«К контайше часто посланцов посылаю для того, что сын мой, когда от меня откочевал, с собою многих подданных отвез из калмыков. Тогда он, контайша, всех при нем бывших улусов и калмыков насильством своим у себя удержал, токмо сына моего самого одного отпустил» [3: 222].

В 1715 году разразилась продолжавшаяся около десяти лет цинско-джунгарская война, которая завершилась включением в состав Китая Кукунора и Тибета и выходом цинских войск к юго-

восточным границам Джунгарского ханства. Одновременно, начиная с 1716 года, обострились отношения между Россией и джунгаро-ойратским государством, что было вызвано взаимными притязаниями на пограничные территории. В этот период возникло прямое соприкосновение владений России и Джунгарии на юге Сибири – в верховьях Иртыша и Енисея. Попытки решить эти вопросы путем переговоров не увенчались успехом, а направленного в 1717 году для улаживания конфликта И. Чередова джунгарский хан продержал под стражей пять лет.

18 декабря 1716 года Петр I написал на донесении сибирского губернатора М. П. Гагарина по поводу джунгар: «Однако ж ежели они будут смирно жить, то с ними не воевать» [3: 227]. В 1720 году отряд майора Ивана Лихарева (члена следственной комиссии по делу М. П. Гагарина) добрался до озера Зайсан. Не найдя там подходящего места для строительства крепости, он направился вверх по Черному Иртышу, где столкнулся с джунгарским отрядом под командованием сына Цэван-Рабдана – Галдан-Цэрэна, который, встретив русских военных, заподозрил наличие союза между Россией и Цинской империей. После нескольких столкновений отряда Лихарева с ойратами мир был восстановлен, русские и ойраты «переслались подарками» [2: 71], а в дальнейшем Цэван-Рабдан, сообщивший через находившегося у него в плену И. Чередова, что хочет жить в мире и развивать торговые связи, даже стал искать у России защиты от цинского Китая. В 1721 году он направил в Петербург своего представителя, который был принят Петром I и попросил русского царя «направить вверх по Иртышу тысяч двадцать русского войска» [3: 229], чтобы защитить хунтайджи от цинского императора.

Важнейшим событием в русско-джунгарских отношениях стало посольство во главе с капитаном артиллерии И. Унковским 1722–1723 годов²⁴, цель которого состояла в том, чтобы убедить Цэван-Рабдана отправить в Тобольск посольство для подписания договора о переходе его в российское подданство на условиях, аналогичных статусу Калмыцкого ханства.

В ноябре 1720 года, когда в Китае находился посол Л. Измайлов, к нему явился заргучи²⁵ Тулишэнь, сообщивший о том, что после нескольких серьезных побед цинской армии в Пекин прибыл джунгарский посол с просьбой о мире, и попросил русского посланника принять посланца Цэван-Рабдана и объявить ему, что хунтайджи не следует ссориться «с такими

великими государями»²⁶, тем самым создав впечатление согласованности действий китайского и российского императоров. Однако Измайлов наотрез отказался: «И после тех разговоров заргучей от посланника пошел с сердцом (и держали посланника три дни, не давая корму и дров)»²⁷.

Посланник Петра I Лоренц Ланг, посетивший в 1721–1722 годах Пекин, также старался узнать у цинских сановников о войне с джунгаро-ойратским государством и 21 октября 1721 года общался российскому императору:

«Война с контайшами (джунгарами. – Н. С.) китайцем есть весьма трудна, понеже их армия, которая, как я уведал, состоит в 200 000 человек и ежегодно от морового поветрия умалается, ибо в той стране, где они свой лагерь имеют, нездоровой воздух есть, таже нужда в провианте так велика, что принуждены ясти падшие верблюды, лошадей и другую скотину, и при том малую порцию получают пшена сорочинского (риса. – Н. С.)»²⁸,

однако Цэван-Рабдан мог согласиться на мир лишь при условии признания его ханства независимым от Цинской империи, даже уступив цинам некоторые территории.

В мае 1722 года Лифаньюань (Палата внешних сношений) принял решение о высылке из Пекина Лоренца Ланга и временном прекращении русско-китайской торговли. Поводом для подобных недружественных действий стали переговоры о принятии джунгар в российское подданство.

2 февраля 1723 года Ланг написал императору, что Цэван-Рабдан «с Китайским государством ни в какое примирение вступить не хочет» и что «он всегда готов будет с китайской армией баталию дать, ежели она к ним придет»²⁹. 1 мая последовало определение Коллегии иностранных дел о сборе сведений относительно перебежчиков из цинских владений³⁰, а 3 июня 1723 года (11 числа 5-го месяца 1 года эры правления Юнчжэн) из Лифаньюаня новому сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому было направлено послание с требованием выдачи 14 джунгарских беглецов, взятых в плен цинами, но сбежавших на территорию Российской империи³¹.

13 июня 1723 года Ланг направил в Коллегию иностранных дел реляцию, в которой говорилось, что после кончины императора Канси и вступления на престол его четвертого сына, избравшего девиз правления Юнчжэн, хунтайджи Цэван-Рабдан объявил о том, что он «не склонен на великодушных кондициях в мир вступить», но если новый император будет стремиться «его китайским вассалом учинить, то он всякую си-

лою тому противитца станет»³². Он также высказал требование об отводе цинских войск от границ Джунгарии. Ланг также отмечал, что цинские сановники, с которыми он общался, выражали недовольство тем, что между Россией и Джунгарией стали складываться дружеские отношения. Россия оказалась в выигрышном положении, поскольку в ее помощи были заинтересованы оба противоборствовавших государства.

4 апреля 1724 года джунгарский посол Доржи, прибывший в Россию вместе с возвратившимся И. Унковским, был принят Петром I, однако стороны ограничились заверениями в традиционной дружбе. В то же время расширялись торговые связи и поездки русских купцов в Джунгарию. 19 января 1721 года Петр I подписал указ, в котором повелевал «завести купечество» с ойратами: «с Контайшею сделать мир и завести купечество с ним»³³.

Исходя из имевших место исторических фактов нельзя согласиться с некоторыми китайскими авторами, которые считают, что Петр I скрытно поддерживал джунгар в их войне против Цинской империи, и усматривают в этом «коварное вмешательство во внутренние дела своего государства и основную причину прекращения в 1722 году цинами торговли с Россией на несколько лет» [4: 20].

Безусловно, фактор существования в Центральной Азии Джунгарского ханства оказывал влияние на характер русско-китайских отношений, но политика невмешательства в джунгаро-цинский конфликт, которую осуществлял Петр I, позволила ему поддерживать нормальные отношения с противоборствующими сторонами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеющиеся исторические факты позволяют сделать вывод о том, что в Петровскую эпоху китайское направление занимало существенное место во внешней политике России. И хотя активность российской дипломатии на этом направлении существенно уступала тому, как развивались отношения с европейскими странами, внимание Петра Великого к Китаю было постоянным и значительным. Стала развиваться торговля между двумя странами. Появление в Пекине Российской Духовной миссии положило начало духовным, научным и культурным связям. Вся политика Петра I в отношении Китая была направлена на поддержание мира и добрососедства между двумя странами и спокойствия на русско-китайской границе.

А. Д. Воскресенский отмечает, что «отношения России и Китая представляли собой постоянную эволюционную корректировку системы в направлении стабильного равновесия, достигнутого во второй половине XIX века» [1: 180]. К этому можно добавить, что именно политика Петра I дала импульс для развития двусторон-

них отношений в направлении стабильного равновесия. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского геополитического и социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 10.
- ² Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. С. 75.
- ³ Русско-китайские отношения. 1689–1916... С. 10.
- ⁴ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина. М.: Глав. ред. восточной лит., 1967. С. 343.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 344.
- ⁷ Коутоу – ритуал тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, который, согласно традиционному китайскому дипломатическому этикету, должен совершаться во время аудиенции у императора при приближении к его особе. Включал в себя необходимость трижды опуститься на колени из положения стоя, и каждый раз, стоя на коленях, три раза исполнить поклон.
- ⁸ Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Типография Императорского ун-та, 1882. С. 70.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898. С. 569.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай... С. 323.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Там же. С. 13.
- ¹⁵ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 494.
- ¹⁶ Там же. С. 495.
- ¹⁷ Веселовский Н. И. Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине. СПб.: Типография главного управления уделов, 1905. С. 12.
- ¹⁸ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 23.
- ¹⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 365.
- ²⁰ Бэй-гуань... С. 24–25.
- ²¹ Аюка (Аюши, 1642–1724), с 1672 года правитель калмыков, с 1690 года – первый калмыцкий хан. Под его властью Калмыцкое ханство достигло пика экономического, политического и военного могущества. В 1722 году Аюка-хан встречался с императором Петром Великим.
- ²² Хунтайджи (также «контайша», монгольское слово, происходящее от китайского: 浑台吉 – «хуньтайцзи») – титул некоторых монгольских правителей, восходит к китайскому титулу «хуан тайцзы» (皇太子 – «наследный принц»), его появление связывают с именем Хубилай-хана. Титул «хунтайджи» носили потомки Чингисхана, владевшие территориальными доменами. В середине XVII века этот титул был пожалован Далай-ламой V одному из правителей Джунгарского ханства, хотя он и не был чингисидом. В дальнейшем закрепился за правителями Джунгарии.
- ²³ Цэван-Рабдан (1663–1727) – четвертый хан Джунгарского ханства. В 1700 году завоевал Восточный Туркестан. В 1715–1721 годах вел войны против империи Цин.
- ²⁴ И. Унковский оставил интересные и содержательные записи о своем путешествии и переговорах с Цэван-Рабданом: Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1887. 276 с.
- ²⁵ Цзаргучи (заргучи, заргучей) – чиновник, совмещавший административные и судебные функции.
- ²⁶ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 207.
- ²⁷ Там же. С. 208.
- ²⁸ Там же. С. 317.
- ²⁹ Там же. С. 351.
- ³⁰ Там же. С. 379.
- ³¹ Там же. С. 382.
- ³² Там же. С. 383.
- ³³ Полное собрание законов Российской империи / Под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 6. С. 313.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 408 с.
2. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1979. 311 с.
3. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. М.: Наука, 1983. 332 с.
4. Маяцкий Д. И. Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512
5. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.
6. Мясников В. С. Кастальский ключ китаеведа. Сочинения: В 7 т. Т. 1–7. М.: Наука, 2014.
7. Очиров А. В. Участие калмыков в войнах России (первая треть XVIII – начало XIX в.) // Вестник Тамбовского университета. 2012. № 9 (113). С. 333–338.
8. Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658
9. Самойлов Н. А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33–42.
10. Самойлов Н. А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (Особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. 2021. № 12 (180). С. 35–42.
11. Цюрюмов А. В. Калмыки и русско-китайские отношения в первой половине XVIII в. // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 2 (42). С. 36–43.
12. Шафрановская Т. К. Путешествие Л. Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин и его дневник // Страны и народы Востока. Вып. 2. М.: Наука, 1961. С. 188–205.
13. Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков XVII–XVIII вв. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. 191 с.
14. 叶柏川. 俄国来华使团研究 (1618–1807)。北京: 社会科学文献出版社, 2010. 457 页。(Е Байчуань. Исследование российских дипломатических миссий, направленных в Китай. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. 457 с.)
15. 近代来华外国人名辞典。北京: 中国社会科学出版社, 1981. 643 页。(Словарь имен иностранцев, посещавших Китай в Новое время. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1981. 643 с.)
16. 左书谔. 论康熙时期的中俄关系 // 黑河学刊 (地方是版), 1985 年, 第04期. 81–86 页。(Цзо Шуэ. О российско-китайских отношениях периода Канси // Хэйхэский вестник (Серия: Краеведение). 1985. № 4. С. 81–86. DOI: 10.14054/j.cnki.cn23-1120/c.1985.04.016)
17. 赵士国. 论康熙时期的中俄关系述论 // 湖南师范大学社会科学学报, 1997 年, 第26卷, 第06期. 60–65 页。(Чжао Шиго. Размышления о российско-китайских отношениях в период Канси // Вестник Хунаньского педагогического университета. Общественные науки. 1997. Т. 26, № 6. С. 60–65.)

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 28.04.2022

Original article

Nikolay A. Samoylov, Dr. Sc. (History), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

CHINESE VECTOR OF PETER THE GREAT'S FOREIGN POLICY

Abstract. The article is the first comprehensive analysis of Peter the Great's role in the formation of the Chinese vector of Russian foreign policy at the beginning of the XVIII century. The contribution of Peter the Great to this process can hardly be overestimated. Through his activities, the first Russian emperor laid foundations for creating a unified Eurasian geopolitical and sociocultural space and formed the paradigm of the Eurasian policy of the Russian Empire. During this period, thanks to Peter the Great's efforts, Russian-Chinese trade entered the phase of active development. The establishment of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing marked the beginning of spiritual, scientific and cultural ties between the two countries. The policy of Peter the Great towards China on the whole was aimed at maintaining peace and good neighborliness between the two countries and tranquility on the Russian-Chinese border. The relevance of this topic at the present time is due to the steady pivot of Russia's foreign policy to the East and the need for a deeper study of the history of Russian-Chinese relations.

Key words: Peter the Great, Russian-Chinese relations, foreign policy, Qing Empire, Kangxi, Dzungar Khanate

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 “Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation”.

For citation: Samoylov, N. A. Chinese vector of Peter the Great’s foreign policy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769

REFERENCES

1. Voskresensky, A. D. Russia and China: theory and history of interstate relations. Moscow, 1999. 408 p. (In Russ.)
2. Gurevich, B. P. International relations in Central Asia from the XVII to the first half of the XIX centuries. Moscow, 1979. 311 p. (In Russ.)
3. Zlatkin, I. Ya. History of the Dzungar Khanate. Moscow, 1983. 332 p. (In Russ.)
4. Maiatskii, D. I. Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(6):15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512 (In Russ.)
5. Myasnikov, V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Moscow, 1980. 312 p. (In Russ.)
6. Myasnikov, V. S. The Castalian Spring of the sinologist. Complete works: In 7 vols. Vol. 1–7. Moscow, 2014. (In Russ.)
7. Ochirov, A. V. Participation of Kalmyks in wars of Russia (first third of 18 – beginning of the 19th centuries). *Tambov University Review*. 2012;9(113):333–338. (In Russ.)
8. Samoylov, N. A. Peter the Great’s contribution to the socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658 (In Russ.)
9. Samoylov, N. A. Image of Peter I in the “Records” written by the Qing Dynasty diplomat Tulišen. *Klio*. 2021;5(173):33–42. (In Russ.)
10. Samoylov, N. A. Lev Izmailov’s Mission to the Qing Empire (specific features of Russian-Chinese relations at the time of Peter the Great). *Klio*. 2021;12(180):35–42. (In Russ.)
11. Tsurumov, A. V. Kalmyks and the Russian-Chino relations in the first half of the XVII-th century. *Bulletin of Kalmyk University*. 2019;2(42):36–43. (In Russ.)
12. Shafranovskaya, T. K. Journey of Lorenz Lange to Beijing in 1715–1716 and his diary. *Countries and peoples of the East*. Moscow, 1961. Issue 2. P. 188–205. (In Russ.)
13. Shovunov, K. P. Essays on the military history of the Kalmyks in the XVII–XVIII centuries. Elista, 1991. 191 p. (In Russ.)
14. 叶柏川。俄国来华使团研究 (1618–1807)。北京: 社会科学文献出版社, 2010. 457 页。
15. 近代来华外国人名辞典。北京: 中国社会科学出版社, 1981. 643 页。
16. 左书谔。论康熙时期的中俄关系 // 黑河学刊 (地方是版), 1985 年, 第04期。81–86 页。
17. 赵士国。论康熙时期的中俄关系述论 // 湖南师范大学社会科学学报, 1997 年, 第26卷, 第06期。60–65 页。

Received: 28 March, 2022; accepted: 28 April, 2022

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕПКИН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела Дальнего Востока

Институт восточных рукописей Российской академии наук

доцент Департамента востоковедения и африканистики

Национальный исследовательский университет «Высшая

школа экономики – Санкт-Петербург»

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

vshepkin@gmail.com

ОБРАЗ ПЕТРА I В ЯПОНИИ ПЕРИОДА МЭЙДЗИ

А н н о т а ц и я . Статья представляет результаты продолжающегося исследования, целью которого является выявление особенностей социокультурной адаптации образа российского императора Петра I в Японии. Рассматривается период Мэйдзи (1868–1912), когда пример Петровских реформ стал применяться в Японии. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: отобрать наиболее репрезентативные тексты о Петре с точки зрения широты их распространения; осуществить качественный контент-анализ этих текстов. Основными источниками исследования послужили труды японских просветителей второй половины XIX века по всемирной истории и географии, школьные учебники, сборники биографий выдающихся людей, а также первые отдельные биографии Петра I на японском языке. Устанавливается, что в трудах авторов начала периода Мэйдзи Петр предстаёт величайшим правителем в истории России, которому благодаря мудрости, прозорливости и стремлению к новым знаниям удалось полностью перестроить Россию и сделать из нее современное европейское государство и крупнейшую в мире империю. В целом нарратив о Петре наследует текстам авторов первой половины XIX века, таких как Ватанабэ Кадзан и Сакума Сёдзан, при этом наблюдается повышенное внимание к личным качествам российского правителя, происходит его «очеловечивание», которое еще больше проявляется к концу периода: Петр начинает служить примером не только для государственных лидеров, но и для рядовых японцев. В то же время в условиях обострившегося противостояния Японии и России в Восточной Азии к концу XIX века в центре внимания авторов вновь оказываются истоки и цели экспансионистской политики российского императора. Таким образом, в статье впервые выявлены особенности интерпретации и адаптации образа Петра I в Японии второй половины XIX – начала XX века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Петр I, образ России, история Японии, период Мэйдзи, император Мэйдзи, российско-японские отношения

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Щепкин В. В. Образ Петра I в Японии периода Мэйдзи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.770

ВВЕДЕНИЕ

Эпохи правления императоров Петра I и Мэйдзи в истории России и Японии соответственно являются естественными объектами для сравнения: и та, и другая представляют собой яркие примеры модернизации традиционных обществ в Новое время. Многие исследователи прибегали к сравнениям как самих фигур двух правителей, так и их реформ [2], [6], [7]. В то же время обе эпохи отстоят друг от друга на полтора столетия, а потому петровский опыт реформ и модернизации мог учитываться и использо-

ваться мэйдзийскими преобразователями [1], [18]. В своих прошлых статьях, посвященных образу Петра I в Японии, мы попытались проследить историю его формирования и выявить его особенности в эпоху Эдо, а именно в XVIII и первой половине XIX века [11], а также проанализировать репрезентацию «петровской модели» реформ в трудах японских мыслителей первой половины – середины XIX века [12]. В данной статье хотелось бы продолжить тему исследования, проанализировав дальнейшее развитие образа Петра I в эпоху Мэйдзи, то есть в период,

когда пример российского реформатора стал использоваться в Японии на практике.

Основными источниками для исследования послужили, во-первых, труды просветителей начала периода Мэйдзи, таких как Фукудзава Юкити (1835–1901) и Утида Масао (1839–1876), которые использовались как учебники по всемирной истории и заложили основы нарратива о России и образа Петра в более поздних школьных учебниках. Другой значимой группой источников стали первые отдельные биографии Петра I, опубликованные как в начале периода Мэйдзи, так и на рубеже XIX–XX веков, то есть в конце периода. Такой выбор источников, на наш взгляд, позволяет, с одной стороны, проследить эволюцию образа Петра I на всем протяжении рассматриваемого периода, с другой – оценить степень влияния ранних просветителей на позднемэйдзийских авторов, получивших обязательное школьное образование уже в период Мэйдзи. Вышеуказанные группы источников обусловили и структуру данной статьи, разделенной на два параграфа.

ОБРАЗ ПЕТРА I В ТРУДАХ РАННИХ МЭЙДЗИЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

В период Мэйдзи ориентированная на Запад часть японской элиты захватила власть в стране и приступила к реализации своего главного лозунга – «Богатая страна, сильная армия». Основным средством достижения этого виделась модернизация, понимаемая как вестернизация государственной и экономической систем, армии и флота, социальных институтов. Для широкой общественной поддержки был также провозглашен лозунг «Цивилизация и просвещение», реализуя который элита распространяла свои ценности среди широких слоев населения. Одним из главных инструментов стало всеобщее обязательное школьное образование.

Японский историк Окадаки Кацуё, рассуждая о преподавании всемирной истории в японских школах с начала периода Мэйдзи, подразделяет его на три этапа. Первый этап, с 1872 по 1902 год, он называет периодом истории стран мира (яп. *банкокуси* 万国史). На втором этапе (1902–1949) произошло разделение предмета на историю Востока, историю Японии и историю Запада. Наконец, на третьем этапе, продолжающемся и сейчас, утвердилось разделение на историю Японии и всемирную историю (яп. *сэкайси* 世界史) [14: 21]. В данной статье внимание будет сосредоточено на первом этапе, когда история России преподавалась в рамках курса истории стран мира.

Первые учебники по истории стран мира появились в Японии с началом реформы школьного

образования в 1870-е годы, причем существовали как учебники, написанные японцами, так и переведенные с европейских языков, например «История стран мира» американца Питера Парли (1793–1860). Однако структура и содержание нарратива истории и географии стран мира были заложены еще в трудах таких японских просветителей, как Фукудзава Юкити и Утида Масао. Их сочинения, ориентированные на максимально широкий круг читателей, создавались не как учебники, но активно использовались в этом качестве, а также как пособия для преподавателей вплоть до 1880-х годов [13: 133], поэтому считаем правильным начать изучение темы именно с них.

Для изучения образа Петра I в Японии периода Мэйдзи представляется логичным выбрать в качестве отправной точки один из фундаментальных трудов японского просветителя Фукудзава Юкити «Положение дел на Западе» (яп. «Сэйё: дзидзё» 西洋事情). Этот труд, и именно в свете образа России, был подробно рассмотрен в статье М. К. Ковальчук [4], однако для нашего исследования представляется важным уделить особое внимание репрезентации фигуры Петра I, поэтому, не умаляя значимости упомянутой статьи, позволим себе обратиться к тексту Фукудзава напрямую.

Фукудзава собирал материалы для своей книги в ходе двух поездок в США и страны Европы (включая Россию) в 1860–1862 и 1867 годах, чтобы впоследствии познакомить японцев с жизнью этих стран. Сочинение состояло из 10 томов, которые увидели свет в виде трех выпусков в 1866, 1867 и 1870 годах. Часть томов была посвящена общим основам западной цивилизации, таким как политическое устройство, международные отношения, образование, налоговая система и т. д. Другая часть – отдельным странам (США, Голландии, Англии, России, Франции¹), и в частности их истории, политическому устройству, вооруженным силам и финансовой системе.

России был посвящен второй том второго выпуска, увидевшего свет в 1870 году. В оригинальном ксилографическом издании он содержал 104 страницы. Повествование начиналось с истории России (52 страницы), затем шли описания политического устройства (29 страниц), армии и флота (18 страниц), денежной системы (5 страниц). Рассказ об истории России Фукудзава начинает с середины IX века (когда «датчанин Рюрик», занимавшийся «пиратством в северных морях», был приглашен жителями Новгорода, и «вместе они захватили власть над большей частью» будущей страны [16: 525]),

а завершает началом правления своего современника Александра II, упоминая в том числе о договорах с Китаем 1858 и 1860 годов и присоединении Приамурья, а также о продаже США владений в Северной Америке в 1867 году². В заключение он также приводит хронологическую таблицу роста территории России с 1462 по 1855 год [16: 556].

Периоду правления Петра I Фукудзава отводит значительную часть повествования: 22 из 52 страниц, посвященных истории России, то есть почти половину объема. Он подробно описывает приход Петра к власти, годы обучения и путешествий в Европу, военные походы и внутренние преобразования императора. Хочется обратить внимание, что, говоря о культурных и технических заимствованиях Петра, Фукудзава подчеркивает прагматичность и избирательность российского правителя:

«Постигнув за время пребывания в Англии и Голландии тайны кораблестроения и навигации, [Петр] пожелал изучить законы сухопутной войны и, услышав, что лучшей во всей Европе является организация армии в Австрии, он отправился в ее столицу Вену» [16: 529].

Примечательно, что такой подход позже исповедовало и японское правительство, которое старалось найти лучшие образцы для разных сфер деятельности. В свете изучения образа Петра интерес представляет оценка Фукудзава его деятельности и фигуры. Приведем ее здесь полностью:

«Император Петр после своего путешествия по разным странам и возвращения домой или занимался войной за пределами страны, или посвящал себя государственным делам внутри страны, а потому [у него] не оставалось времени на совершенствование в науках. Но если посмотреть на эффект реформ в России, то этого будет достаточно, чтобы оценить плоды его ученых занятий. Император всегда вставал в пять часов утра и весь день напролет усердно [трудился] без единого перерыва, а когда наступала ночь и дела были закончены, он садился у кувшина с водкой, в одиночестве наполнял большую кружку и не переставал [пить], пока не впадал в беспамятство. Он был от природы свирепым, и когда напивался пьяным, то даже тем, кого он в обычное время любил, мог нанести такой вред, словно расправлялся с врагом. Император всегда повторял: “Я смог исправить ошибки своей страны, но не способен исправить собственные ошибки”. Если кто-то проявлял невежливость к императору, он тут же высекал того кнутом, и даже высокопоставленные чиновники и придворная знать не могли избежать наказания. Говорят, в чрезвычайных случаях даже императрица Екатерина подвергалась порке кнутом. Он заточил свою сестру, убил сына, развелся с первой женой, убивал ни в чем не повинных дворян – его преступлениям нет счета, однако его слава всегда превосходила любых других правителей. Но, в конечном счете, чрезвычайно ред-

ки и те, кто бы, как император, сносил тысячи невзгод и лишений для того, чтобы сделать свою страну богатой и сильной, а своих подданных счастливыми. Если перебрать всех правителей из истории России и поразмыслить над их деяниями, что принесли добро стране, то окажется, что ни до, ни после Петра не было никого, кто сравнился бы с ним. Он поистине тот, кого следует назвать небывалым и неповторимым мудрым правителем» [16: 533–534].

В целом Фукудзава наследует нарративу, сложившемуся еще в трудах токугавских авторов, но заметно и то, что Фукудзава особенно подчеркивает личные качества Петра, позволившие ему сыграть выдающуюся роль в истории России: стремление к наукам и обучению, трудолюбие и усердие, самоотдача и жертвенность. Именно в характере и личности Петра Фукудзава ищет мотивы его реформаторской деятельности и причины ее успехов, и это предвосхищает подход, характерный для мэйдзийской Японии с ее вниманием к индивидуализму. В то же время позволим себе смелость предположить, что, упоминая о неспособности Петра преодолеть негативные черты своего характера, Фукудзава намекает на зависимость реформ и их успеха от абсолютной власти императора: чем радикальнее реформы, тем сильнее единоличная власть.

В отличие от монументального труда Фукудзава Юкити сочинение Утида Масао «Краткое описание стран мира» (яп. «Ёти сиракю» 輿地誌略) представляет собой, скорее, энциклопедию мировой географии, лаконичную и ориентированную на более широкий круг читателей. Фигуре Утида Масао и его сочинению посвятила ряд статей А. Б. Шарова [8], [9], [10], которая в том числе указывала на схожесть его с Фукудзава и общность роли их сочинений в деле просвещения Японии в начале периода Мэйдзи. «Краткое описание стран мира» состоит из 12 томов (в 13 тетрадах). Информация о России помещена в седьмом томе, ей отведено 20 из 80 листов (для сравнения: помещенной в том же томе Швейцарии отводится 11 листов, Италии – 28, Греции – 5, Турции (вместе с Румынией и Сербией) – 13). Кроме того, еще 9 листов посвящено Сибири, информация о которой помещена в другом (втором) томе об Азии. Описание России ведется по единому для всех стран лекалу: сначала даются общие сведения о географии (расположение, климат, площадь, население, значимые природные объекты), затем повествуется о хозяйственной деятельности, политическом устройстве, отдельных регионах и крупных городах, в отдельный параграф выделяется краткая история страны.

О Петре Утида Масао упоминает несколько раз. Сначала, рассказывая о политическом устройстве, он пишет:

«Благодаря императору Петру эта страна пережила небывалый подъем со времен Средневековья, взяла на вооружение [достижения] западноевропейской цивилизации, переняла большое количество [ее] предметов и институтов и заложила основы богатого государства и сильной армии...» («Хотя, — продолжает он, — все это осуществляется сверху, и познания народа за этим не поспевают, а потому политический строй застыл в этом положении (абсолютизме. — В. Ш.) и еще не достиг цивилизованного уровня»³).

Затем, вскользь упомянув Петра как основателя Санкт-Петербурга, он подробно рассказывает о нем в разделе об истории России. Утида пишет, что на момент прихода Петра к власти в стране уже долгое время господствовали «зверские» обычаи и культура совершенно не развивалась, в ремеслах и технике также не было энергичных изменений, и лишь из-за большой численности населения и обилия продуктов процветали торговые города, такие как Новгород, куда в большом количестве приезжали и где подолгу жили купцы из других стран. У таких иностранцев, а именно у голландцев в Москве, Петр и начал учиться математике, познакомился с техническими новшествами западных стран, благодаря чему осознал, насколько Россия отстала от них. Тогда он решил лично отправиться в Европу и научиться всему, что может быть полезно для его страны. Утида называет это «поистине мудрым и великим устремлением»⁴. Утида подробно рассказывает о поездке Петра и его спутников по странам Европы, о приобретенных знаниях и навыках, заключая, что, вернувшись на родину, Петр «широко распространил дух науки и техники» внутри своей страны. Далее он коротко говорит о Северной войне, строительстве Петербурга, создании военно-морского флота и современных фортификационных сооружений, развитии транспорта и торговли. Утида заключает рассказ о Петре словами о том, что «он стал отцом могущества России, за что народ почтительно преподнес ему титул Великого императора, а это то, что попусту не делается»⁵. Как видно, Утида Масао, в отличие от Фукудзава Юкити, не пишет о личности или характере Петра, ограничиваясь рассказом о его деяниях, а также старается быть максимально отстраненным, приводя лишь оценку подданных, а не свою. Он, очевидно, считает период правления Петра эпохальным и ключевым в становлении современной России, при этом внимание автора сосредоточено на опыте заимствования достижений западной цивилизации, что, определенно,

призвано оправдать и подкрепить модернизационные устремления Японии 1870-х годов.

Для полноты картины обратимся к еще одному сочинению Фукудзава Юкити, которое, в отличие от «Положения дел на Западе», было ориентировано на гораздо больший круг читателей, и даже на детей. Это опубликованная в 1869 году книга «Все страны мира» (яп. «Сэкай кунидзукуси» 世界國盡). Вообще, слово *кунидзукуси*, использованное в названии сочинения, традиционно означало мнемоническую песню или стихотворение, в которых в том или ином виде перечислялись названия всех провинций Японии. Фукудзава использовал слово *куни* в значении не провинции, а страны, добавив для ясности слово *сэкай* — *мир*. В книге автор простым языком рассказывает о странах мира, при этом повествование, переходя от страны к стране по принципу соседства, связано в непрерывный текст, словно автор вместе с читателем путешествует вокруг света или разглядывает карту мира.

В оригинальном издании книги помимо основного повествования, размещенного в нижней половине страниц, имеются более детальные примечания о некоторых персоналиях и топонимах в верхней половине. Так, страницы, посвященные России, дополнены примечанием о Петре I следующего содержания:

«Еще двести лет назад Россия была маленькой аграрной страной на севере, там были неизвестны науки, нравы были грубыми, а обычаи жестокими. Но в конце XVII века (в годы Гэнроку) появился проницательный правитель по имени император Петр, который разом реформировал страну, стал учиться у таких цивилизованных стран, как Англия, Франция и Голландия, основал школы, организовал армию и флот, защищал то, что внутри, и нападал на то, что снаружи. Он не только поставил [Россию] в один ряд со странами Европы, но и заложил основы настолько великой империи, что добрая слава [о нем] до сих пор гремит по всему миру» [17: 625–626].

Итак, в трудах ранних мэйдзийских просветителей Петр I предстает величайшим правителем в истории России, которому, благодаря мудрости, прозорливости и стремлению к новым знаниям, удалось полностью перестроить Россию и сделать из нее современное европейское государство и крупнейшую в мире империю. В целом нарратив о Петре наследует текстам токугавских авторов, таких как Ватанабэ Кадзан и Сакума Сёдзан, при этом у Фукудзава наблюдается уже повышенное внимание к личным качествам российского правителя, происходит его «очеловечивание», которое еще больше проявится на следующем этапе.

ПЕРВЫЕ ОТДЕЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ ПЕТРА I В ЯПОНИИ И ЕГО ОБРАЗ

В отличие от трудов просветителей и школьных учебников по всемирной истории, где повествование о Петре велось в более широком контексте истории России с акцентом на его революционную роль в ней, в период Мэйдзи стали появляться также тексты, внимание которых было сосредоточено именно на жизни и личности российского правителя, то есть его биографии. Вообще, жанр биографии был знаком японскому читателю издавна и, хотя и имел свои социокультурные особенности, всегда оставался важным педагогическим ресурсом, как и в других культурах. Биография как жанр письменной культуры Японии восходит к соответствующим разделам китайских династийных историй [3: 10–15], а также к буддийским жизнеописаниям достойных монахов. В период Эдо (1603–1867) получили широкое распространение сборники текстов и серии гравюр на тему проявления сыновней почтительности или вассальной преданности, которые также можно рассматривать как частный случай биографий. Накануне и в начале периода Мэйдзи, когда, с одной стороны, обозначилась определяющая роль харизматических личностей в революционных событиях, а с другой – началось проникновение западных идей индивидуализма, жанр биографии обрел новое дыхание. В это время начинают активно издаваться сборники биографий как японцев, например «Жизнеописания знаменитых вассалов императорского двора» (яп. «Ко:тё: мэйсиндэн» 皇朝名臣傳), так и выдающихся деятелей Запада. И если первые в обилии содержали примеры служения трону, то вторые могли поведать о личных качествах, необходимых для такого служения в новую эпоху.

Сборники биографий иностранцев, как правило, переводились с европейских языков. Одним из первых изданий такого рода стали «Жизнеописания великих героев Запада» (яп. «Сэйё: эйкэцу дэн» 西洋英傑傳) 1872 года. Это был перевод сочинения некоего англичанина Фразера (личность автора, как и точные выходные данные оригинала, установить не удалось), выполненный Сакурадо Тио (другое имя – Ямаути Токусабу-ро). Сборник содержал пять биографий (в порядке следования тетрадей): Эдуарда Черного принца, Петра Великого, Жанны д'Арк, Джорджа Вашингтона и Наполеона. Жизнеописание Петра составляет в сборнике отдельную тетрадь из 35 листов. В нем довольно подробно, в хронологическом порядке излагается жизнь и деяния российского императора. Для данного исследования интерес представляет вводный абзац, в котором

дается общая характеристика фигуры Петра. Приведем его полностью:

«В истории Петра издавна называют Императором Всероссийским или Отцом Российского государства. Так его почтительно называл народ. Он добросовестно управлял государством, не только выполнял обязанности главнокомандующего, но и владел навыками рядового солдата, тщательно изучал как богословие, так и естественные науки, и не было никого во всей стране, кто бы превосходил его в этом. Кроме того, он досконально разбирался как в исторических преданиях прошлых поколений, так и в механике, а также имел заслуги в кораблестроении и владел искусством мореплавания. Все люди, жившие в ту эпоху, знали о нем и говорили, что ни тогда, ни прежде в мире не бывало такого образованного и всесторонне талантливого правителя. Он усмирив волнения, добился мира и спокойствия, благодаря чему приобрел славу прозорливого и героического человека. Хотя издавна монархов было числом не счесть, но Великий император своими заслугами опередил их всех, и никто даже близко не мог с ним сравниться»⁶.

Как видно, автор этого текста в первых строках сосредотачивает внимание читателя не на деяниях и реформах Петра, которыми он прежде всего известен, а на его личных качествах, навыках и знаниях. Он видит величие императора именно в постоянном стремлении к обучению и саморазвитию в самых разных жизненных сферах, а помещая эту характеристику в начало текста, заранее объясняет все дальнейшие свершения и успехи Петра именно этими качествами. Это в целом соотносится и с жанровой спецификой текста: сборник биографий великих людей, обращенный к широкому читателю, и прежде всего к молодому, призван указать на ценности и приоритеты, которые необходимы в текущее время.

Первые отдельные издания биографии Петра I стали появляться в Японии также в период Мэйдзи, однако ближе к его концу. Насколько удалось установить, первым сочинением такого рода в Японии стала книга Акино Сигэхиро «Петр Великий» (яп. «Пэ:тору тайтэй» 伯多大帝), увидевшая свет в 1896 году. Акино Сигэхиро – писательский псевдоним Сакаи Кацуточи (1874–1940), известного японского христианского миссионера, оккультиста и основоположника теории об общем происхождении японцев и евреев. За свою жизнь он написал и перевел на японский язык множество книг, однако именно биография Петра I стала его первым писательским опытом. Строго говоря, «Петр Великий» не являлся от начала до конца его авторским трудом: в предисловии к книге Акино пишет, что ее «скелетом» стал перевод главы «Жизнь Петра Великого» из сочинения английского переводчика и детского писателя Генри Вильяма Далкена (1832–1894)

«Достойные люди мира» (“Worthies of the World”, London, 1880), а «плотью и кровью» – книги европейцев и «особенно русских», которые он использовал для справки или конспектировал, добавив при этом и собственные оценки⁷.

О том, что сподвигло Акино Сигэхиро взяться за написание биографии Петра, сам он умалчивает, однако на этот вопрос проливает свет некий Хиракава Сёси, написавший предисловие к книге. Он сообщает, что однажды у него с будущим автором зашел разговор о Петре, и Хиракава, заметив, как воодушевился Акино, посетовал, что до сих пор не написана биография великого императора. Акино сказал на это, что он взялся бы за нее, если бы ему доставало способностей, на что Хиракава ответил: «Говоря так, ты уже являешься ее автором, но надо лишь уделить этому немного времени»⁸. После этого Акино стал дни и ночи проводить в библиотеке, забывшая о еде и сне, и уже через десять дней рукопись книги была готова.

Основное содержание книги Акино Сигэхиро составляют восемь глав, в которых последовательно излагается жизнь и деятельность Петра I. Главы называются по периодам жизни императора: «Рождение Петра», «Детство Петра», «Отрочество Петра», «Юность Петра», «Петр в молодые годы», «Петр в зрелые годы», «Последние годы Петра», «Смерть Петра». Эти главы предваряются также вступительной главой, названной просто «Петр». В ней автор рисует метафорическую картину величественного пейзажа и одинокого орла посреди него. Затем, процитировав известное стихотворение Сакума Сёдзан о Петре I [11: 115], он подводит к раскрытию образа:

«Эти строки о правителе страны, которая, подобно свирепому орлу, раскинула свои воинственные крылья на запад и восток, окидывает пронзительным взглядом север и юг и только и ждет, чтобы взмыть вверх на десять тысяч ри. Именно Петр Великий вдохнул в Поднебесную Российскую империю и проложил ей путь к развитию»⁹.

Однако с точки зрения образа Петра интерес представляет заключительная глава, большая часть которой посвящена не столько обстоятельствам смерти Петра, как могло бы следовать из названия, сколько авторским оценкам его фигуры и деятельности. Акино задается вопросом: каким же человеком был Петр? И отвечает на него следующим образом:

«Он был необразованным мелким человеком (сяожэнь), неспособным обучить себя самостоятельно. Однако он был и широко эрудированным совершенным мужем (цзюньцзы), в одиночку обучившим великую им-

перию. При этом, способный преобразить свою страну, он оказался неспособен исправить собственное сердце. Он был жестоким рабом, который вершил дела, забыв о сострадании и Дао-пути. Но при этом он был также великодушным хозяином, который, забыв о себе, помогал нуждающимся людям. Он безжалостно заставлял людей нести службу, но и сам служил так же, как они»¹⁰.

Как видим, Акино описывает личность Петра, используя традиционные конфуцианские категории: «сяожэнь», «цзюньцзы», «Дао-путь», «исправление сердца (сознания)» и т. д. Эта ориентация на традиционную форму жизнеописаний в династийных историях отражает, на наш взгляд, общую тенденцию второй половины периода Мэйдзи (1890–1900-е годы) к отходу от европейских моделей в пользу традиционных японских и китайских, в первую очередь в сфере образования. Что же касается содержания оценки, то Акино в первую очередь акцентирует внимание на двойственности и противоречивости фигуры Петра, в которой и скрывался его революционный и уникальный для истории России потенциал. Он заключает свою оценку следующим высказыванием:

«Если меня попросят описать одной фразой, каким человеком был Петр, я отвечу: “Ради того, чтобы стать великим, создать Империю и построить Nation, он отказался от царского титула и стал плотником”»¹¹.

Спустя всего четыре года после выхода книги Акино Сигэхиро, в 1900 году увидела свет еще одна отдельная биография Петра I. Называлась она так же «Петр Великий», хотя имя царя было записано другими иероглифами (яп. «Пэ:тору тайтэй» 彼得大帝). Автором ее стал недавний выпускник юридического факультета Токійского императорского университета, молодой помощник судьи Сато Нобуясу (1874–1964). Книга состоит из короткого предисловия и девяти глав. В предисловии к книге, говоря о мотивах написания биографии Петра, Сато пишет, что, испытывая любовь к историческим и особенно биографическим книгам, он недавно прочел жизнеописание Петра, написанное неким французом, глубоко прочувствовал характер Петра и величие его деяний и осознал, что сегодняшние богатство и мощь России неслучайны, а потому, преисполненный глубоких и искренних чувств, он выполнил сокращенный перевод жизнеописания и, с тем чтобы пробудить простых людей, решил издать его в серии «Рассказов о мировой истории»¹². Первая глава вводная, в ней автор рассказывает об истории России до Петра, а восемь остальных повествуют об основных вехах жизни и правления царя: «Рождение Петра», «Детство Петра», «Молодость Петра», «Поездки Петра

за границу», «Реформы внутреннего управления Петра», «Дипломатия и войны Петра», «Последние годы жизни Петра» и «Личность Петра». Для нашего исследования особый интерес представляет именно последняя глава. Сато обращает внимание, что личность Петра формировалась в условиях внутренних и внешних неурядиц в стране, в обстановке постоянной борьбы за власть между потомками царя Алексея Михайловича и угрозы со стороны соседних держав: Турции, Польши и Швеции. Он предполагает, что все сильные и слабые черты характера будущего императора сложились как ответ на все эти внешние вызовы. Как и многие авторы до него, Сато придает большое значение тяге Петра к образованию, но отмечает его постоянный недостаток ввиду взрывного характера, неусидчивости и превосходства чувств над разумом. В отличие от Акино Сигэхиро, Сато Нобуясу однозначно называет Петра «совершенным мужем» (*цзюнь-цзы*), приводя пример из его жизни, когда он отменил смертный приговор одному из подданных, прислушавшись к его предсмертной речи, в которой тот указал на бессмысленность казней несогласных при отсутствии попыток устранить причину несогласия. Сато пишет, что Петр высоко ценил бесстрашие, обладал необычайной выносливостью, но самым выдающимся его качеством было то, что он умел своим трудом показать пример другим и заразить их своими планами¹³. Не менее важным, чем авторская оценка личности Петра, для настоящего исследования является то, что Сато Нобуясу поместил в заключительной главе своего труда текст так называемого «Завещания Петра Великого». Насколько удалось установить, это первый опубликованный перевод данного текста на японский язык. Как известно, этот апокрифический текст был составлен в первой трети XIX века, вероятнее всего, во Франции и неоднократно использовался для антироссийской пропаганды в странах Европы¹⁴.

Точно неясно, какой текст Сато Нобуясу использовал для перевода. Возможно, это был наиболее распространенный полный французский текст Ф. Гайярде 1836 года. Примечательно, что в переводе Сато Нобуясу появилась одна неточность, которая позже позволила использовать «Завещание» для антироссийской пропаганды и в Восточной Азии. В девятом пункте «Завещания» говорилось о необходимости «восстановить древнюю левантийскую торговлю через Сирию». В переводе Сато слово *Сирия* при сохранении иероглифической записи (西利

亜) сопровождается записанным азбукой чтением *Сибэриа* (Сибирь), а слово *Левант* (來般多) транскрибировано как *Кякута*, то есть Кяхта. В результате одним из пунктов «Завещания» было «восстановить древнюю кяхтинскую торговлю через Сибирь»¹⁵. Японский историк Торияма Сигэто, комментируя этот факт, предполагает, что исправление в японском переводе «Завещания» было сделано намеренно для японских читателей [15: 3–4].

Сам Сато Нобуясу оставляет текст «Завещания» практически без комментария, замечая лишь, что, «прочитав его, можно понять, в чем состояли намерения курса Петра», а также что «дальнейшее строительство империи действительно основывалось на этом завещании»¹⁶. Однако, если вспомнить, что книга Сато Нобуясу увидела свет в 1900 году, публикация текста «Завещания» оказалась к месту. Уже спустя четыре года, когда началась Русско-японская война, текст появился, например, на страницах «Краткой истории России» Идзита Мосити, последняя глава которой была посвящена анализу истоков российско-японского столкновения в Китае¹⁷. Кстати, в этой книге *Сибирь* и *Кяхта* в тексте «Завещания» уже были записаны азбукой, с однозначным чтением¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сказать, что к началу Русско-японской войны история образа Петра Великого в Японии сделала полный круг и замкнулась. В конце XVIII века проникновение первых сведений о Петре и формирование его образа было тесно связано с потребностью японцев объяснить внезапное появление у своих северных границ дотоле почти неизвестного могущественного государства – России. Затем, в первой половине XIX века, акцент в восприятии фигуры Петра сменился: российский правитель и его революционные преобразования стали использоваться как возможная модель для Японии. В начале периода Мэйдзи, когда правящие круги Японии все же решились использовать эту модель на практике, все больший интерес начинают привлекать личность и характер Петра, позволившие ему претворить в жизнь великие замыслы, при этом Петр уже может служить примером не только для государственных лидеров, но и рядовых японцев, прежде всего молодых. Наконец, к концу периода Мэйдзи, когда Японии удалось в те же сроки, что и Петру, модернизировать государство, армию и экономику, ей пришлось встретиться лицом к лицу с результатами политики Петра и его потомков, основы которой

нашли отражение в апокрифическом «Завещании». В то же время едва ли можно говорить о некоем едином для Японии периода Мэйдзи образе Петра Великого. Речь, скорее, идет об общих тенденциях в анализе фигуры и деятельности Петра. В этом смысле мы наблюдаем, что на первый план выходит человеческое измерение. С одной стороны, сами авторы все более смелы в своей оценке и критике, они все меньше абсолютизируют и подмечают негативные черты как в личности, так и в правлении Петра. Благодаря этому, с другой стороны, очеловечивается и образ Петра: обожествляющие метафоры, наблюдавшиеся в период Токугава, теперь едва ли возможны. В то же время при оценке Петра в ряде текстов по-прежнему активно используется конфуцианская терминология, позволяющая поместить российского правителя в традиционную для жанра биографий систему оценок.

В заключение нельзя не обратить внимания на то, что ни один из рассмотренных японских авторов не прибегает к сравнению Петра и его деятельности с современным им императором Мэйдзи. На наш взгляд, это может объясняться сакральным статусом царствующего тэнно, не позволявшим оценивать или сравнивать его с другими правителями, которые к тому же на глазах очеловечивались. Примечательно, что в первом посмертном жизнеописании Мэйдзи, составленном его придворными, сравнение с Петром озвучивается в разделе, посвященном воинским добродетелям императора, однако оно вкладывается в уста иностранцев [5: 462–463]. Таким образом, придворным идеологам удалось поставить Мэйдзи и Петра I в один ряд, при этом не посягнув на сакральность Мэйдзи и даже придав объективного веса его заслугам с помощью апелляции к иностранным оценкам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Судя по оглавлению, предваряющему 1-й том сочинения, вышедший в 1866 году, изначально Фукудзава предполагал включить в тома второго выпуска книги описания Португалии и Пруссии, а также небольшой параграф о Бельгии, однако в итоговом издании второго выпуска в 1870 году этих описаний не было.
- ² М. К. Ковальчук в своей статье почему-то пишет, что сведений о продаже Аляски в труде Фукудзава нет [4: 64].
- ³ 内田正雄。輿地誌略。第二編、第七卷。敦賀、1874年。4頁 (Утида Масао. Краткое описание стран мира. Вып. 2. Т. 7. Цуруга: Цуруга кэн гакко, 1874. С. 4).
- ⁴ Там же. С. 19.
- ⁵ Там же. С. 20.
- ⁶ 西洋英傑傳。第二卷。魯西亜大帝伯德球。東京、1872年。1頁 (Жизнеописания великих героев Запада. Т. 2. Жизнеописание российского императора Петра Великого. Токио: Эйрандо, 1872. С. 1).
- ⁷ 秋野茂広。伯多大帝。東京、1896年。II頁 (Акино Сигэхиро. Петр Великий. Токио: Ансокунити гакко: симбунся, 1896. С. II).
- ⁸ Там же. С. I.
- ⁹ Там же. С. 1–3.
- ¹⁰ Там же. С. 71.
- ¹¹ Там же. С. 73.
- ¹² 佐藤信安。彼得大帝。東京、1900年。3頁 (Сато Нобуясу. Петр Великий. Токио: Хакубункан, 1900. С. 3). Это была 20-я книга серии, в которой в 1899–1902 годах вышло 36 книг.
- ¹³ Там же. С. 120–124.
- ¹⁴ Шубинский С. Мнимое завещание Петра Великого // Древняя и новая Россия. 1877. № 1. С. 97–106.
- ¹⁵ Сато Нобуясу. Указ. соч. С. 128.
- ¹⁶ Там же. С. 132.
- ¹⁷ 伊地知茂七。露西亜小史。東京、1904年。189–208頁 (Идзита Мосити. Краткая история России. Токио: Гансё:до:, 1904. С. 189–208).
- ¹⁸ Там же. С. 88.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вада Харуки. Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 50–61.
2. Воробьева Е. С. Россия и Япония: опыт культурной модернизации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 42–46.
3. Вяткин Р. В. Вступительная статья // Сыма Цянь. Исторические записки. Т. VII. М.: Восточная литература, 1996. С. 10–28.
4. Ковальчук М. К. Фукудзава Юкити «Сэйё дзидзё»: взгляд на Россию через призму европейских источников // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 53–66.

5. Мещеряков А. Н. Первое жизнеописание императора Мэйдзи // История и культура традиционной Японии (Труды института восточных культур и античности. Вып. XVI). М.: РГГУ, 2008. С. 449–468.
6. Панов А. Н. Эпоха реформ в России и Японии (середина XIX века – начало XX века) // Ежегодник Японии. 2015. Т. 44. С. 304–337.
7. Самойлов Н. А. Император Мэйдзи и Петр Великий: образ правителей-реформаторов в китайской общественной мысли конца XIX века // Япония XXI NOVA: эра и век. Исследования российских и зарубежных ученых, посвященные наступлению девиза годов Рэйва [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения». № 8]. СПб.: Art-xpress, 2020. С. 587–599.
8. Шарова А. Б. Утида Масао. Возвращение имени // Вестник Московского государственного университета. Сер. 13: Востоковедение. 2018. № 2. С. 87–100.
9. Шарова А. Б. Описание Европейской части России и Сибири в географическом сочинении Утида Масао «Ёти сиряку» // Манускрипт. № 1. Тамбов: Грамота, 2020. С. 70–74. DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.14
10. Шарова А. Б. Описание стран в географической энциклопедии Утида Масао «Ёти сиряку»: Голландия // История и культура Японии. Вып. 12. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 344–349.
11. Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490.
12. Щепкин В. В. Реформы Петра I как модель для Японии в сочинениях конца периода Эдо // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 82–91. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91
13. 亀井 拓. 明治期における地理教育—小学教育を中心に。『文化交渉: 東アジア文化研究科院生論集』、2015年、第4号、125–146頁。(Камэи Таку. Географическое образование в период Мэйдзи: на примере младшей школы // Культурные связи: Сборник статей магистрантов кафедры исследований культур Восточной Азии. 2015. № 4. С. 125–146).
14. 岡崎 勝世. 日本における世界史教育の歴史—普遍史型万国史の時代。『埼玉大学紀要』、第51号、第2編、2016年、21–64頁 (Окадзаки Кацую. История преподавания всемирной истории в Японии: эпоха истории стран мира по образцу универсальной истории // Ученые записки университета Саитама. 2016. Т. 51. Вып. 2. С. 21–64).
15. 鳥山 成人. ピョートル大帝の「遺書」について。『ロシア史研究』、1992年、第52号、10頁 (Торияма Сигэто. О «Завещании» императора Петра Великого // Исследования по истории России. 1992. Т. 52. С. 3–10).
16. 福沢 諭吉. 西洋事情. 福沢諭吉全集、第1巻、東京、慶応義塾、1958. 275–608頁 (Фукудзава Юкити. Положение дел на Западе // Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити. Т. 1. Токио, 1958. С. 275–608).
17. 福沢 諭吉. 世界國盡. 福沢諭吉全集、第2巻、東京、慶応義塾、1959. 579–668頁 (Фукудзава Юкити. Все страны мира // Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити. Т. 2. Токио, 1959. С. 579–668).
18. Fedukin I. “Westernizations” from Peter I to Meiji: war, political competition, and institutional change // Theory and Society. 2018. Vol. 47 (2). P. 207–231.

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 28.04.2022

Original article

Vasilii V. Shchepkin, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg, (St. Petersburg, Russian Federation)
vshepkin@gmail.com

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN MEIJI JAPAN

Abstract. The article presents the results of an ongoing study, the purpose of which is to identify the features of the sociocultural adaptation of the image of the Russian Emperor Peter the Great in Japan. This article examines the Meiji period (1868–1912), when the example of Peter the Great's reforms began to be applied in Japan. To achieve the goal, the following tasks were set: to select the most representative texts about Peter the Great in terms of the breadth of their distribution and to carry out a qualitative content analysis of these texts. The main sources of research were the works of the Japanese enlighteners of the second half of the XIX century on world history and geography, school textbooks, collections of biographies of prominent people, as well as the first individual biographies of Peter the Great in Japanese. It was revealed that in the works of the authors at the beginning of the Meiji period Peter the Great is represented as the greatest ruler in the history of Russia, who, thanks to his wisdom, insight, and desire for new knowledge, managed to completely rebuild Russia and make it a modern European state and the world's largest empire. In general, the narrative about Peter the Great succeeds the texts of the authors of the first half of the XIX century, such as Watanabe Kazan and Sakuma Shozan, while there is an increased attention to the personal qualities of the Russian ruler, his “humanization” takes place, which becomes even more pronounced towards the end of the period. Peter the Great begins to serve as an example not only for state leaders, but also for the ordinary Japanese. At the same time, in the context of the intensified confrontation between Japan and Russia in East Asia in the late XIX century, the authors again focus on the origins and

goals of the expansionist policy of the Russian emperor. Thus, the article for the first time reveals the features of the interpretation and adaptation of the image of Peter the Great in Japan during the second half of the XIX and the early XX centuries.

Keywords: Peter the Great, image of Russia, history of Japan, Meiji period, Emperor Meiji, Russian-Japanese relations

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 “Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation”.

For citation: Shchepkin, V. V. The image of Peter the Great in Meiji Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.770

REFERENCES

1. Wada, Haruki. Perceptions of Russia in Japan: teacher, enemy, fellow in suffering. *Russia and Japan in the studies by Soviet and Japanese researchers*. Moscow, 1986. P. 50–61. (In Russ.)
2. Vorobyova, E. S. The experience of culture modernization in Russia and Japan. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2016;4(24):42–46. (In Russ.)
3. Vyatkin, R. V. Introduction. *Sima Qian. Records of the Grand Historian*. Vol. VII. Moscow, 1996. P. 10–28. (In Russ.)
4. Kovalchuk, M. K. Fukuzawa Yukichi’s “Seiyo: jijo”: Japanese view on Russia through the lens of European sources. *Russia and the Pacific*. 2018;2:53–66. (In Russ.)
5. Meshcheryakov, A. N. First biography of Emperor Meiji. *History and culture of traditional Japan (Proceedings of the Institute of Oriental and Classic Studies, Issue XVI)*. Moscow, 2008. P. 449–468. (In Russ.)
6. Panov, A. N. Period of reforms in Russia and Japan (from the mid-XIX to the early XX centuries). *Yearbook Japan*. 2015;44:304–337. (In Russ.)
7. Samoylov, N. A. Emperor Meiji and Peter the Great: the image of reforming rulers in Chinese social thought in the late XIX century. *Japan XXI NOVA: era and century. Studies by Russian and foreign researchers dedicated to the beginning of Reiwa era [Issues of Japanology, No 8]*. St. Petersburg, 2020. P. 587–599. (In Russ.)
8. Sharova, A. B. Uchida Masao. Returning the name. *MSU Vestnik. Series 13. Orientalism*. 2018;2:87–100. (In Russ.)
9. Sharova, A. B. Description of European Russia and Siberia in the geographical work “Yochi shiryaku” by Uchida Masao. *Manuscript*. 2020;1:70–74. DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.14 (In Russ.)
10. Sharova, A. B. Description of world countries in Uchida Masao’s “Yochi shiryaku”: Holland. *History and Culture of Japan*. Issue 12. Moscow, 2020. P. 344–349. (In Russ.)
11. Shchepkin, V. V. Early information about Peter I and shaping of his image in Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490 (In Russ.)
12. Shchepkin, V. V. Reforms by Peter the Great as a model for Japan in the writings of the late Edo period. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021;20(10: Oriental Studies):82–91. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91 (In Russ.)
13. 亀井拓。明治期における地理教育—小学教育を中心に。『文化交渉: 東アジア文化研究科院生論集』、2015年、第4号、125–146頁。
14. 岡崎勝世。日本における世界史教育の歴史—普遍史型万国史の時代。『埼玉大学紀要』、第51号、第2編、2016年、21–64頁。
15. 鳥山成人。ピョートル大帝の「遺書」について。『ロシア史研究』、1992年、第52号、3–10頁
16. 福沢諭吉。西洋事情。福沢諭吉全集、第1巻、東京、慶応義塾、1958。275–608頁
17. 福沢諭吉。世界國盡。福沢諭吉全集、第2巻、東京、慶応義塾、1959。579–668頁
18. Fedyukin, I. “Westernizations” from Peter I to Meiji: war, political competition, and institutional change. *Theory and Society*. 2018;47(2):207–231.

Received: 28 March, 2022; accepted: 28 April, 2022

АННА МИХАЙЛОВНА ХАРИТОНОВА

ассистент кафедры теории общественного развития стран
Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-4234-5579; a.kharitonova@spbu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВЬЕТНАМЦЕВ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ ВО ВЬЕТНАМОЯЗЫЧНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСАХ

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования продиктована интенсификацией отношений Российской Федерации со странами Азии и ростом интереса к российскому политическому опыту среди представителей вьетнамской общественности. Вьетнам в этом контексте является одним из примеров двустороннего взаимодействия. В качестве источников взяты вьетнамские школьные учебники по истории, научно-популярные издания, комиксы и видеоматериалы. Основной методологический подход – концепция социокультурного взаимодействия двух государств. Для вьетнамских авторов важна преемственность ключевых государственных лиц и исторических эпох Российского государства. В учебниках, комиксах, видеоматериалах прослеживается единство восприятия России посредством оценки деятельности Ивана IV, Петра I, Екатерины II, В. И. Ленина и современной России в лице В. В. Путина как устроителей сильного государства. Обязательным для авторов комиксов становится иллюстрация политики России на Дальнем Востоке: продвижение Петра до Камчатки, торговля с Китаем, освоение Сибири в период правления Екатерины II, расширение территории Российской империи до Аляски, организация торговой экспедиции в Японию. Важность передачи подобной информации объясняется непосредственной географической близостью территории России со странами Азии. Продвижение позитивного образа России во Вьетнаме на примере Петра Великого является продуктивным и способно плодотворно влиять на двусторонние отношения. Это важный и трудоемкий процесс в эпоху информационного давления на людей, когда положительные образы используются в различных целях.

Ключевые слова: Петр Великий, образ Петра Великого во Вьетнаме, школьные учебники, комиксы, видеоматериалы на вьетнамском языке

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Для цитирования: Харитонов А. М. Формирование представлений вьетнамцев о Петре Великом во вьетнамоязычных образовательных ресурсах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 90–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.771

ВВЕДЕНИЕ

Научная тема, связанная с изучением восприятия Петра Великого в странах Восточной Азии и во Вьетнаме, его реформаторской деятельности и внешней политики, представляется достаточно продуктивной. Причиной этому является тот факт, что образы и восприятие того или иного исторического явления в современном мире представляют собой довольно подвижные конструкции, поддающиеся изменениям, подверженные влиянию внешних и внутренних факторов. Актуальность исследования продиктована международно-политической ситуацией и активизацией отношений России со странами Азии. Россия имеет длительную историю взаимо-

действия со странами Востока. Одним из таких примером является Вьетнам, двусторонние связи с которым насчитывают не одно десятилетие. Страны связывает сотрудничество в разных областях, таких как политика, экономика, культура, образование и туризм. Изучение образов российской культуры и истории России во Вьетнаме имеет важное значение, поскольку дает возможность понять процесс формирования представлений о России в сознании вьетнамцев – одного из ключевых партнеров Российской Федерации в Юго-Восточной Азии в политической и торгово-экономической сферах. Страницы истории диалога России и Вьетнама заставляют наши государства более внимательно изучать историческое

наследие друг друга. Кроме того, государство и общество выбирают те образы и явления мировой истории, которые способны встать на службу национального строительства сильного государства. Значение российского императора Петра I в истории реформирования и усиления России сложно переоценить. В этой связи закономерны следующие вопросы: какое место занимают сведения о Петре Великом во Вьетнаме в рамках знакомства с историей России? Какие события его биографии упоминаются? Является этот образ положительным или отрицательным? Как образ Петра I встраивается в изучение истории России во Вьетнаме? С этой целью были выбраны школьные учебники, научно-популярные издания, комиксы и видеосюжеты, в которых содержатся сведения о Петре I и истории России.

В вопросе изучения образа Петра I в странах Восточной Азии достигнуты положительные результаты. Группа ученых из СПбГУ опубликовала ряд статей, связанных с личностью императора, посвященные образу Петра I и японского императора Мэйдзи (1852–1912) в китайской публицистике, наполненной идеями реформирования Цинского Китая на рубеже XIX–XX веков [3]; китайским и вьетнамским переводам произведений А. С. Пушкина о Петре I [2]; формированию образа Петра I в Японии [5]; образу Петра I в современных южнокорейских СМИ [1] и др.

Вьетнамские авторы, перечисляя деяния Петра Великого, как правило, выделяют то, что он основал город Санкт-Петербург, который в дальнейшем стал ассоциироваться с колыбелью Октябрьской революции. Это становится значимым, поскольку данное историческое событие пристально изучается в Социалистической Республике Вьетнам, о чем свидетельствуют вьетнамские учебники по истории, туристические путеводители и видеосюжеты.

Стоит обратить внимание, что по-вьетнамски российского императора называют «Петр Великий», следуя за западной традицией в написании имени (Peter Đại đế – вариант, ориентируемый на английский язык; Piót или Pyotr Đại đế – ориентация на русский язык; Pierre Đại đế – ориентация на французский язык; Pi-e Đại đế и Pi-tơ Đại đế – менее распространенный, но более приближенный вариант к вьетнамской фонетике). Во всех случаях используется слово «Великий», а не «Первый». Сочетание «Петр Первый» (Pie Đệ Nhất) устойчиво ассоциируется с литературным героем исторического романа А. Н. Толстого (Alêxhêi Tônxtôi, 1883–1945). Подробнее о написании имени российского императора можно узнать из статьи А. М. Харитоновой [4].

УЧЕБНИКИ ПО ИСТОРИИ

В ходе разработки данной темы удалось проанализировать вьетнамские школьные учебники по истории, составленные вьетнамскими авторами, одобренные и рекомендованные к изучению Министерством образования и подготовки кадров СРВ (Bộ Giáo dục và Đào tạo). История как самостоятельный школьный предмет преподается с 6-го по 12-й класс; в 4-м и 5-м классах в школьной программе стоит объединенный предмет «История и география». В первом уроке по истории разбирается цель изучения истории и приводится известная цитата Цицерона: «История – учительница жизни» (Lịch sử là thầy dạy của cuộc sống)¹. Первые сведения об истории России появляются в учебнике 8-го класса в рамках изучения общего длительного революционного процесса европейских стран, начиная от промышленных и заканчивая социалистическими революциями (Нидерландская буржуазная революция (1566–1609), Английская революция (1639–1660), Великая французская революция (1789–1799), Война за независимость США (1765–1783) и пр.). Сведений о России XVIII века в этой серии учебников по истории практически нет. О России начала XIX века сообщается, что в 1812 году наполеоновская армия потерпела поражение в войне с Россией². Составители учебника отобрали из истории России те сюжеты, которые связаны со становлением и развитием рабочего движения и социалистической революцией: указ об отмене крепостного права 1861 года (Sắc lệnh giải phóng nông nô)³, появление первой российской марксистской группы «Освобождения труда» 1883 года (nhóm Giải phóng lao động)⁴, биография и революционная деятельность В. И. Ленина⁵, а также его роль в рабочем движении в начале XX века⁶ (V. I. Lê-nin, 1870–1924), революции 1905 года⁷ и 1917 года (Cách mạng Tháng Mười Nga)⁸. В учебнике упоминаются также выдающийся российский ученый М. В. Ломоносов (M. V. Lô-mô-nô-xốp, 1711–1765)⁹, создатель науки о высшей нервной деятельности И. В. Павлов (I. P. Páp-lốp, 1849–1936)¹⁰, писатели Н. В. Гоголь (N. V. Gô-gôn, 1809–1852)¹¹, Л. Н. Толстой (Lép Tôn-xtôi, 1828–1910)¹² и другие выдающиеся деятели культуры.

Россия прочно ассоциируется с Советским Союзом – главной строительной площадкой социализма. Важные страницы истории внешней политики СССР – Вторая мировая война, холодная война, Совет экономической взаимопомощи¹³, успехи в промышленности и освоении космоса¹⁴ – раскрываются на страницах школьного учебника. Таким образом, в данной серии школьных учебников в основном изучается советский период истории России. Тем не менее книги издательств,

публикующих учебную литературу по мировой истории, содержат разделы, посвященные Петру I. В одном из таких разделов «Кого называют “Отцом российского Отечества”?» (Ai được gọi là “Người Cha của Tổ quốc Nga”?)¹⁵ Петр I представлен как образованный монарх, борющийся с невежеством и реформировавший многие сферы жизни общества.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ КОМИКСЫ

В наши дни комиксы занимают определенную нишу в досуге и обучении, позволяя воздействовать на аудиторию одновременно посредством нарратива и визуализации. Информация, содержащаяся в комиксах, как правило, эмоционально окрашена, что позволяет ей быть более доходчивой и доступной широким массам. Рисованные истории или рассказы в картинках во Вьетнаме исторически заимствуются у Китая и существуют уже несколько столетий. Поскольку тема рисованных историй не является ключевой для данной статьи, в качестве справочной информации будет перечислено несколько переводных на вьетнамский язык терминов, обозначающих данное явление: *man họa* (漫畫: manhua – маньхуа; manga – манга и пр.); *liên hoàn họa* (連環畫, последовательные изображения / комиксы); *phong tục họa* (風俗畫, картины народной жизни).

В настоящее время во Вьетнаме так же, как и в других странах, массово публикуются комиксы (*truyện tranh*) в качестве развлекательной и научно-популярной литературы. Вьетнамское издательство юношеской литературы (*Nhà xuất bản Trẻ*) пишет, что в 2001 году оно выпустило первую серию комиксов по истории Вьетнама в рамках программы, инициированной бывшим премьер-министром Во Ван Кьетом (*Võ Văn Kiệt*, 1922–2008)¹⁶. На данный момент имеется несколько версий отечественных исторических комиксов, одно из самых крупных собраний представляет собой издание «История Вьетнама в картинках» (*Lịch sử Việt Nam bằng tranh*), состоящее из 53 томов (*tập*) под общей редакцией Чан Бать Данга (*Trần Bạch Đằng*). Повествование в нем начинается с каменного века и заканчивается событиями новейшей истории.

Помимо национальной истории в комиксах в доступной для массовой аудитории форме разобраны ключевые исторические эпохи мировой истории, в том числе России. В 2016 году во вьетнамском издательстве детской литературы (*Nhà xuất bản Kim Đồng*) вышли комиксы под названием «Абсолютная монархия в Европе» (*Chế độ quân chủ chuyên chế ở Châu Âu*)¹⁷ в серии «Краткая всемирная история в картинках» (*Lược sử thế giới bằng tranh*). Это китайские комиксы (歐洲的君主专制) автора Чжана Ушуня (张武顺)¹⁸,

переведенные на вьетнамский язык. Примечательно, что первым событием, открывающим книгу и эпоху европейских абсолютных монархий, является восхождение Ивана IV на престол в 1547 году. В качестве одного из примеров абсолютных монархий представлена Российская империя в лице Петра I и Екатерины II. Российской истории посвящена глава № 4: «Петр Великий и деяния по расширению России» (*Petr Đại đế và công cuộc mở rộng nước Nga*)¹⁹. Структурно глава разделена на три части: биография и реформы Петра I²⁰; краткая биография, завоевания и реформы Екатерины II²¹; раздел, кратко перечисляющий основные события истории России с акцентом на периоды правления Ивана IV, Петра I и Екатерины II²².

Описание биографии Петра I начинается с общих сведений по истории России: освобождение от монгольского нашествия, об Иване IV, о первых представителях дома Романовых. Будущий царь Петр I проводит свое детство в подмосковном дворце в селе Преображенское. Он показан любознательным и смелым юношей. На одном из изображений он стоит перед портретом Ивана Грозного и отвечает на слова матери, которая предрекает ему трон правителя Российского государства: «Да, мама. Я обязательно стану царем, похожим на Ивана IV»²³. Авторы изображают будущего императора в глазах читателей целеустремленным и решительным человеком, который ощущает себя преемником Ивана Грозного, таким образом продолжая его традицию по укреплению государства. Это однозначно можно воспринимать как формирование положительного образа, поскольку преемственность и традиционализм также присущи политической культуре стран дальневосточного культурного ареала. Повествование подробно останавливается на прилежном обучении корабельному делу молодого российского царя в Европе: «Ради сильной России я обязательно должен научиться корабельному делу»²⁴, – говорит Петр, будучи простым плотником на судостроительных верфях. В этом раскрывается характер русского царя, который обучается новому ремеслу на благо государства, понимая важность создания боеспособного флота для интересов России. Следующий сюжет – это война со Швецией (1700–1721). Северная война велась за возвращение захваченных шведами в XVI–XVII веках русских земель на северо-западе страны и выход к Балтийскому морю. Здесь Петр I представлен решительным полководцем, готовым идти до победного конца. «Во имя величия России, ради выхода к большому морю! В бой!» – говорит Петр I, вступая в войну со Швецией. С целью удержания позиций на Балтийском море император решает основать

новую столицу – Санкт-Петербург. Важная деталь, которая упоминается в комиксах: Россия при Петре I начинает торговлю с Китаем, осваивает территории Дальнего Востока до Камчатки. Последнее событие в жизни Петра I – спасение утопающего в ноябре 1724 года, после которого император заболел и умер.

В комиксе присутствует не вполне понятное изображение, на котором Петр I назначает некоего человека по имени Ур Джимималов (Ur Dzimalov)²⁵ на должность майора 8-го ранга военно-морского флота (Thiếu tá Hải quân cấp tám). Если обратиться к петровскому Табелю о рангах, возможно, имеется в виду VIII класс, которому соответствует военный чин майора и морской чин капитана 3-го ранга. С точки зрения особенностей фонетики можно предположить, что это Ф. Ф. Тиммерман (1644–1702) – голландский купец, учитель Петра I по геометрии и фортификации, корабельному мастерству, астрономии. Однако подтверждений этому факту недостаточно, и вопрос по установлению исторической личности остается открытым.

Петр I представлен истинным патриотом своей страны, самоотверженно стремящимся создать сильное Российское государство. Преданность делу – очень важное качество для человека, безусловно высоко ценимое во Вьетнаме. Обращает внимание то, что Петр I в первую очередь показан как автор внешней политики Российского государства того времени. Значительно меньше внимания уделяется его внутригосударственным реформам: созданию и развитию судостроения, основанию новой столицы и реформированию прежней системы налогообложения.

Прямым продолжателем политики Петра I в комиксах становится Екатерина II, которая черпала вдохновение в решительности государственного строительства своего предшественника. В комиксах акцент сделан на следующие деяния, осуществленные императрицей: война с Османской империей; участие в разделе Польши; подавление восстания Е. Пугачева; деятельность по освоению Сибири; расширение границ Российской империи до территории Аляски; присоединение Курильских островов и организация торговой миссии в Японию. Упоминается даже то, что она вела активную переписку с известным французским философом-просветителем Вольтером (1694–1778).

ВЬЕТНАМСКИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ С ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ

Аудиовизуальные материалы привлекают внимание своей наглядностью и общедоступностью. Различные информационные каналы и со-

общества публикуют образовательные фильмы по длительности примерно от 10 до 20 минут, в которых освещается биография Петра Великого и рассматриваются ключевые исторические события его правления. Типичным биографическим видео является «Петр Великий – человек, превративший Россию во всех отношениях в европейскую империю» (Pyotr Đại đế – Người đưa nước Nga trở thành đế quốc Châu Âu toàn diện)²⁶, опубликованное на образовательном канале «Известные люди» (Người nổi tiếng). Перечисление великих достижений императора начинается с эпитетов, которые, по словам вьетнамских авторов, устойчиво с ним связаны: «Император Востока» (Hoàng đế phương Đông), «Император Всероссийский» (Hoàng đế toàn Nga), «Отец Отечества» (Cha của tổ quốc).

Более информативными в плане выявления образов представляются комментарии, оставленные интернет-пользователями. Петра Великого сопоставляют с французским королем Людовиком XIV (1643–1715) и цинским императором Канси (1654–1722), называя их величайшими правителями в истории своего народа; сравнивают даже с Акбаром I Великим (1542–1605), падишахом Империи Великих Моголов, укрепившим ее могущество путем завоеваний и расширения границ государства. Заимствование технологий западной цивилизации Петром I находит отражение в образе классического китайского романа «Путешествие на Запад», в котором главный герой монах Сюаньцзан следует по Шелковому пути в Индию за буддийскими сутрами.

Видео «Правда о Петре Великом – выдающейся фигуре российской истории» (Sự thật về Peter đại đế – nhân vật kiệt xuất của lịch sử nước Nga)²⁷ было выложено в Интернет 2 марта 2022 года, что позволяет интерпретировать образ Петра Великого как колоритный и актуальный для вьетнамской аудитории. Кроме того, интернет-пользователи связывают российского императора с современной историей, называя Хо Ши Мина (1890–1969) выдающейся личностью подобного масштаба и дискутируя, является ли нынешний президент России его достойным преемником.

В поисках информации о Петре I выяснилась любопытная деталь: с ним во вьетнамских видеосюжетах иногда сравнивают В. В. Путина. Об этом свидетельствуют заголовки к названиям видеороликов: «Владимир Путин: Петр Великий современной России» (Vladimir Putin: Peter Đại đế của nước Nga đương đại)²⁸, «Запад недооценивает Путина – современного российского Петра Великого» (Phương Tây đang đánh giá sai

lầm về Putin – một Peter Đại đế hiện đại của Nga)²⁹ и др. Вьетнамские авторы подчеркивают преемственность исторических эпох и стратегии развития государства, а также выступают за сохранение достижений прошлого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно констатировать, что вьетнамские авторы обращают внимание на преемственность ключевых государственных лиц и исторических эпох Российского государства. В учебниках, комиксах, видеоматериалах прослеживается единство восприятия сильной России посредством оценки деятельности Ивана IV, Петра I, Екатерины II, В. И. Ленина и современной России в лице В. В. Путина как устроителей сильного государства.

Авторы комиксов иллюстрируют политику России на Дальнем Востоке: продвижение рос-

сийских границ до полуострова Камчатка в годы правления Петра I, развитие торговли с Китаем; освоение Сибири в эпоху Екатерины II, расширение территории Российской империи до Аляски; организация торговой миссии в Японию. Важность передачи подобных сведений объясняется непосредственной географической близостью территории России со странами Азии. Вероятно, что продвижение позитивного образа России во Вьетнаме, в том числе посредством освещения образа Петра Великого, является продуктивным и способно давать положительный результат в самых разных областях взаимодействия. Выработка государственно значимых образов, экспортируемых в другие страны, – это важный и довольно трудоемкий процесс в эпоху информационного давления на широкие массы международной аудитории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Lịch sử 6 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: Nhà xuất bản Giáo dục Việt Nam, 2014. P. 5 (История 6 / Фан Нгок Лиен (Главный редактор). Ханой: Изд-во образования Вьетнама, 2014. С. 5).
- ² Lịch sử 10 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: NXB Giáo dục Việt Nam, 2014. P. 158.
- ³ Lịch sử 8 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: NXB Giáo dục Việt Nam, 2013. P. 26.
- ⁴ Ibid. P. 47.
- ⁵ Ibid. P. 48–49.
- ⁶ Lịch sử 10 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: NXB Giáo dục Việt Nam, 2014. P. 200.
- ⁷ Lịch sử 8 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: NXB Giáo dục Việt Nam, 2013. P. 49.
- ⁸ Ibid. P. 75.
- ⁹ Ibid. P. 52.
- ¹⁰ Lịch sử 10 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: NXB Giáo dục Việt Nam, 2014. P. 171.
- ¹¹ Lịch sử 8 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: NXB Giáo dục Việt Nam, 2013. P. 54.
- ¹² Ibid.
- ¹³ 1 Lịch sử 9 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: NXB Giáo dục Việt Nam, 2014. P. 3–12.
- ¹⁴ Lịch sử 12 / Phan Ngọc Liên (Tổng chủ biên). Hà Nội: NXB Giáo dục Việt Nam, 2010. P. 11.
- ¹⁵ Thái Hoàng, Ngô Văn Tuyền. Lịch sử nhìn ra thế giới. Hà Nội: NXB Đại học quốc gia, 1999. P. 47–50 (Тхай Хоанг, Нго Ван Туен. История смотрит на мир. Ханой: Изд-во государственного университета, 1999. С. 47–50).
- ¹⁶ Cơ Hội Cho Truyện Tranh Lịch Sử (Возможности для исторических комиксов). Available at: <https://www.nxbtre.com.vn/diem-tin/co-hoi-cho-truyen-tranh-lich-su-54327.html> (accessed 27.03.2022).
- ¹⁷ Chế độ quân chủ chuyên chế ở Châu Âu / Zhang Wu Shun (chủ biên). Hà Nội: Nhà xuất bản Kim Đồng, 2016. 168 p. (Абсолютная монархия в Европе / Чжан У Шунь (ответственный редактор). Ханой: Изд-во детской литературы, 2016. 168 с.).
- ¹⁸ 张武顺. 欧洲的君主专制. 湖南科学技术出版社, 2013. 176 p. (Чжан Ушунь. Абсолютная монархия в Европе. Хунаньская научно-техническая пресса, 2013. 176 с.).
- ¹⁹ Chế độ quân chủ chuyên chế ở Châu Âu / Zhang Wu Shun (chủ biên). Hà Nội: Nhà xuất bản Kim Đồng, 2016. P. 143–166.
- ²⁰ Ibid. P. 144–158.
- ²¹ Ibid. P. 158–162.
- ²² Ibid. P. 163–166.
- ²³ Ibid. P. 147.
- ²⁴ Ibid. P. 152.
- ²⁵ Ibid. P. 157.
- ²⁶ Pyotr Đại đế – Người đưa nước Nga trở thành đế quốc Châu Âu toàn diện (Петр Великий – человек, превративший Россию во всех отношениях в европейскую империю). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=dbubSCTMtVE> (accessed 27.03.2022).
- ²⁷ Sự thật về Peter đại đế – nhân vật kiệt xuất của lịch sử nước Nga (Правда о Петре Великом – выдающейся фигуре российской истории). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ATjVVBZNXNQ> (accessed 27.03.2022).
- ²⁸ Vladimir Putin: Peter Đại đế của nước Nga đương đại (Владимир Путин: Петр Великий современной России). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=73ESh5RvIDw> (accessed 27.03.2022).
- ²⁹ Phương Tây đang đánh giá sai lầm về Putin – một Peter Đại đế hiện đại của Nga (Запад недооценивает Путина – современного русского Петра Великого). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=YxoUBmB7-bg> (accessed 27.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьева А. А. Российский царь Пётр I в южнокорейских СМИ XXI века // Современные проблемы Корейского полуострова: Материалы XXV конф. корееведов России и стран СНГ, Москва, 25–26 марта 2021 года. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2021. С. 290–299. DOI: 10.48647/IFES.2021.20.96.028
2. Маяцкий Д. И., Харитонova А. М. Переводы произведений А. С. Пушкина о Петре Великом на китайский и вьетнамский языки // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сб. материалов V Междунар. научно-практ. очно-заочной конф. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2020. С. 229–238.
3. Самойлов Н. А. Император Мэйдзи и Петр Великий: Образ правителей-реформаторов в китайской общественной мысли конца XIX века // Япония XXI NOVA: эра и век / Сост. В. М. Алпатов, С. И. Амара и др. СПб.: Art-xpress, 2020. С. 587–599.
4. Харитонova А. М. Об особенностях изображения Петра Великого во вьетнамской сети Интернет // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. очно-заочной конференции. Краснодар: КубГТУ, 2021. С. 520–528.
5. Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 28.04.2022

Original article

Anna M. Kharitonova, Teaching Assistant, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4234-5579; a.kharitonova@spbu.ru

FORMATION OF THE VIETNAMESE REPRESENTATIONS ABOUT PETER THE GREAT IN VIETNAMESE-LANGUAGE EDUCATIONAL RESOURCES

Abstract. The relevance of the study is dictated by the intensification of relations between the Russian Federation and Asian countries. Vietnam in this context is one of the positive examples of bilateral cooperation. Vietnamese school history books, popular science publications, comics and video materials are used as research sources. Methodologically, the study is carried out within the framework of the concept of sociocultural interaction between the two states. For the Vietnamese authors, the continuity of key state officials and Russia's historical eras is important. In school textbooks, comics and videos, one can trace the unity of perception of Russia through evaluating Ivan IV, Peter the Great, Catherine II, Vladimir Lenin and Vladimir Putin (representing modern Russia) as the organizers of a strong state. For the authors of comics, it becomes mandatory to illustrate Russia's policy in the Far East: Peter the Great's advance to Kamchatka, trade with China, the development of Siberia by Catherine II, the expansion of the territory of the Russian Empire to Alaska, the organization of a trading mission to Japan. Promoting a positive image of Russia in Vietnam, in particular through the image of Peter the Great, is productive and can bring positive results for the bilateral relations. This is an important and time-consuming process in the era of information pressure on people, when positive images are used for various purposes.

Key words: Peter the Great, image of Peter the Great in Vietnam, school textbooks, comics, videos in Vietnamese

Acknowledgements. The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation".

For citation: Kharitonova, A. M. Formation of the Vietnamese representations about Peter the Great in Vietnamese-language educational resources. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):90–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.771

REFERENCES

1. Guryeva, A. A. Russian tzar Peter the Great in South Korean press of the XXI century. *Contemporary issues of the Korean Peninsula: Proceedings of the XXV Conference of Russian and CIS Koreanists, Moscow, March 25–26, 2021*. Moscow, 2021. P. 290–299. DOI: 10.48647/IFES.2021.20.96.028 (In Russ.)
2. Maiatskii, D. I., Kharitonova, A. M. Translations of Alexander Pushkin's works about Peter the Great into Chinese and Vietnamese. *Philological and sociocultural issues of science and education: Proceedings of the V international research and practical conference*. Krasnodar, 2020. P. 229–238. (In Russ.)
3. Samoylov, N. A. Emperor Meiji and Peter the Great: The image of reforming rulers in Chinese social thought of the late XIX century. *Japan XXI NOVA: era and century*. (V. M. Alpatov, S. I. Amara et al., Eds.). St. Petersburg, 2020. P. 587–599. (In Russ.)
4. Kharitonova, A. M. Specific features of Peter the Great's image on the Vietnamese Internet. *Philological and sociocultural issues of science and education: Proceedings of the VI international research and practical conference*. Krasnodar, 2021. P. 520–528. (In Russ.)
5. Shchepkin, V. V. Early information about Peter I and shaping of his image in Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490 (In Russ.)

Received: 28 March, 2022; accepted: 28 April, 2022

АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГУРЬЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8217-9774; a.gureva@spbu.ru

РОССИЙСКИЙ ЦАРЬ ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ЮЖНЫХ КОРЕЙЦЕВ

А н н о т а ц и я . Цель исследования заключается в выявлении особенностей репрезентации фигуры Петра Великого в так называемых записках о литературных путешествиях *мунхак кихэн*, популярных в южнокорейских блогах, в связи с поэмой А. С. Пушкина «Медный всадник», а также в определении причин, которыми обусловлены эти особенности. Статья продолжает ряд публикаций автора, посвященных такой новой для западного корееведения теме, как специфика восприятия личности и деяний Петра Великого в Республике Корея. Явление записок о литературных путешествиях также прежде не изучалось. С начала 1990-х годов, после установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея, Санкт-Петербург стал популярным туристическим направлением и вошел в число маршрутов для литературных путешествий – посещений мест, связанных с литературой и ее создателями. Особым вниманием пользуется памятник «Медный всадник», знакомый южнокорейскому читателю по переводам, выполненным специалистами-русистами. Задачи статьи состоят в определении причин популярности памятника в рамках литературных маршрутов, выявлении основных повторяющихся комментариев в записках, связанных с фигурой Петра Великого, попытке сгруппировать их для последующего изучения предпосылок к их формированию, подведении общего итога на основе обращения к культурному и историческому контексту. Выводы, в которых сообщается о причинах фокусирования внимания авторами записок именно на фигуре царя, а не на литературной составляющей, опираются на обращение к одной из культурных доминант, связанных с восприятием роли текста в корейской картине мира.

Ключевые слова: Петр Великий в Корее, Россия и Корея, корейская литература, русская литература, «Медный всадник», путешествия, туризм, *мунхак кихэн*

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018. Автор статьи благодарна главе администрации района Кванак-ку в Сеуле (в 2010–2018 годах) Ю Чжонпхилу за предоставленную информацию о программе литературного путешествия.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гурьева А. А. Российский царь Петр Великий и литературные путешествия южных корейцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 96–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.772

ВВЕДЕНИЕ

Первое знакомство корейцев с личностью русского царя Петра Великого состоялось в самом начале XX века благодаря японским материалам. Журнальные публикации о нем, увидевшие свет в первое десятилетие XX века, были размещены наряду с первыми образцами переводов произведений русской литературы. С тех пор долгое время русская литература, которая оказала существенное влияние на формирование современной корейской литературы, оставалась основным источником информации о культуре России. В течение нескольких десятилетий после образования государства Республика Корея

(1948) культурные контакты страны с Россией реализовывались опосредованно, поскольку между странами отсутствовали дипломатические отношения вплоть до 1990 года. В этот период особую роль в распространении сведений о культуре России играли ученые-слависты, которые продолжали знакомить южнокорейских читателей с русской литературой. После установления дипломатических отношений между Россией (на тот момент – СССР) и Республикой Корея количество переводов существенно увеличилось, закрывались важные лакуны в переводе русской классики. Как и прежде, литературные произведения могут служить также источником информации об истории России и выдающихся истори-

ческих личностях. К ним относится, в частности, российский царь Петр Великий.

Среди корейских переводов русской классики, опубликованных во второй половине XX века, есть произведения, в которых фигурирует Петр Первый. Раньше других произведений из этого числа был опубликован незавершенный А. С. Пушкиным роман «Арап Петра Великого». Примечательно, что роман увидел свет в трех вариантах перевода¹, авторами которых стали представители первого поколения университетской русистики в Республике Корея². Причины практически одновременного выбора тремя разными переводчиками одного и того же произведения достоверно неизвестны. Первые образцы творчества А. С. Пушкина в корейском переводе выходили еще в 1920-е годы, причем размещались в периодических изданиях (часть из них были ведущими изданиями того времени), например в газете *Тонъя ильбо*. Не все переводчики известны (несколько публикаций вышло под инициалами J. S., и ученые до сих пор не знают реального имени переводчика [10: 16]).

Несмотря на давнюю историю переводов, Пушкин не обрел в Корее такой популярности, как некоторые другие русские авторы, например Л. Н. Толстой или Ф. М. Достоевский [10: 16–17]. В связи с этим многие знаменитые произведения русского поэта оказались доступны широкому южнокорейскому читателю только после 1990 года. К ним относятся, в частности, поэмы «Медный всадник» и «Полтава», в которых важное место отводится фигуре Петра Великого. Составитель сборника «Поэмы А. С. Пушкина», увидевшего свет в 1995 году, Чхве Сон выражает сожаление о том, что перевод этих поэм не был выполнен ранее [15: 240].

Из произведений, в которых фигурирует Петр Великий, поэма «Медный всадник» сегодня является, пожалуй, наиболее известной и наиболее упоминаемой в южнокорейской блогосфере. Это связано, в частности, с включением памятника в туристические программы для южных корейцев, планирующих поездку в Санкт-Петербург. Произведение становится частью «литературных путешествий» и основой для так называемых «записок о литературных путешествиях» *мунхак кихэн*. Особенности репрезентации фигуры Петра Великого в этих записках выявляются и комментируются далее.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретного материала, следует обратиться к самому явлению литературных путешествий и записок

о них. Сложно проследить, когда это явление зародилось, но уже в течение нескольких десятилетий в Южной Корее практикуется такой формат поездок, как литературные путешествия, предполагающие посещение мест, связанных с именами известных литераторов и известными произведениями. Такие маршруты разработаны по территории Кореи, им посвящены соответствующие буклеты и книги – пособия для людей, планирующих подобное путешествие. Литературные путешествия за рубеж организуются специально. Это может быть коммерческое предложение туристической компании, может быть образовательный или социально-образовательный проект, в котором принимают участие члены того или иного сообщества. Например, несколько лет назад многодневное литературное путешествие по Европе с посещением Санкт-Петербурга было организовано администрацией сеульского района Кванак-ку в рамках социального проекта «Образование всю жизнь», направленного на обучение старшего поколения новым знаниям и навыкам.

Литературные путешествия предлагаются даже в «ковидную эпоху». В Интернете можно найти предложения туристических агентств, разработавших литературные поездки в Россию и Петербург в 2021 году. С учетом эпидемиологической ситуации создаются предложения литературного онлайн-путешествия в Россию, например, посредством прослушивания лекций о разных местах, связанных с именами российских литераторов и их произведений на февраль 2022 года.

Обращение к материалам в интернет-пространстве позволило обнаружить в записках южных корейцев о литературных путешествиях немало упоминаний Петра Великого в связи с поэмой А. С. Пушкина «Медный всадник». Другие переведенные на корейский язык произведения, в которых фигурирует царь Петр, в связи с путешествиями не были найдены.

Впервые перевод поэмы «Медный всадник» на корейский язык увидел свет в 1995 году в сборнике «Поэмы Пушкина». Автором перевода стал Ким Чхольгюн, выпускник кафедры русского языка и литературы Университета Корё. В 1999 году вышел перевод этой поэмы преподавательницы той же кафедры Сок Ёнчжун³. Перевод стал частью шеститомного собрания сочинений А. С. Пушкина в переводе Сок Ёнчжун, приуроченного к 200-летию со дня рождения поэта⁴. В том же году в честь круглой даты [9] был опубликован трехтомный сборник переводов произведений А. С. Пушкина⁵. В 2011 году

вышел сборник переводов⁶, выполненных Чхве Соном (составителем первого сборника перевода пушкинских поэм), куда вошел также перевод поэмы «Медный всадник». Таким образом, в случае с этим произведением южнокорейские читатели располагают несколькими вариантами перевода. Отметим также, что к изданию переводов, связанных с юбилейной датой, активно привлекалось внимание в прессе [4], [5].

Обратимся непосредственно к репрезентации образа Петра Великого в записках о литературных путешествиях. Как уже было отмечено, памятник Петру «Медный всадник» входит в обязательную программу литературных путешествий в Санкт-Петербург и воспринимается авторами записок соответственно: памятник называется символом Санкт-Петербурга, главной достопримечательностью города [11], [13], воплощающей его особенности [13]. При этом описанию самого памятника, как правило, отводится не так много места. В первую очередь в записках отмечается роль Петра Великого в модернизации «отсталой» России. Примечательно, что наряду с Петром Великим авторы записок часто обращаются к фигуре Екатерины Второй как продолжательницы дела Петра. Часто упоминается, что памятник появился благодаря заказу Екатерины, и то, что она стремилась подчеркнуть свою преемственность с Петром, в частности самым актом заказа такого памятника [8], [13]. Связь памятника с Екатериной становится главной при осмотре Медного всадника, например, в тексте автора, пишущего для ресурса Womanesopomou [14], для которого, видимо, важны в первую очередь исторические факты, связанные с ролью женщин в мировой культуре. Отметим, что роль Екатерины как преемницы великих петровских деяний акцентируется в описаниях Медного всадника в путеводителях по Санкт-Петербургу. В одном из первых образцов размещенных в Интернете литературных записок тоже делается акцент на фигуре Екатерины, причем сообщается об истории ее восшествия на престол после переворота и устранения собственного мужа [7].

Среди записок о литературном путешествии в Петербург выделяется группа, в которой связь памятника Петру с поэмой или не упоминается, или упоминается вскользь, в контексте сообщения, что памятник послужил основной темой произведения А. С. Пушкина. Можно предположить, что авторов таких записок более интересует абрис исторических событий малоизвестной им страны. В таких случаях центральное место в тексте занимает сообщение о деятельности

Петра Великого, его роли в истории России, и главными сообщаемыми фактами становятся основание Петром новой столицы, а также деятельность его последовательницы Екатерины Второй.

Выделяется еще одна группа записок, авторы которых обращают большее внимание на связь с произведением, благодаря которому памятник был включен в маршрут литературного путешествия. Особое место здесь может отводиться самому А. С. Пушкину и / или содержанию написанной им поэмы.

Может проводиться параллель между А. С. Пушкиным как литератором, «модернизовавшим русскую литературу», и модернизатором страны Петром [13], [12]. Иногда именно эта общность воспринимается как побудительный мотив для поэта сочинить произведение, восхваляющее Петра [13]. В то же время отмечается двойственность фигуры Петра как одна из важнейших характеристик его изображения в самой поэме. Эта идея не нова и встречалась ранее в исследовательской литературе, ей посвящены отдельные статьи южнокорейских русистов. В некоторых случаях двойственность фигуры Петра экстраполируется на весь город, и ключевой образ произведения избирается «точкой отсчета» литературного путешествия. Автор записок об этом путешествии полагает, что, сочетая трагедию личности с восхвалением деяний Петра, Пушкин таким образом изображает двойственность «истины модернизирующейся России» [8]. Примечательно, что двойственность служит одним из лейтмотивов многих текстов о русском царе: путеводителей, книг о России, СМИ (см., например, [1], [2]). Сам город воспринимается через призму образа Петра Великого как в положительном, так и в отрицательном смысле. Основание новой столицы сопряжено с жертвами, «город на костях» Санкт-Петербург становится мифологизированным пространством, и началом создания мифа служит поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» [11]. Предлагается также двоякая трактовка названия города: как «город святого Петра» и как «город Петра» одновременно [13]. Вследствие разной транскрипции имени Петр по-корейски в двух случаях (*Пхедыро* – имя апостола, *Пхётхыры* – имя царя) корейским читателем два определения понимаются однозначно как связанные с разными носителями этого имени: апостолом Петром и царем по имени Петр.

Интересен тот факт, что авторы заметок, обращающихся к содержанию поэмы, склонны к прочтению произведения как многоуровневого и исполненного литературных намеков. Таких

читателей интересует в первую очередь символическое воплощение идей поэта и его восприятие своей эпохи. При этом, например, центральное событие романа – наводнение упоминается не каждый раз. Сообщение об этом сюжетном событии может служить поводом для рассказа о стихии в истории Петербурга [11].

Следует особо отметить, что выделенные группы записок нельзя четко классифицировать хронологически. Можно было бы предположить, что более ранние тексты будут больше ориентированы на фактологию, еще не столь активно воспринятую за недолгий период после установления дипломатических отношений. Действительно, скупыми историческими фактами ограничивается, например, автор записок 2003 года [7]. Однако еще ранее, в 2002 году, мы читаем художественно оформленные, исполненные метафор заметки о том, как город Петра вдохновлял литераторов на написание произведений, знакомство с которыми создает в душе читателя «крепость, обход которой позволяет одним взглядом охватить всю русскую литературу и русское искусство» [6]. Кроме того, можно предположить, что характер записок в большей степени определяется мировосприятием их автора, чем фактами, почерпнутыми из книг или рассказов гида. Оно становится главным в определении того, какие факты вычленяются как важные, какое впечатление они производят и как они трактуются. Например, несколько авторов упоминают тот факт, что около Медного всадника часто фотографируются молодожены. Один из них связывает это с тем, что памятник относится к главным символам города [11]. А другого автора удивляет, что памятник царю-убийце собственного сына служит излюбленным фоном для свадебных фотографий: «Воистину, как ни пытайся понять характер и чувства (букв.: темперамент и эмоциональный склад. – А. Г.) русских, не сможешь этого сделать» [12]. Эти строки являются частью литературного путешествия по всему миру, при этом путешествие в Петербург представлено в тексте подробно и столь же эмоционально. По мнению автора заметок, произведение А. С. Пушкина вписано в ряд других произведений русской классики, принадлежащих перу Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, в которых «одновременно превозносятся заслуги Петра Великого и описываются трагедии маленьких людей, ставших жертвами его деяний» [12]. Таким образом, он распространяет влияние Петровских реформ на значительно более позднее время. В некоторой степени Петр в этом тексте

воплощает сильную власть, а автор текста задается вопросом о любви русского народа к императору или, вполне возможно, императорской власти вообще. Здесь прослеживается попытка анализировать полученную информацию так, чтобы через литературу обрести более предметное понимание мировой истории общества, и это понимание корректируется собственным пониманием общественного устройства автора записок.

Среди авторов записок встречаются любители художественного слова, которые наслаждаются самим фактом посещения литературного объекта. Например, один из них описывает то, как, собравшись перед памятником Петру, группа декламировала стихотворные строки: «Люблю тебя, Петра творенье...» в корейском переводе [13].

ВЫВОДЫ

В любой из групп записок южных корейцев о литературных путешествиях, вне зависимости от ракурса и степени эмоциональности, важное место занимают Петр Великий и Екатерина Вторая как его преемница. Это может объясняться как связью памятника с их именами, так, возможно, и тем, что эти имена были представлены как основные в первых текстах о памятнике, тем самым став ключевой информацией в восприятии корейцев. Фигуре Петра в таких текстах, называемых записками о литературном путешествии, как правило, уделяется больше внимания, чем А. С. Пушкину или содержанию его художественного произведения. Частично это можно объяснить тем, что с именем Пушкина корейцы познакомились позже, чем с фигурой Петра, и имя поэта в Корее в принципе реже упоминается в связи с Россией, чем имя царя-реформатора. Одной из ключевых причин видится понимание в корейской культуре роли текста и его связи с действительностью и положением дел в обществе. Традиционно текст считался инструментом воздействия на реальность и (особенно поэтический) понимался в большой степени обусловленным реальностью, главным образом социальной реальностью. К древним представлениям восходит понимание текста как зеркала, отражающего положение дел в социуме с целью положительного воздействия на него (подробнее см. [3]). В связи с этим в изложении авторов записок особенности пушкинского текста, косвенно посвященного деяниям царя, оказываются вторичными по отношению к предмету художественного изображения, который восходит к самому Петру Великому.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 뿌쉬킨 단편집. 이철 역. 서울 (Сборник произведений А. С. Пушкина / Пер. Ли Чхоля). Сеул: Сансогак, 1971); 푸슈킨. 포트르 대체의 흑인. 김학수 옮김. Short book 15. 서울: 범조사, 1977 (Пушкин А. С. Арап Петра Великого / Пер. Ким Хаксу. Серия Short book 15. Сеул: Помчжоса, 1977); 푸시킨 알렉산드르. 대위의 딸 외. 동완, 동은희 옮김. 학원세계문학 87. 서울: 학원사, 1983 (Пушкин А. С. Капитанская дочка и другие произведения / Пер. Тон Вана, Тон Ынхи. Серия Хагвон сего мунхак, 87. Сеул: Хагвонса, 1983).
- ² Три перевода носят несколько разные названия. Во всех случаях расходится транскрипционная запись имени царя. Перевод Тон Хвана: “피오토르 대체의 흑인” *Пиоттыры тэчжее хыгин* (букв. «Негр Петра Великого»), перевод Ли Чхоля: “뽀뜨르 황제의 흑인” *Пиёттыры тэчжее хыгин* (букв. «Негр Петра Великого») (информация получена из [15: 240]), перевод Ким Хаксу “포트르 대체의 흑인” *Пхёттыры тэчжее хыгин* (букв. «Негр Петра Великого»).
- ³ Название в переводе Ким Чхольгюна выглядит как “청동기사” *Чхондон киса* (буквальный перевод названия), в переводе Сок Ёнчжун добавлено обозначение 상 *сан* «образ, изображение» – “청동기마상” *Чхондон кима-сан* – «памятник “Медный всадник”».
- ⁴ 알렉산드르 뿌쉬킨 전집. 석영중 역. 서울: 열린책들, 1999 (Полное собрание сочинений А. С. Пушкина: В 6 т. / Пер. и сост. Сок Ёнчжун. Сеул: Ёллин чхэктыль, 1999).
- ⁵ 뿌쉬킨 선집. 3권. 박형규 외 엮임. 서울: 솔, 1999 (Антология произведений А. С. Пушкин: В 3 т. / Сост. и пер. Пак Хёнгу. Сеул: Соль, 1999).
- ⁶ 푸슈킨 선집. 희곡 서사시 편. 최선 역. 서울: 민음사, 2011 (Антология произведений А. С. Пушкина. Пьесы и поэмы / Пер. Чхве Сон. Сеул: Минымса, 2011).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьева А. А. Российский царь Петр I в южнокорейских СМИ XXI века // Современные проблемы Корейского полуострова: Материалы XXV конференции корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ, 2021. С. 290–299.
2. Гурьева А. А. Фигура Петра I в южнокорейских путеводителях по России и Санкт-Петербургу: особенности репрезентации // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций. Краснодар, 2020. С. 19–23.
3. Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982. 327 с.
4. 푸슈킨 탄생 200년... 전집 잇따라 나와. 조선일보 (chosun.com) 1999년 03월04일 (200-летие со дня рождения Пушкина... Выход собраний сочинений друг за другом // Чосон ильбо. 04.03.1999).
5. 푸슈킨 탄생 200돌! 국내출간 두전집 비교 (donga.com) 1999년 03월08일 (200-летие со дня рождения Пушкина. Сопоставление двух собраний сочинений, изданных в Корее // Тонъя ильбо. 08.03.1999).
6. 마음까지 아릿한 러시아 '풍경의 詩學' | 중앙일보 (joongang.co.kr) 2002년02월02일 (Задевающая душу «поэтика русского пейзажа» // Чунъян ильбо. 02.02.2002).
7. 안후영씨의 러시아 문학기행 – 옥천신문 (okinews.com) 2003년09월20일 (Записки господина Ан Хуёна о литературном путешествии в Россию // Окчхон синмун. 20.09.2003).
8. 상트페테르부르크 문학기행 (aladin.co.kr) 2017년 09월 02일 (Записки о литературном путешествии в Санкт-Петербурге // Аладин. 02.09.2017).
9. 김연수. 열린책들 «알렉산드르 뿌쉬킨 전집», 솔 «뿌쉬킨» 동시 출간 // 출판저널. 대한출판문화협회 (Ким Ёнсу. Одновременный выпуск «Полного собрания произведений А. С. Пушкина» в издательстве Ёллин чхэктыль и книги «Пушкин» в издательстве Соль // Журнал «Книгоиздание». Сеул: Корейская издательская ассоциация, 1999. № 254. С. 11).
10. 김진영. 일본유학생과 러시아문학: 조선의 1세대 노문학도를 찾아서 // 러시아연구. 제 25권. 제1호. 2015. 1–32쪽 (Ким Чжинён. Студенты, обучавшиеся в Японии, и русская литература: в поисках представителей первого поколения русистов-литературоведов // Изучение России. Сеул, 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 1–32).
11. 로자의 러시아문학 강의 – 노원신문 (newsk.com) 2014년 09월 29일 (Лекция Розы о русской литературе // Хиллин новон. 29.09.2014).
12. 푸슈킨과 <예브게니 오네гин>. 세계문학기행 – 독서신문 (readersnews.com) 2008년 02월 29일 (Пушкин и «Евгений Онегин». Записки о литературных путешествиях по миру // Токсо синмун. 29.02.2008).
13. 러시아가 가장 사랑하는 작가. 상트페테르부르크의 상징, 청동기마상 문화/교육 – 교보문고 (kyobobook.co.kr) 2016년 12월 02일 (Самый любимый поэт в России. Символ Санкт-Петербурга, Медный всадник // Кёбо бук Мунхва собисы. 02.12.2016).
14. 톨스토이·푸시킨·도스토옙스키... 7박8일의 생생한 러시아 문학여행 < 연예·방송·문화 > 트렌드 < 기사본문 – 여성경제신문 (womaneeconomy.co.kr) 2018년 08월 24일 (Толстой, Пушкин, Достоевский... Недельное литературное путешествие по России // Вуман икономи. 24.08.2018).
15. 최선. 한국에서의 푸슈킨 // 푸슈킨의 서사시. 인간-삶-사랑 이야기. 최선 외 엮어 지음. 서울: 천지. 1995. 239–256쪽 (Чхве Сон. Пушкин в Корее // Поэмы А. С. Пушкина. Истории о человеке, жизни и любви / Сост. и авторы Чхве Сон и др. Сеул: Чхончжи, 1995. С. 239–256).

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 28.04.2022

Original article

Anastasia A. Guryeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8217-9774; a.gureva@spbu.ru

RUSSIAN TZAR PETER THE GREAT IN RECORDS
OF LITERARY JOURNEYS BY SOUTH KOREANS

Abstract. The paper aims at tracing specific features of how the Russian tzar Peter the Great is represented in so-called “records of literary journeys” (*munhak kihaeng*), popular among South Korean bloggers, in relation with Alexander Pushkin’s poem “The Bronze Horseman”, as well as at finding the reasons for such features to be formed. The paper continues the author’s previous publications on a subject that is new for the western Korean studies – i.e., the specifics of the perception of Peter the Great and his activities in South Korea. Such phenomenon as “records of literary journeys” has also not been studied before. Starting from the 1990s, after establishing diplomatic relations between the Russian Federation and the Republic of Korea, Saint Petersburg has become a popular tourist destination for the “literary journeys” (i. e., visiting places related to literature and authors). Among other sights, the monument called “The Bronze Horseman” receives a special attention in such records. South Koreans know about it from the eponymous Pushkin’s poem translated by the specialists in Russian literature. The research tasks include the following: to identify the reasons why the Bronze Horseman is a popular part of the literary routes of South Koreans, to trace the main repeating comments related to Peter the Great in the records of literary journeys, to make an attempt to group them for the further study of the prerequisites for their formation, and to draw the general conclusion based on the cultural and historical context. The conclusions about the reasons why the records’ authors focus on the figure of Peter the Great rather than on the literary content are based on one of the cultural dominants related to understanding the role of text in the Korean worldview.

Key words: Peter the Great in Korea, Russia and Korea, Korean literature, Russian literature, “The Bronze Horseman”, journeys, tourism, *munhak kihaeng*

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018. The author expresses her gratitude to Mr. Yoo Jongpil, the Head of the Administration of the Gwanak-gu District in Seoul (2010–2018), for providing the information on the literary journey program.

For citation: Guryeva, A. A. Russian tzar Peter the Great in records of literary journeys by South Koreans. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):96–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.772

REFERENCES

1. Guryeva, A. A. Russian tzar Peter the First in South Korean press of the XXI century. *Contemporary issues of the Korean Peninsula: Proceedings of the XXV Conference of Russian and CIS Koreanists*. Moscow, 2021. P. 290–299. (In Russ.)
2. Guryeva, A. A. Peter the Great in South Korean guide-books on Russia and Saint Petersburg: specifics of representation. *Contemporary tendencies of cross-cultural communication*. Krasnodar, 2020. P. 19–23. (In Russ.)
3. Nikitina, M. I. Ancient Korean poetry in relation with ritual and myth. Moscow, 1982. 327 p. (In Russ.)
4. 푸슈킨 탄생 200년... 전집 잇따라 나와. 조선일보 (chosun.com) 04.03.1999.
5. 푸슈킨 탄생 200돌]국내출간 두전집 비교 (donga.com) 08.03.1999.
6. 마음까지 아릿한 러시아 '풍경의 詩學' | 중앙일보 (joongang.co.kr) 02.02.2002.
7. 안후영씨의 러시아 문학기행 – 옥천신문 (okinews.com) 20.09.2003.
8. 상트페테르부르크 문학기행 (aladin.co.kr) 02.09.2017.
9. 김연수. 열린책들 «알렉산드르 뽀쉬킨 전집», 술 «뽀쉬킨» 동시 출간 // 출판저널. 대한출판문화협회. № 254. 1999.
10. 김진영. 일본유학생과 러시아문학: 조선의 1세대 노문학도를 찾아서 //러시아연구. 제 25권. 제1호. 31.05.2015.
11. 로자의 러시아문학 강의 – 노원신문 (newsk.com) 29.09.2014.
12. 푸슈킨과 <예브게니 오네긴>. 세계문학기행 – 독서신문 (readersnews.com) 29.02.2008.
13. 러시아가 가장 사랑하는 작가. 상트페테르부르크의 상징, 청동기마상 문화/교육 – 교보문고 (kyobobook.co.kr) 02.12.2016.
14. 톨스토이·푸시킨·도스토옙스키... 7박8일의 생생한 러시아 문학여행» <연예·방송·문화> 트렌드 <기사본문 – 여성경제신문 (womaneconomy.co.kr) 24.08.2018.
15. 최선. 한국에서의 뽀쉬킨 // 뽀쉬킨의 서사시. 인간·삶·사랑 이야기. 최선 외 엮어 지음. 서울: 천지, 1995.

Received: 28 March, 2022; accepted: 28 April, 2022

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ВАСИЛЬЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
barcarola@list.ru

ЛЕКСЕМА *КОЖА* И ЕЕ ДЕРИВАТЫ В СЛОВАРЕ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ

А н н о т а ц и я . Цель статьи – показать методику описания семантики и фразеологии в историческом толковом словаре на материале лексемы *кожа*, разработанной в последнем составленном выпуске Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Многочисленность источников Словаря и его концепция полноты описания материала позволяют авторам подробно отражать семантические и грамматические особенности лексики описываемого периода, что делает каждую словарную статью достаточно представительной и отражает новизну подхода к материалу. Слово *кожа* и его дериваты зафиксированы в источниках Словаря более чем в 570 документах и почти в 30 устойчивых сочетаниях, что позволяет говорить об актуальности описываемых реалий для Московской Руси, стоящих за этими словами и словосочетаниями. Анализ собранного материала воспроизводит достаточно полно как одну из сторон жизни и быта Московской Руси, так и один из фрагментов лексической системы старорусского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексема *кожа*, историческая лексикология, историческая лексикография, многозначность, фразеология, Словарь обиходного русского языка Московской Руси

Д л я ц и т и р о в а н и я : Васильева О. В. Лексема *кожа* и ее дериваты в Словаре обиходного русского языка Московской Руси // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 102–108. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.773

ВВЕДЕНИЕ

Лексика русского языка XVI–XVII веков, подробно описываемая в Словаре обиходного русского языка Московской Руси (далее – Словарь, СОРЯ), вызывает несомненный интерес, поскольку доносит до нас сведения о жизни, быте, мыслях, представлениях и языке наших предков самого конца донациональной эпохи. С этой задачей успешно справляются и однозначные слова, такие как *аманат* (заложник¹), *бумазья* (хлопчатобумажная ворсистая ткань²), *выбранец* (кого выбрали для отправки на военную службу³), *годовать* (нести службу где-л. вне дома в течение года⁴), *двоепускный* (полученный двойной перегонкой⁵), *завсе* (постоянно, всегда⁶), *изрог* (отдельно стоящая возвышенность⁷) и другие, тогда как каждое многозначное слово содержит целый комплекс разнообразной информации о прошлом. Для анализа семантической и словообразовательной деривации рассмотрим такой полисемант, как *кожа*. По мнению В. В. Виноградова, «только при полном воспроизведении исторически сменяющихся или изменяющихся систем языка может быть воссоздана вся картина изме-

нений значений и оттенков слова» [1: 7]. СОРЯ, следуя концепции, разработанной Б. А. Лариным и состоящей в исчерпывающем описании лексем, вносит свой вклад в решение такой глобальной задачи, как реконструкция лексической системы русского языка, в рамках XVI–XVII столетий.

ЛЕКСЕМА *КОЖА*

Как известно, слово *кожа* общеславянское, было образовано в праславянском языке от имени сущ. *коза* при помощи суффикса со значением притяжательности *-j-* и имело первоначальное значение ‘козья шкура’. По данным словарей древнерусского языка, лексема активно употреблялась с самого начала письменности на Руси, представлена в текстах разных жанров. Так, в Словаре И. И. Срезневского на слово *кожа* даются цитаты XI века, в которых лексема зафиксирована в следующих значениях: ‘шкура животного’ (уже снятая), ‘такой материал, приготовленный для писания книг или для их переплета’, ‘оболочка’⁸. В Словаре древнерусского языка XI–XIV веков статья на слово *кожа* разработана следующим образом: 1. ‘кожа, шкура (наружный покров человека или животного)’.

2. ‘специально обработанная или необработанная шкура животного’, где выделяются оттенками ‘кожаный переплет’ и ‘оболочка, покрытие’⁹. Примечателен синкретизм, зафиксированный в обоих приведенных значениях, который отмечается некоторыми исследователями и для более поздних периодов бытования данного слова [5: 16].

К XVII веку, по данным Словаря русского языка XI–XVII веков¹⁰ и СОРЯ, имя сущ. *кожа* сохраняет все свои древнейшие значения, а также развивает ряд новых, образуемых как путем метонимического, так и метафорического переноса.

Безусловно, этимологически первичным является значение ‘шкура животного’, и для языка старшего периода, возможно, вполне правомерно объединение в одном значении ‘кожи’ и ‘шкуры’ – ‘наружного покрова человека и животного’, однако для языка XVI–XVII веков это уже самостоятельные значения. Разводятся они в Словаре русского языка XI–XVII веков (где представлены 1-м и 3-м значениями слова), разводятся и в СОРЯ.

Для лексемы *кожа*, по данным текстов – источников СОРЯ, выделяются следующие значения: 1) наружный покров тела человека, 2) наружный покров тела животного, шкура, 3) такой покров (с шерстью или без шерсти), снятый с животного, чаще выделанный, 4) кора и луб древесных растений, 5) верхнее покрытие стебля травянистых растений, 6) мешок, бурдюк из шкуры животного, 7) накидка, чем покрывают, укрывают что-л., 8) оболочка для чего-л. Кроме того, данное слово употреблялось как имя собственное (прозвище мужчины).

Первое значение в СОРЯ подтверждается выразительными цитатами:

*Частое сырого луку прикладание на тѣло дѣлаетъ пузыри на кожи*¹¹. *Из чужой кожи ремень добро вырѣзать – не болит*¹². *Чудеса которые в Горнѣгузене у здраваго колодезя чиняцца... у иных людей которые горбатые хрепты имѣли и спина у них пряма стала а кожа гдѣ горбъ был обвисла какъ порожная мошна*¹³. *Где ся у святаго отца кожа возьмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная*¹⁴.

Отмечаем и нетипичную для этого значения грамматику – употребление во множ. числе:

*И люди твои [И. И. Киреевского] смеютца ужо де здѣс и иконикъ станет лапти плести и я [иконописец] то вижу над собою что ис сапоговъ в лапти обуваюсь и кожи х костям присушили*¹⁵.

Следует заметить, что автор данного текста – иконописец, нанятый И. Киреевским, был чело-

веком не только грамотным, но и лингвистически одаренным, все свои беды и лишения описал подробно и выразительно:

*Жить невозможно с воды одной мнѣ сыту не быть. праздникъ свѣтлое хрстово воскресие кто пива и браги варит а у меня квасу нѣ было ни заговѣтца ни розговѣтца было нѣчем. Только посмѣище людское всякъ дивится чем мы живимся кто лапти плететъ тот слаще нас пьет*¹⁶.

Так и в приведенном выше фрагменте представлено не только нетипичное употребление слова *кожа* в этом значении во множ. числе, но и ряд выразительных образов (*из сапогов в лапти обуваюсь и кожи к костям присушили*).

Далее отмечаем, что это значение реализуется в источниках Словаря в целом ряде фразеологизмов: *оболочен смертною кожею* ‘является смертным’, *слаться на чью-л. кожу, даваться на пытку против чьей-л. кожи, иматься кожу на кожу меж себя, иматься за кожи с кем-л.* ‘клясться под страхом пытки’. Первое устойчивое выражение церковно-книжное, все последующие – деловые. *Оболочен смертною кожею* – так пишет о себе боярин Андрей Шуйский, прося Новгородского архиепископа Макария о помощи – заступничестве перед Иваном Грозным в 1538 году. Не только этот образ, но и все письмо в целом выдержано в церковно-книжной стилистике, тогда как остальные указанные фразеологизмы имеют ярко выраженный деловой характер и встречаются в памятниках исключительно деловой письменности (таких, как «Слово и Дело государевы» и «Памятники деловой письменности XVII века, Владимирский край»). Выражение *слаться на чью-л. кожу* имело значение ‘клясться под страхом пытки’:

*И в розпросе гсдрѣ и на очной ставке Андрѣи Сабуров в своих драных писмах слался на свою Андрѣеву и на Ортюшкину кожи*¹⁷. *Дѣвка Марица шлетца сверхъ тѣх ссылак на свою и на ево кожу Максимка Скрыпкинъ против еѣ ссылки на свою и на еѣ кожу слался жѣ*¹⁸.

Примечательно, что дающий такую клятву шлется не только на свою кожу, но и на кожу другого человека, выступающего в качестве второй стороны в разбирательстве. Такая же двусторонняя оппозиция характерна и для других деловых формул, синонимичных приведенной:

даваться на пытку против чьей-л. кожи (Да Осипка жѣ билъ челомъ, чтобъ государь велѣлъ того его человекъ Пахомка дать на пытку, что онъ его, Василья, тѣмъ не поклепалъ, а противъ его Пахомковы кожи дается самъ на пытку)¹⁹,

иматься кожу на кожу меж себя (И на очной ставкѣ Мишка Гнудтой съ товарищи сказали: Говориль де ты, Демка, про государя то непригожее слово? И Демка сказалъ: Я де такого непригожаго слова про го-

сударя не говариваль. И въ томъ твоємъ государевѣ делѣ имались межъ себя кожу на кожу²⁰),

иматься за кожи с кем-л. (И тѣ луховские посадские люди Кириушка и Емелка на очную ставку с ним Аришуткою ставлены и онѣ ево на очной ставкѣ тѣмъ уличали а он Аришутка в том во всемъ запырался и жена ево Аришуткина ево ж уличала как дѣ он муж мои Янкѣ пособлял а я дѣ всѣ то видела и он Янка сверхъ улик ималис за кожи с ним Аришуткою чтоб ты великий гсдрь их пожаловал и велел мѣж ими розыскат пыткою и я холоп твои [Г. Кайсаров] ево Аришутку и Янку велел пытать²¹).

Так что если в письме Шуйского к архиепископу представлена метафора, отражающая религиозное представление о брэнном человеческом теле как оболочке для бессмертной души, то в деловых памятниках устойчивые обороты недвусмысленно говорят о пытке как методе выяснения правдивости утверждений той или другой стороны. Наличие всех приведенных фразеологизмов в языке XVI–XVII веков подтверждает правомерность разведения таких лексико-семантических вариантов, как ‘наружный покров тела человека’ и ‘наружный покров тела животного, шкура’.

Значение ‘шкура животного’ подтверждается, например, такими цитатами:

А коли де бываютъ повѣтрѣ на скоть, на лошади или на коровы, и мертвой де скоть надобно закапывать въ землю со всѣмъ, а толко де въ землю не закапывать или стануть кожи одирать, и отъ того де бываетъ повѣтрѣ на люди²². Козел платит кожею з бороδοю а виноватой своею головою²³.

На базе этого значения в языке XVI–XVII веков также начинают формироваться устойчивые выражения, восходящие к библейскому тексту: *покрыться чьей-л. кожей, облечь какую-л. кожу, в кожи облечься* ‘выступить в чьем-л. обличьи, притвориться кем-л., каким-л.’, *как волк в овчей коже ходить* ‘о лицемере, коварном человеке, который скрывает дурные намерения под маской добродетели’.

А онѣ убо [Исидор], покрывся овчею кожею, пестроту же яко рысь внутрь имѣя (но она убо пестроту внѣ нося, а сей въ сердци своемъ), показуя себе пастырь овцамъ, а дѣла своя подобна волку²⁴. А у испанского изстари таков обычаи: какъ он видит, что ему львовой кожи одолѣти немочно, и он облечет лисью кожу²⁵. Нестъ се священник, но злый льстецъ и поругатель себе и волк на божественныя люди, в кожи обличенный²⁶. Подобно и здѣ въ Велицѣй России прежде сего бысть, при святѣйшемъ патриарсѣ Никонѣ, начаша нѣщии церковь смущати... изъ нихъ же овии умроша, овии же им доселѣ пребываютъ, прикрывшися лестнокаяниемъ, яко волци посредѣ стада во овчихъ кожахъ ходять²⁷.

Волк в овечьей коже – образ, представленный в Евангелии от Матфея (гл. 7, ст. 15). Однако

это не дословная цитата из Нагорной проповеди, в которой Иисус Христос произнес: «Внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы». Вместе с тем образ овечьих одежд на хищных волках, как и многие другие новозаветные образы, стал настолько популярным, что метафора со временем упростилась, и вместо овчих одежд в устойчивом выражении русского языка закрепилась овечья шкура. Заметим, что в книжных текстах Московской Руси, начиная с произведений Ивана Грозного и Андрея Курбского, в этом и сходных выражениях последовательно употребляется слово *кожа*. Более того, библейская метафора, как кажется, дает толчок появлению других образных сочетаний, представленных в текстах XVII века, – *львовая кожа* (о силе), *лисья кожа* (о коварстве): *А у испанского изстари таков обычаи: какъ он видит, что ему львовой кожи одолѣти немочно, и он облечет лисью кожу²⁸.*

Необходимо отметить, что и здесь, на базе второго значения, как и на базе первого, встречается не только книжное, библейское выражение, но и совершенно другое по стилистике, происхождению и употреблению – *не словя медведя кожу его продать*, которое впоследствии трансформировалось в известный оборот *делить шкуру неубитого медведя*:

А хотя нне цесар и корол испанской крстьянской мир розделили меж собою может быт что над ними такъ же учинитца какъ над тѣмъ которые не зловя медвѣдя кожу ево продали²⁹.

Примечательно, что данное выражение пришло в русский язык из французского, где еще до басни Лафонтена, в которой охотники запродали медвежью кожу раньше, чем поймали медведя, существовала пословица «Не следует продавать шкуру медведя, пока он еще не убит»³⁰.

Третье значение лексемы необычайно богато разного рода сочетаниями; определения при слове *кожа* указывают на разновидности такого покрова в зависимости от: а) вида животного: *бычья, козья, овечья, коневая, коровья, нерпенья, оленья, белужина, ворвань* (снятая с морских млекопитающих) и мн. др.; б) от вида и возраста животного: *кожа выросток* (шкура годовалого теленка), *кожа конжеевая* (шкура тюленя-детеныша), *лысанья* (шкура трехгодовалого тюленя), *яловичная* (шкура коровы старше полутора лет); в) от способа и стадии обработки: *сырая, неделаная, мостовая* (кожа крупного скота, выдубленная, но еще не отделанная), *деланая, дубленая, задубная, мятильная* (кожа, выделанная без дубления, вымачиванием

в кислом растворе и последующим разминанием), *сыромятная, розваль* (выделанная бычья кожа низкого сорта), *мякотинная, иреиная, мячильная* (кожа мягкой выделки); г) от окрашенности: *красная* (окрашенная), *белая* (неокрашенная); д) от назначения (*сапожная, подошвенная, уледная, передовая, барабанная*). Как отмечают историки, в XIV–XVI веках «полностью раскрылось своеобразие кожевного ремесла в русских городах. Совершенствуется технология выделки кожи, расширяется сортамент кож разного качества и назначения»³¹, который и отражается в текстах того периода многочисленными приведенными словосочетаниями.

Хотя тем или иным способом обработанная кожа является уже материалом для изготовления, в частности одежды и обуви, эта лексема не рассматривалась при описании лексико-семантической группы «Материал для изготовления одежды» в древнерусском языке [3: 134]. Вместе с тем исследователи отмечают тот факт, что в деловых текстах старорусского периода представлены лексемы, обозначающие кожу, так или иначе обработанную (*яловка, юфть*) [2: 25].

Кожа издавна использовалась для отделки книг и других предметов. Материал СОРЯ дает многочисленные этому подтверждения:

*Три Евангелия воскресные толковые в десть, одно из них переплетено кожею в затылок*³². *Да трои Часы царския, переплетены в кожи без доск, в полдесть*³³. *Судебники в коже, в полдесть*³⁴. *Крест воздвизалной, цки серебряны, золочены... у креста влагалище деревяное в коже*³⁵. *Три ризницы съ замками, поволочены кожами, окованные*³⁶. *Венец и цата резные золочены... в ките, киот в затворы, оболочен кожею красною*³⁷. *А тѣ арбы были на колесахъ и щиты деревянные, кожами поволочены*³⁸. *Зимней властелинской возокъ обить кожею дачи Михаила Максимовича Нащокина взят во Псков в архиерейской домъ*³⁹.

Как видим, сфера использования отделочной кожи была необычайно широка.

Значения с 4-го по 8-е, оставшиеся в истории русского языка и не столь широко представленные в источниках Словаря, как предыдущие, тем не менее весьма интересны в плане развития полисемии. Они являют собой метафорические и метонимические переносы на разные оболочки, покрытия и емкости. Так, 4-е значение – это ‘кора и луб древесных растений’, а 5-е – ‘верхнее покрытие стебля травянистых растений’. То есть мы видим, что сема оболочки, покрытия здесь остается, меняется лишь денотативная отнесенность. Оба значения подтверждаются примерами только из одного памятника – Назирателя – переводной книги XVI века, восходящей через польское посредство к латинскому произ-

ведению XIV века, являющейся руководством по сельскому хозяйству и садоводству и содержащей медицинские и некоторые другие советы.

*Дерево от мѣста студеного и от старости зело затверждается и кожу имѣет зело толстую*⁴⁰ (здесь значение ‘кора дерева’). *Есть же и на древесех двоя кожа, едина верхняя грубая или толстая, которую лубомъ нарицають, другая исподняя которая бывает зелена. а иногда же бѣлая. а тую нарицають мязгою*⁴¹ (здесь значение ‘кора и луб дерева’) *Кожа ж... травная, не есть такъ из жилкохъ тонкихъ совокупленная, как звѣрская*⁴² (здесь значение ‘оболочка стебля травянистых растений’).

Периферийным значением слова *кожа*, образованным на основе метонимии, является ЛСВ ‘мешок, бурдюк из шкуры животного’:

*Купель Силоамля, отъ града саженой съ двѣсти... надъ нею учиненъ сводъ каменный; емлють ту воду въ городъ, возятъ въ кожахъ на ишакахъ*⁴³. *Ѥхал... колмогорецъ Яков Собакинъ с нимъ в двухъ кожахъ по смѣте четьрнатцать рыбъ чиров и пеледеи свѣжыхъ*⁴⁴.

Приведенные цитаты датируются XVII веком, тогда как сочетание *кожа вьючная* с этим же значением встречается в текстах начала XVI века: *Четыре седла вьючные, да четверы сумы, да четьре кожи вьючные. Да седло лятцкое, да седло вьючное, да сумы, да кожа вьючная*⁴⁵.

Другое периферийное метонимическое значение – ‘накидка, чем покрывают, укрывают что-л.’: *Привели на дворишка мой... двоих лошадей кобылу и бѣгу да кобылу гнеду с телѣги да кожу что накрывают возы*⁴⁶. В этом значении выделяем употребления, поскольку оснований для выделения производных значений недостаточно.

‘О верхе повозки из такого материала’: *Съ Коношенного двора рыдванъ подѣ кожею*⁴⁷, ‘О шатре из такого материала’: *Царь... татарский живет во граде Перекопи... отнюду же и татар сих перекопскими называют. Иже живут в полях под кожами скотскими, ничтоже ведущи о окрестных людскихъ обычаяхъ и учении, или какихъ художествахъ*⁴⁸.

Наконец, последним выделяем самое обобщенное, одно из древнейших метафорических значений – ‘оболочка чего-л.’:

*4 стекла въ длину по 5 вершковъ, въ ширину по чети аршина. Да дюжинные въ золотыхъ кожахъ, розбитые и мыши поѣли*⁴⁹. *Что бы ево пронесло, масла бобкова обертя в киселной кожи, или в блинь, и дат в сытъ или в молокохъ проглотить*⁵⁰.

В этом значении имеется оттенок ‘упаковка’:

*Да зелья семь бочек, а весу в них по ярлыком з деревом, и с кожей, и с веревками шестьдесят пуд и тритцать пять гривенов*⁵¹.

Кроме того, в источниках СОРЯ встретились употребления слова *кожа* в качестве имен соб-

ственных – как название реки в Каргопольском уезде: *Волость что на рѣкѣ на Кожи съ верхнего конца*⁵² и как прозвище мужчины: *Житель Орла городка Гришка Кожа*⁵³. *Нанялись они Иванъ Кожа съ товарищемъ... везти запасъ въ Смоленскъ*⁵⁴. И если севернорусский гидроним, скорее всего, имеет финноугорское происхождение (река Кожа вытекает из Кожозера и впадает в Онегу у деревни Усть-Кожа), то мужское прозвище, безусловно, изначально было мотивировано одним из нарицательных значений этого слова. Остается сожалеть, что в текстах не содержится объяснений происхождения данного прозвища (как и многих других, очень интересных с точки зрения истории языка).

ДЕРИВАТЫ ЛЕКСЕМЫ

В словообразовательное гнездо лексемы *кожа* входили такие дериваты, как уменьшительные *кожица* и *коженка*, уничижительные *кожишка* и *кожишко*, синонимичное производящему в значении 3 слово *кожурина*, а также *кожан* ‘верхняя одежда из выделанной шкуры’ (с производным уничижительным *кожанишко*), *кожевня* ‘мастерская для обработки и выделки кож’, прилагательные *кожаный* и *кожный*, номинации *кожевник*, *кожаник*, *кожник* и *кожемяка* ‘кто выделывает кожи’, первое из этих имен дает микротопоним *Кожевники* в разных городах Руси, параллель женского рода *кожевница*, глагол *кожевничать*, а также целый ряд прилагательных: *кожевников*, *кожевниковский*, *кожевницкий* и *кожевничский*, *кожевничий*, *кожевничный*, *кожевный*. Помимо перечисленных дериватов, от лексемы *кожа* образовано слово *кожух*, имеющее значения ‘верхняя одежда из шкур или меха животных’, ‘корпус, оклад,

футляр, оправа, ящик для чего-л.’, ‘вторая стена, защищающая основную стену города’, ‘свод над печью’, ‘ограждение, наружная обшивка плавающей печи’, ‘свод над мельничным водяным колесом’, ‘то, чем закрывают волоковое окно’, а также используемое в качестве некалендарного имени или прозвища мужчины. От существительного *кожух*, в свою очередь, образованы производные *кожушина*, *кожушок* и *кожушный*, от сущ. *кожемяка* – прилагательное *кожемяцкий*. При этом следует отметить, что многие дериваты (а не только лексема *кожух*) являются, как и само слово *кожа*, многозначными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы видим, что лексема *кожа* в разных своих значениях соотносилась с очень актуальными для Московской Руси понятиями, в результате чего количество дериватов с корнем *кож-* было довольно большим. Если сопоставить материалы СОРЯ с данными современного языка, то из описанных восьми значений лексемы *кожа*, бытовавших в языке конца донационального периода, актуальными остались три: ‘наружный покров тела человека и животных’, ‘выделанная шкура животного’ и ‘внешняя оболочка плода, семени; кожура’⁵⁵. Что касается дериватов этого слова и фразеологизмов с компонентом *кожа*, представленных в СОРЯ, то они по большей части не сохранились в современном языке. Это наблюдение еще раз доказывает актуальность тщательной семантизации материалов, заявленной Б. А. Лариным [5] в проекте Словаря и призванной создать наиболее полное и системное описание лексико-фразеологической системы языка старорусского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1. А – Бязь. СПб., 2004. С. 47.
- ² Там же. С. 305.
- ³ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 3. Вор – Вящий. СПб., 2010. С. 164.
- ⁴ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 4. Гагара – Гуца. СПб., 2011. С. 132.
- ⁵ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 5. Да – Дотянуть. СПб., 2012. С. 77.
- ⁶ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 6. Доучиваться – Заехать. СПб., 2014. С. 324.
- ⁷ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 8. Земелька – Ильинский. СПб., 2018. С. 296.
- ⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Т. 1. СПб., 1893. Т. 1. С. 1245.
- ⁹ Словарь древнерусского языка XI–XIV веков. Т. 1. М., 1988. Т. 11. М., 2019. (Издание продолжается). Т. 4. М. 1991. С. 234.
- ¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1. М., 1975. Вып. 31. М.; СПб, 2019. (Издание продолжается). Вып. 7. М., 1980. С. 218.

- ¹¹ Назиратель / Изд. подгот. В. С. Голыщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1973. С. 512.
- ¹² Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899. С. 88.
- ¹³ Вести-Куранты 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; Под ред. С. И. Коткова. М., 1980. С. 142.
- ¹⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 273.
- ¹⁵ Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964. С. 45.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край / Изд. подгот. С. И. Котков, Л. Ю. Астахина, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1984. С. 214.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Записки Московского археологического института. Т. 14. М., 1911. С. 456.
- ²⁰ Там же. С. 198.
- ²¹ Памятники деловой письменности XVII в.: Владимирский край... С. 182.
- ²² Акты исторические, собранные и изд. Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1841. С. 391.
- ²³ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX ст. / Собрал П. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб., 1899. С. 113.
- ²⁴ Акты исторические, собранные и изд. Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 495.
- ²⁵ Вести-Куранты 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 97.
- ²⁶ Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; Под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 66.
- ²⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. СПб., 1842. С. 340.
- ²⁸ Вести-Куранты 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 97.
- ²⁹ Там же. С. 133.
- ³⁰ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998. С. 639.
- ³¹ Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в средневековой России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012. 52 с.
- ³² Исламова Э. А., Галиуллин К. Р. Казанский край: Словарь памятников XVI в. Казань, 2000. С. 108.
- ³³ Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. С. 17.
- ³⁴ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост. З. В. Дмитриева, М. Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 133.
- ³⁵ Галиуллин К. Р., Гизатуллина А. Р. Казанский край: Словарь языка памятников 1-й четверти XVII в. // Изд-во Казанского государственного университета. 2008. С. 92.
- ³⁶ Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1850. С. 238.
- ³⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 206.
- ³⁸ Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 4. СПб., 1851. С. 29.
- ³⁹ Сидоренская Н. Д. Нетные книги Псково-Печерского монастыря 1682 г. Псков, 2010. С. 123.
- ⁴⁰ Назиратель... С. 258.
- ⁴¹ Там же. С. 222.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Проскинитарий Арсения Суханова / Под. ред. Н. И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Т. 7. Вып. 3 (21). СПб., 1889. С. 184.
- ⁴⁴ Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю. И. Чайкина. Вып. 2. СПб., 2005. С. 67.
- ⁴⁵ Акты Русского государства 1505–1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1975. С. 199.
- ⁴⁶ Хитрова В. И. Русская историческая и диалектная лексикология: Материалы к практическим занятиям по истории русского литературного языка и русской диалектологии (Буквы З–К). М., 1989. С. 70.
- ⁴⁷ Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. (РИБ. Т. 21). С. 176.
- ⁴⁸ Лызлов А. Скифская история. М., 1990. С. 126.
- ⁴⁹ Дела Тайного приказа... С. 287.
- ⁵⁰ Указ как лечит больных люди (рукопись ГИМ собр. Щукина № 290). С. 58.
- ⁵¹ Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е. Б. Французова. М., 2002. С. 3.
- ⁵² Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 5. СПб., 1853. С. 482.
- ⁵³ Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. I. А–О. Пермь, 2010. С. 254.
- ⁵⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археограф. комис.; Под ред. Н. Калачева. Т. 2. СПб., 1864. С. 792.
- ⁵⁵ Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. К–О. М., 1986. С. 67.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–36.
2. Гауч О. Н. Наименование тканей в деловых документах второй половины XVIII века (на примере документов Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 28. № 37 (138). С. 21–27.
3. Горячкина Е. В. Названия материала для изготовления одежды в русском языке XI–XVII вв.: этимология, семантика // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2 (23). С. 133–139.
4. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 5–9.
5. Смольников С. Н. Лексика кожевенного дела в «Словаре промысловой лексики северной Руси XV–XVII вв.» // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докладов межвуз. науч. конф. (Вологда, 13–15 октября 1998 г.) / Отв. ред. Е. П. Андреева. Вологда, 1998. С. 15–17.

Поступила в редакцию 13.09.2021; принята к публикации 22.04.2022

Original article

Olga V. Vasilieva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
barcarola@list.ru

LEXEME *LEATHER* AND ITS DERIVATIVES IN THE DICTIONARY OF THE EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE OF MOSCOW RUSSIA

Abstract. The purpose of the article is to demonstrate the methodology for describing semantics and phraseology in the historical explanatory dictionary using the material of the lexeme *leather* developed in the latest edition of the Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Russia in the XVI–XVII Centuries. The numerous sources of the Dictionary and its concept of the completeness of the material description enables the authors to reflect the semantic and grammatical features of the vocabulary of the described period in detail, which makes each dictionary entry quite representative and reflects the novelty of the approach to the material. The word “skin” and its derivatives are recorded in the sources of the Dictionary in more than 570 documents and in about 30 stable combinations, which suggests that the described realities behind these words and phrases were quite relevant for Moscow Russia. The analysis of all the collected material gives an adequate representation of one of the aspects of Moscow Russia’s everyday life as well as one of the fragments of the lexical system of the Old Russian language.

Key words: lexeme *leather*, historical lexicology, historical lexicography, polysemy, phraseology, Dictionary of the Everyday Russian language of Moscow Russia

For citation: Vasilieva, O. V. Lexeme *leather* and its derivatives in the Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Russia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):102–108. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.773

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. Word and meaning as a subject of historical and lexicological research. *Topics in the Study of Language*. 1995;1:5–36. (In Russ.)
2. Gauch, O. N. Names of fabric in business documents of the second half of the XVIII century (in the documents of the Tobolsk office of the State Archives of the Tyumen Region). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History*. 2008;28(37):21–27. (In Russ.)
3. Goryachkina, E. V. Material name for making clothes in Russian language XI–XVII вв.: the etymology, semantics. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*. 2013;2(23):133–139. (In Russ.)
4. Larin, B. A. Notes on the Dictionary of the Everyday Language of Moscow Russia. *Issues of theory and history of language*. St. Petersburg, 1993. P. 5–9. (In Russ.)
5. Smolnikov, S. N. Leatherworking vocabulary in the Dictionary of Commercial Vocabulary of Northern Russia in the XV–XVII Centuries. *Issues of Russian lexicology and lexicography: Proceedings of the interuniversity research conference*. Vologda, 1998. P. 15–17. (In Russ.)

Received: 13 September, 2021; accepted: 22 April, 2022

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА РУСАНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3451-6892; rusanowa_7@mail.ru

КНИЖНО-СЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

А н н о т а ц и я . Статья посвящена проблеме «славянизации» деловой письменной речи как ключевого процесса в период формирования делового языка нового типа. Рассматриваются малоизученные в лингвистическом отношении международные юридические документы второй половины XVII века, что обуславливает актуальность и новизну исследования, цель которого – выявить языковую специфику внешнеполитических актов указанного периода и определить их роль в дальнейшем преобразовании официально-делового языка. Установлено, что международные юридические документы занимали особое положение среди текстов, созданных стандартным и нестандартным приказным языком. Представляя собой официально-правовые документы, подобные акты должны были оформляться средствами стандартного приказного языка, однако в действительности обнаруживают нестандартные для них церковнославянские элементы. Сочетание приказных и книжно-славянских средств, связанных с коммуникативными и стилистическими установкам составителей, было характерным для юридических документов, обслуживающих международные отношения, но несвойственным в целом приказному языку указанного периода. Новизна статьи определяется также описанием и дифференциацией книжно-славянских элементов, использующихся в языке исследуемых документов, как этикетных, жанрово-стилистических и текстообразующих. Делается вывод о значимости обнаружения церковнославянских элементов в тематически и жанрово ограниченной группе официальных документов в пределах приказной традиции. Проведенный анализ позволяет уточнить пути появления книжно-славянских средств в официально-деловом языке Петровской эпохи и механизмы их адаптации в новом языковом пространстве государственной коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история русского литературного языка, приказный язык, международный юридический документ, книжно-славянские (церковнославянские) языковые средства

Д л я ц и т и р о в а н и я : Русанова С. В. Книжно-славянские элементы в языке международных юридических документов Московской Руси второй половины XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 109–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.774

ВВЕДЕНИЕ

Формирование в XVIII веке делового языка нового типа связано прежде всего с его оттачиванием от приказной традиции и втягиванием в зону влияния книжно-литературных норм. В новых условиях, когда

«литературность текста перестает связываться с признаками книжности и целиком определяется его культурными функциями», становится возможной «экстраполяция литературного языка нового типа на те сферы, которые первоначально были вне пределов его функционирования» [4: 122–123].

Разрушение традиционной обособленности, автономности функционирования делового языка донациональной эпохи и усвоение им норм литературного языка нового типа маркируется использованием примет церковнославянского

языка на разных языковых уровнях – фонетическом, словообразовательном, синтаксическом [7: 24]. Использование славянизмов в деловом языке XVIII столетия признается одним из ключевых отличий, противопоставляющих его приказному письменному узусу XVII века, в который «славянизмы не допускались» [8: 72].

В последние десятилетия функционирование книжно-славянских (церковнославянских) элементов в деловом языке XVIII века оказывается в центре внимания исследователей региональной деловой письменности¹ [1], [2], [8], [9], [10], [12]. Изучение особенностей употребления славянизмов в деловых текстах позволило разработать их классификацию: славянизмы как жанрово-стилистические средства, как средства канцелярского этикета, как средства высокого слога [8: 71–140].

Поставлен вопрос о дифференциации книжно-славянских элементов на собственно славянизмы и канцеляризмы [6: 62–63].

Накопленный и проанализированный материал позволяет увидеть неубедительность высказанных в разное время предположений о том, что функция показателей «канцелярского стиля» у ряда славянизмов обусловлена поэтикой классицизма [14] и даже распадом высокого стиля, под влиянием которого славянизмы как единая стилистическая категория перестают существовать, распадаясь на ряд новых (поэтизмы, историзмы, канцеляризмы и т. д.) [5: 193]. В то же время, несмотря на активное исследование процесса славянизации делового языка XVIII века, некоторые его аспекты еще недостаточно изучены. В частности, требует уточнения вопрос о путях появления церковнославянизмов в деловом языке Петровской эпохи.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Процесс славянизации делового языка, и в частности языка законодательных актов, активизировавшийся в Петровскую эпоху, в действительности имеет исторические корни. Книжно-славянские элементы начали спорадически проникать в деловые тексты уже в ранний древнерусский период, несмотря на разный культурный статус церковнославянского и делового языка, непересекающиеся сферы их функционирования, разное происхождение, коммуникативные установки и механизмы порождения книжных и деловых текстов. М. Л. Ремнева, исследующая характер грамматической нормы в текстах книжного и делового содержания, вслед за Л. П. Якубинским замечает, что

«влияние церковнославянского языка на язык деловой письменности является естественным, поскольку оно было частью более широкого процесса – культурного влияния его на русский язык в целом как языка церкви, имевшего большое значение в идеологической жизни общества, как книжного языка вообще» [11: 75].

Интересными представляются выводы М. Л. Ремневой о необходимости учитывать при определении причин и путей появления грамматических церковнославянизмов в текстах восточнославянской деловой письменности раннего периода факт существования большого корпуса текстов юридического и делового содержания, переведенных с греческого и написанных по-церковнославянски [11: 72, 103–104].

Среди примеров использования церковнославянских грамматических форм в восточнославянских деловых текстах XI–XIV веков приводятся формы аориста и имперфекта, употребление которых было нерегулярным, однако в отдельных случаях данные формы, по всей видимости, свя-

заны с определенной коммуникативной задачей. Как вариант типичных для делового письма условных союзов *аже, оже, аче*, *како* мог использоваться и даже быть более распространенным в списках разных редакций отдельных документов церковнославянский союз *аще* [11: 75–78, 81–86, 94]. М. Л. Ремнева заключает:

«Использование *аще* в деловой письменности – это результат влияния книжнославянской стихии, вследствие чего элемент нормы языка памятников высокой книжности становится элементом нормы языка деловой письменности и не осознается как элемент, чуждый системе языка письменности, ориентированной на живую восточнославянскую речь» [11: 87–88].

То есть, по сути, перед нами один из примеров адаптации книжно-славянского элемента как нормативного средства деловой письменности.

Особое место в истории русского языка занимает период конца XVI–XVII века, представляющий достаточно пеструю картину. С одной стороны, расширяются рамки «литературности»: в число литературных, наряду с «образцовыми» текстами, попадают произведения, в языке которых, по сути, реализуется норма деловой письменности с использованием церковнославянских элементов (хожения, Назиратель, Домострой и др.). С другой стороны, строгая книжная норма может реализовываться не только в собственно (канонической) житийной литературе, но и в повести, названной житием (Житие Иулиании Лазаревской). Кроме того, в этот период широко представлены образцы деловых текстов, отражающих появление приказного языка – языка документов, составленных профессиональными писцами, под пером которых происходило становление новых норм юридического языка, официально закрепленных в основном своде законов Московского государства – Уложении 1649 года и ставших общеобязательными при составлении любого рода документов [11: 304–307].

Актуальным является выделение исследователями двух разновидностей приказного языка XVII века: *стандартного приказного языка*, представленного в официальных документах, формализованных, хотя и относительно свободных в структурно-языковом отношении, и *нестандартного приказного языка*, «который рождался под пером профессиональных писцов как *отклонение от нормы* общеправового языка» [11: 286]². Причем отклонения от нормы стандартного языка могли быть в сторону либо церковнославянского, либо народно-разговорного языка в зависимости от семантической и стилистической нагрузки текста и лингвистической компетенции адресата. Именно нестандартный приказный язык отличался нивелировкой ярких

особенностей стандартного приказного языка, взаимодействием приказных и церковнославянских языковых элементов, свободным, контролируемым переключением кодов³. В качестве ярких образцов такого нестандартного приказного языка называются стихотворные произведения и переписка дьяка Сибирского и Посольского приказов Третьяка Васильева, автобиографическое жизнеописание подьячего Посольского приказа Василия Даудова (по происхождению армянина из Персии, настоящее имя которого Алимарцан Бабаев), тетрадки подьячего Артиллерийского приказа Илариона Докунина и перевод политического трактата, выполненный подьячим Посольского приказа Василием Садовулиным.

Стандартный же приказный язык влияния церковнославянского языка не испытывает. Так, грамматическая норма Соборного уложения отражает традиционные черты делового языка: форма на -л как единственное средство передачи значения «действие (состояние) в прошлом», условные конструкции с союзом *а будет* и бессоюзные конструкции типа «*а (которые, кто, что и др.) + инфинитив*», временные конструкции с союзом *как*, целевые конструкции с союзом *чтобы*, форма инфинитива для передачи значения распоряжения, пожелания. Изредка встречающиеся церковнославянские фрагменты являются знаками концептуального, а не языкового влияния и представляют собой самостоятельные текстовые вставки [11: 292–295].

Особое место в ряду отмеченных выше двух разновидностей приказного языка XVII века занимал язык документов, обслуживающих сферу международных отношений. Наиболее известными и исследованными среди подобных документов являются статейные списки – отчеты русских послов о посольствах в иностранные государства, составленные в форме дневников [13]. О. В. Никитин, квалифицируя язык статейных списков как «дипломатический стиль», подчеркивает их подчиненность с идеологической точки зрения установкам Посольского приказа; культурное же пространство таких отчетов было значительно шире и разнообразнее «подьяческого наречия» и требовало иных ориентиров, другого оформления государственного слога⁴. Развиваются новые для делового языка формы повествовательно-художественного изложения, которые, однако, не вели к разрыву прочных традиционных связей делового языка с разговорным языком [3: 134–135], [13: 83]. Кроме информации, изложенной в живой, непринужденной дневниковой манере, в состав статейных списков входили официальные документы, связанные с посольством: грамоты государей, договоры, челобитные послов и т. д., обнаруживающие

важные обилие сложных синтаксических конструкций, церковнославянских и архаичных элементов, типичных канцелярских слов и выражений [13: 83]. Подобные международные юридические акты продолжают оставаться в лингвистическом отношении почти не изученными, в связи с чем заслуживают особого внимания.

В Полном собрании законов Российской империи с 1649 по 1675 год (период правления Алексея Михайловича) зафиксировано более 113 международных актов⁵, наиболее показательными среди которых являются договоры, договорные статьи и записи, «учиненные» российскими и шведскими, а также российскими и польскими послами, и жалованные грамоты, отличающиеся широким кругом адресатов.

Лингвостилистическая специфика исследованных международных документов Московской Руси второй половины XVII века с учетом вышеуказанных разновидностей приказного языка может быть обобщена следующим образом: по своему функциональному назначению они относятся к официальным документам, следовательно, в их оформлении должен использоваться стандартный приказный язык, однако в реальном языковом воплощении они обнаруживают нестандартные для него церковнославянские элементы, выполняющие роль жанрово-стилистических средств, маркеров высокого слога, особого дипломатического этикета. Следует отметить, что характер и количество церковнославянских элементов в исследуемых документах обусловлены их жанровой спецификой и содержанием. Так, например, в жалованных грамотах и шертных записях о принятии в российское подданство таких элементов немного, что определяется сложившейся письменной традицией в оформлении подобных документов. Важным представляется сам факт использования в ограниченной группе официально-деловых документов, созданных в рамках приказного делопроизводства, достаточно широкого спектра книжных средств – лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических.

Приведенные ниже книжно-славянские элементы встречаются в языке внешнеполитических документов на протяжении всей второй половины XVII века⁶. Однако в настоящем исследовании мы останавливаемся на документах правления Алексея Михайловича как наиболее ранних и благодаря этому более значимых в плане иллюстрации изучаемых аспектов.

Особенности функционирования в языке исследуемых международных актов книжно-славянских элементов позволяют дифференцировать последние как этикетные, жанрово-стилистические и текстообразующие. В первую

очередь обращает на себя внимание функционально-стилистическое переосмысление церковнославянских элементов как средств дипломатического этикета. Актуальными в этикетных формулах оказываются словообразовательные модели, в частности приставки *пре-* и *наи-* и суффиксы *-ейш-*, *-айш-*, с помощью которых образуются прилагательные в превосходной степени (*пресветлейший*, *наияснейший*, *милостивейший*). Подобные формы используются при наименовании титула правителя государства, с которым устанавливаются дипломатические отношения определенного уровня; набор таких эпитетов варьируется в зависимости от дипломатического пиетета и сложившихся традиций обращения к верховной персоне того или иного государства. Средством этикетной актуализации высшей степени признака в формуле обращения выступали и сложные прилагательные, имеющие в составе начальные *высоко-* и *велико-* (*высокопрестольнейший*), а также прилагательные, маркированные префиксом *не-* (*непобедимый*). Ср.⁷:

«за моего Милостивейшаго Государя, Пресветлейшаго Курфирста <...> Бранденбургскаго; къ Державнейшему Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу <...>» (ПСЗ 1830: I, № 191, 1656 г., с. 402–403); «<...> межъ Великими Монархи: Пресветлейшимъ и Великимъ Государемъ, Его Царскимъ Величествомъ, Божиею милостию, всея Великия и Малыя и Белья России <...> и межъ наияснейшимъ и Великимъ Государемъ Его Королевскимъ Величествомъ, Божиею милостию, Королемъ Польскимъ» (ПСЗ 1830: I, № 192, 1656 г., с. 405); «Восточнаго предела *высокопрестольнейшаго* места, *превысочайшия* и *прехвальныя* степени *великодержательную* власть древнихъ Великихъ Государей, Персидскихъ Царей приемшему и превознесенную честь, яко рогъ инорога достигшему и въ величестве чести превосходящему и многимъ Мусульманскимъ родомъ Повелителю, Персидскому и Ширванския земли начальнику, брату Нашему, Великому Государю Аббасъ Шахову Величеству» (ПСЗ 1830: I, № 319, 1661 г., с. 566); «Пресветлейшаго и Вельможнейшаго и непобедимаго Князя и Великаго Государя, Леопольдуса, Божиею милостию избраннаго Цесаря Римскаго ... Божиею милостию Пресветлейшаго и Вельможнейшаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Государя Алексея Михайловича...» (ПСЗ 1830: I, № 610, 1675 г., с. 1009–1010) и т. д.

Показательными в свете их дальнейшей значимости в официально-деловой коммуникации представляются и особые этикетные формы выражения вежливого требования или просьбы, актуализирующиеся в речи правителей по отношению друг к другу (*изволить*, *благоизволить*). Ср.:

«присылалъ <...> къ Его Царскому Величеству Пресветлейший Курфирстъ Бранденбургский и проч., мой милостивейший Государь, со своими грамотами меня, своего посла, просить, чтобъ Его Царское Величество меня пожаловать *изволить*» (ПСЗ 1830: I, № 191, 1656 г., с. 403); «его Курфирстское Пресветлейшество просить, чтобъ Пресветлейший Великий Государь, Его Царское Величе-

ство, съ нимъ обнадежно ссылаться *благоизволить*» (ПСЗ 1830: I, № 565, 1673 г., с. 950).

Жанрово-стилистическими средствами синтаксической организации текста выступают служебные слова, среди которых особое место занимают церковнославянские подчинительные союзы (*понеже*, *дабы*, *ежели*), использующиеся прежде всего в договорах, договорных статьях и записях – документах, составляющихся полномочными послами и юридически предваряющих официальные договоры между государствами. Так, союз *понеже* обычно употребляется в придаточном причины, занимающем инициальную позицию, например:

«*Понеже* въ здешнихъ дружныхъ, учиненныхъ разговорахъ съ обеихъ сторонъ добрая подвижность, которую превысокие наши всемилостивейшие Государи, Его Царское Величество и Его Королевское Величество къ прежней дружбе и надежности <...>, якожъ освидетельствовано есть; и по тому Ихъ обоихъ Великихъ Государей нашихъ изволенью <...>» (ПСЗ 1830: I, № 259, 1659 г., с. 490); «А *понеже* при семь дружномъ разъезде мы, Его Царскаго Величества, великие и полномочные послы, <...> потребуемъ; то Его Королевскаго Величества великие и полномочные послы къ первому впредь будущему съезду привести обещали» (ПСЗ 1830: I, № 267, 1659 г., с. 510); «А *понеже* предъ подтверждениемъ договоровъ Андрусовскихъ не удобно было Великимъ Государемъ нашимъ, съ обеихъ сторонъ, <...> по два человека, назначенныхъ съ обеихъ сторонъ, на рубежъ Коронный и Великаго Княжества Литовскаго посланы быть имеютъ» (ПСЗ 1830: I, № 420, 1667 г., с. 733) и т. д.

Для выражения цели, наряду с типичными для приказного языка конструкциями с союзом *чтобы*, используются придаточные предложения с союзом *дабы*:

«Также и о томъ Бога молитесь, *дабы* исполнилося Наше Царскаго Величества помышление надо всеми нашими неприятелями» (ПСЗ 1830: I, № 180, 1656 г., с. 383); «Чтобы <...> великие и полномочные послы съехались на назначенномъ для конференции месте, а именно, на Ервелайской границе <...> *дабы* въ силу Велиесарскаго перемирнаго договора производить взаимно всякия добрыя дела, и заключить вечный миръ между обоими Великими Государями и их Великими Государствами»; «<...> должно отдать на нашего Велеможнаго Государя, Его Королевскаго Величества и Великаго Государя, Его Царскаго Величества, добрую волю, *дабы* оба Государи, по ихъ благосклонности къ Християнскому благоденствию, согласились въ томъ, чего великие послы сами ради спешности, не могли привести въ вожденное окончание» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 527–528) и др.

Условные конструкции, помимо приказного союза *буде*, могут оформляться союзами *ежели* и *если*:

«И *ежели* Онъ Великий Государь Царь и Великий Князь Василий Ивановичъ, всея России Самодержецъ, Своихъ пословъ къ своему брату Максимилиану, избранному Римскому Цесарю <...> пошлетъ <...> такожь и къ нему <...> ездить свободно и невозбранно будетъ» (ПСЗ 1830: I, № 191, 1656, с. 403); «*Ежели* случится еще не-

что потребно для поспешествования сему Христианскому делу, то есть мирному договору, то оное по разъезде обоюдных великих и полномочных послов должно отдать на нашего Велеможного Государя, Его Королевского Величества и на Великого Государя, Его Царского Величества, добрую волю» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 528); «А если продадутъ въ Астрахани большою ценою, какъ имъ годно, и со всея цены пошлинъ взять по десяти жъ денегъ съ рубля (ПСЗ 1830: I, № 409, 1667, с. 692).

Экспликация коммуникативно значимых смыслов также может осуществляться посредством нетипичных для приказной традиции лексико-грамматических средств. Так, актуализация принятого решения подчеркивается местоименно-предложными сочетаниями *сего ради*, *оного ради*, *того ради*:

«*того ради* мы <...> утвердили сие нашу клятвою» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 528); А оного ради крепкаго содержания, сия Государственная жалованная грамота имъ, Стефану и Григорью и по нихъ будучимъ наследникамъ дана, со всякою крепостию и утверждению (ПСЗ 1830: I, № 409, 1667, с. 695); *Сего ради* на очищение отъ Татаръ Украйны и еже привести непослушныхъ къ послушанию козаковъ и защищая Государство Коронное отъ наездовъ Татарскихъ, обещаетъ Его Царское Величество войска своего, се есть конницы пять тысячъ и пехоты двадцать тысячъ (ПСЗ 1830: I, № 420, 1667 г., с. 729).

Модальность долженствования передается императивной формулой «имеет / имеют + инфинитив»:

«и тогда ни сие учиненное письмо, ни настоящий договор и ни иное что учиненному Велисарскому перемирному договору къ противности и умалению *быть не имеетъ*» (ПСЗ 1830: I, № 259, 1659 г., с. 490); «и на обе стороны, во всякомъ слове и статье, безъ всякаго умаления, крепко и нерушимо *содержаны быть имеютъ*» (ПСЗ 1830: I, № 267, 1659 г., с. 509); «Такожъ сей нашъ разъездъ не инако быти и *разуметися быть имеетъ*, какъ во всякой дружбе къ дальнымъ дружнымъ съездамъ (ПСЗ 1830: I, № 267, 1659 г., с. 509); черезъ Дорогобужъ, и Вязьму и до столицы Его Царского Величества, по которымъ дорогамъ безопасно *имеетъ быть* проездъ людямъ посольскимъ (ПСЗ 1830: I, № 358, 1664 г., с. 589).

К стилистически маркированным средствам текстообразования, имеющим книжно-славянские корни, относятся сложные отглагольные прилагательные и причастия с начальным элементом *выше-* и причастные конструкции с наречным сочетанием *выше сего* в анафорически-выделительной функции:

«но и съ *вышеупомянутых* причинъ на время разъехались» (ПСЗ 1830: I, № 267, 1659 г., с. 509); «какъ *вышеупомянуто*» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 528); «а *вышеименованный* проездъ» (ПСЗ 1830: I, № 409, 1667, с. 694); «тежъ *вышеименованные* Бояре и Думные Дьяки» (ПСЗ 1830: I, № 420, 1667 г., с. 733); «и о томъ тебе, его Курфистова посланнику, *объявлено выше сего* подлинно въ первой статье. <...> И на сию статью ответъ тебе, его Курфиртского Пресветлейшества посланнику, *учинень пространно выше сего*» (ПСЗ 1830: I, № 565, 1673 г., с. 654).

Широко используются приемы и способы синтаксической компрессии структурных компонентов текста и номинализации глагольного сказуемого:

«А для лучшаго *содержания и крепости* сего учинения, сии записи написали, из которыхъ одна отъ насъ, Его Царского Величества великихъ и полномочныхъ пословъ, а другая отъ Королевскаго Величества великихъ и полномочныхъ пословъ другъ другу поданы» (ПСЗ 1830: I, № 259, 1759 г., 1659, с. 490); «того ради мы <...> утвердили сие нашу клятвою, на блаженство душъ нашихъ, на святомъ Христовомъ Евангелии, съ *приложениемъ* нашихъ рукъ <...> и разменили оную, для вѣщаго утверждения, съ Его Царского Величества депутатами <...> на уверительную их грамоту, дабы оныя <...> безъ всякаго *переменения* твердо и безпрестанно были исполняемы» (ПСЗ 1830: I, № 292, 1661 г., с. 528); «и по тому договору, *по отпуске* отъ Великаго Государя нашего <...> Его Королевскаго Величества великихъ и полномочныхъ пословъ» (ПСЗ 1830: I, № 565, 1673 г., с. 950) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книжно-славянские элементы, обнаруженные в результате проведенного анализа документов, связанных с внешней политикой Московской Руси, свидетельствуют о кардинальном отличии в исследуемый период языкового оформления юридических документов, обслуживающих международные отношения, от оформления законодательных актов, предназначенных для внутригосударственного пользования. Выявленные особенности позволяют говорить о реализации в документах важной тенденции к взаимодействию приказных и церковнославянских языковых элементов, которая фиксируется учеными в нестандартных приказных текстах (переписка, политический трактат, автобиографическое описание и др.), принадлежащих перу наиболее образованных и одаренных представителей приказного сословия.

Несмотря на разную степень фиксации и функциональной мотивированности церковнославянских средств в текстах договоров, договорных статей, записей, жалованных грамот и др., значимым является сам факт их наличия в тематически и жанрово ограниченной группе официальных документов, отличающихся особыми коммуникативными и стилистическими установками составителей, в то время как вся остальная официально-деловая сфера обслуживалась стандартным приказным языком.

Безусловно, функционирование в международных актах второй половины XVII века несвойственных стандартному приказному языку славянизмов требует дальнейшего их изучения с учетом актуальной для создания подобных документов ситуации межкультурного контакта и специфики межкультурной коммуникации. Од-

нако проведенное исследование позволяет говорить о том, что пути появления в деловом языке Петровской эпохи церковнославянских средств, которые традиционно связываются с книжным языком, должны уточняться. И следовательно,

может быть расширен круг письменных источников, выступающих в качестве прецедентных в процессе «славянизации» и «олитературирования» деловой письменной речи первой трети XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кудрявцева Е. А. Элементы церковно-славянской традиции в деловой письменности начала XVIII века (на материале Туруханского Троицкого монастыря): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 173 с.
- ² См. также: Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 295 с.
- ³ Там же С. 259–267.
- ⁴ Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 15–16.
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Т. I, II. СПб.: В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830 (далее – ПСЗ).
- ⁶ Сравните, например, такие международные акты, как «Договоръ, учиненный въ Москве съ Польскими послами» (ПСЗ 1830: II, № 730, 1678 г.) или «Ратификация Турецкаго Султана Магомета IV на мирный договоръ, заключенный 3 Генваря 1681 Российскими посланниками съ Крымскимъ Ханомъ» (ПСЗ 1830: II, № 916, 1682 г.).
- ⁷ Курсив в цитируемых документах XVII века мой. Графика приводится в соответствии с современной кириллицей. Буквы ъ и і последовательно заменены буквами е и и. Пунктуация источников сохраняется. Ниже предлагается расшифровка нумерации цитируемых международных документов второй половины XVII века из ПСЗ:
 № 180. Грамота Молдавскому Воеводе Владетелю Стефану на принятие его со всею Молдавскою землею в подданство России; № 191. Договор между Российским и Брандербургским послами; № 192. Договорные статьи с польским правительством; № 259. Запись, учиненная на съезде в Тормсдорфе на реке Двине, между полномочными российскими и шведскими послами; № 267. Запись, учиненная на границе в Святогорской деревне, между полномочными послами, с Российской стороны Воеводою Нашокиным, с товарищи, а с Шведской, Бенкт Горном и прочими; № 292. Запись, учиненная на съезде при Ервелейской границе, между Дворянами Российскаго и Шведскаго посольства; № 319. Грамота персидскому шаху Аббасу II; № 358. Запись, учиненная в деревне Шейнове с польскими послами; № 409. Жалованная грамота Армянской компании на привоз в Россию шелка и сырца; № 420. Договор, учиненный в Москве между Российскими и Польскими послами; № 565. Статьи ответные, данные из Посольского приказа Бранденбургскому в Москве посланнику Иоахиму Скультету; № 610. Запись, учиненная Российским и Цесарским Дворами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викторова Н. В. Наблюдения над книжно-славянскими и разговорными элементами в эпистолярных деловых текстах XVIII в. // Становление грамматического и лексикофразеологического строя русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. Магнитогорск, 1992. С. 39–44.
2. Выхристюк М. В. О языковых критериях книжности и разговорности в исторической русистике // Проблемы истории и филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Тобольск, 2001. С. 130–132.
3. Горшков А. И. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1969. 366 с.
4. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
5. Замкова В. В. Славянизмы как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века. Л.: Наука, 1975. 224 с.
6. Кудрявцева Е. А. Деловое письмо и книжная традиция: черты преемственности // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 43. С. 62–64.
7. Майоров А. П. Книжно-славянские элементы разного уровня в деловом языке XVIII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2018. № 2. Т. 4. С. 24–32. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32
8. Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2006. 263 с.
9. Майоров А. П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. № 4. С. 29–37.
10. Преферансов С. А. Книжная и разговорная лексика в документах Царицынского городского магистрата (1784–1799 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2011. № 1 (13). С. 58–64.
11. Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.
12. Русанова С. В. Глагол *благоволить* в региональном тексте промемории XVIII века и в словаре (на материале забайкальской деловой письменности) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 188–189.

13. Сабенина А. М. Статейные списки и их значение для истории русского языка // Русский язык. Источники для его изучения. М.: Наука, 1971. С. 59–84.
14. Семенов П. А. Проблема классификации стилистических функций славянизмов (диахронический аспект) // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf> (дата обращения 30.01.2022)

Поступила в редакцию 21.02.2022; принята к публикации 28.04.2022

Original article

Svetlana V. Rusanova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-3451-6892; rusanowa_7@mail.ru

SLAVONIC WRITTEN LANGUAGE ELEMENTS IN THE MUSCOVY INTERNATIONAL LEGAL DOCUMENTS OF THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

Abstract. The article deals with the “Slavicisation” of business writing as a key process during the development of a new type of business language. The focus is on the international legal documents of the second half of the XVII century which have been understudied by linguists. This determines the urgency and novelty of the study aimed at revealing the linguistic specifics in the international legal documents of the specified period. Besides, the study determines their role in the further transformation of the official business language. The article has discovered that international legal documents had a special position among the texts created in the standard and non-standard mandative language. Representing official legal documents, such acts had to be drawn up by means of the standard mandative language. However, in reality they contain some Church Slavonic elements which are not standard for such texts. The combination of mandative and Church Slavonic means associated with the communicative and stylistic attitudes of the drafters was characteristic of the international legal documents, but not the mandative language of the specified period in general. The research describes the Church Slavonic elements used in the language of the documents under study and also subdivides these elements into the etiquette, stylistic and text-forming types. The study also affirms the significance of discovering Church Slavonic elements in a thematically and genre-limited group of official documents within the mandative tradition. The conducted analysis helps to clarify how Church Slavonic means occurred in the official business language of the Petrine period and trace the mechanisms of their adaptation in the new linguistic space of state communication.

Key words: history of Russian literary language, mandative language, international legal document, Slavonic written language (Church Slavonic) means

For citation: Rusanova, S. V. Slavonic written language elements in the Muscovy international legal documents of the second half of the XVII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):109–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.774

REFERENCES

1. Viktorova, N. V. Observations on Slavic bookish and colloquial elements in epistolary business texts of the XVIII century. *Formation of the grammatical and lexico-phraseological system of the Russian language*. Magnitogorsk, 1992. P. 39–44. (In Russ.)
2. Vykhristyuk, M. V. The linguistic criteria of bookish and colloquial language in historical Russian philology. *Issues of history and philology*. Tobolsk, 2001. P. 130–132. (In Russ.)
3. Gorshkov, A. I. History of the Russian literary language. Moscow, 1969. 366 p. (In Russ.)
4. Zhivov, V. M. Language and culture in Russia of the XVIII century. Moscow, 1996. 591 p. (In Russ.)
5. Zamkova, V. V. Slavicisms as a stylistic category in the Russian literary language of the XVIII century. Leningrad, 1975. 224 p. (In Russ.)
6. Kudryavtseva, E. A. Business writing and book tradition: traits of continuity. *Vestnik NSU. Philology*. 2007;43:62–64. (In Russ.)
7. Maiorov, A. P. Slavic written language elements of different levels in business language of the 18th century. *The Buryat State University Bulletin. Philosophy*. 2018;2(4):24–32. DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-24-32 (In Russ.)
8. Maiorov, A. P. Essays on the vocabulary of regional formal documents of the XVIII century. Moscow, 2006. 263 p. (In Russ.)
9. Maiorov, A. P. Slavic language elements in the business language of the 1st half of the 18th century. *Philological Sciences*. 2009;4:29–37. (In Russ.)
10. Preferansov, S. A. Written and spoken lexis in official document of Tsaritsin town council (1784–1799). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2011;1(13):58–64. (In Russ.)
11. Remneva, M. L. Ways of development of the Russian literary language in the XI–XVII centuries. Moscow, 2003. 336 p. (In Russ.)
12. Rusanova, S. V. The verb *blagovolit'* (to favour) in regional memorandums of the XVIII century and in dictionaries (exemplified by Transbaikalian official writing). *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2014;3(45):188–189. (In Russ.)
13. Sabenina, A. M. *Stateiniye spiski* (thematic reports) and their significance for the history of the Russian language. *The Russian language. Sources for its study*. Moscow, 1971. P. 59–84. (In Russ.)
14. Semenov, P. A. Problem of classifying stylistic functions of Slavicisms (diachronic aspect). *Vestnik NSU. Humanities*. 1998;4. Available at: <http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/> (accessed 30.01.2022). (In Russ.)

Received: 21 February, 2022; accepted: 28 April, 2022

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской
академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

Рец. на кн.: Урванцева Н. Г. Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера: библиографический указатель / вступ. статья и науч. редактирование А. М. Пашкова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. – 176 с.

Для цитирования: Иванова Т. Г. Рец. на кн.: Урванцева Н. Г. Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера: библиографический указатель / вступ. статья и науч. редактирование А. М. Пашкова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. – 176 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 116–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.775

Предметом нашей рецензии является библиографический указатель «Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера», подготовленный преподавателем Института филологии Петрозаводского государственного университета Н. Г. Урванцевой.

Книга открывается добротной статьей профессора ИИПСН ПетрГУ А. М. Пашкова «Петр Великий и его эпоха в фольклоре Русского Севера: взгляд историка» (с. 9–32). Исследователь вводит читателя в проблематику одного жанра, в котором отразился образ Петра I, – преданий. Статья содержит необходимый исторический контекст: освещает в связи с устной памятью народа пребывание царя в Тотьме Вологодской губернии (1693), в Архангельске (1693, 1694), в Олонецком крае (1702, 1719, 1720, 1722, 1724). Весьма выразителен фрагмент статьи, посвященный крестьянину с. Нюхча кормщику Антипу Панову, спасшему жизнь Петра I и его спутников во время бури на Белом море в 1694 году. А. М. Пашков отсылает читателя к «Дневнику путешествия в Московское государство» английского посла Иоанна Георга Корба, к анонимной книге 1783 года «О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу...», к грамоте архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия, в которых документально описывается героическое поведение Антипа Панова. В форме предания, как указывает автор статьи, этот эпизод в жизни Петра I впервые изложен в книге И. И. Голикова «Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя» (М., 1796). Продемонстрировано, как в позднейших записях предания оно обрастает бродячими мотивами (царь дарит Антипу Панову свой кафтан). «Антип реальный уступает место Антипу фольклорному», – заключает исследователь (с. 20).

Равным образом в статье представлен исторический контекст предания «Остров Воротный» (направляясь по окончании тяжелого перехода по Осударевой дороге к крепости Орешек, Петр I в Повенце в 1702 году опрометчиво не помолился в местном соборе во имя апостола Петра, что стало причиной ветра, воспрепятствовавшего дальнейшему пути по Онежскому озеру; «верно, повенецкий Петр сильнее московского»); даются документальные сведения о Фаддее Блаженном, предсказавшем скорую кончину императору и ставшем героем устных преданий, и пр. Нельзя не согласиться с выводом А. М. Пашкова: «...на Русском Севере сложился огромный пласт исторических преданий о Петре I. Некоторые исследователи даже говорят о своего рода петровском эпосе – “Петриаде”» (с. 31).

Жанр библиографического указателя, естественно, не предполагает исторических комментариев. В связи с этим статья «Петр Великий и его эпоха в фольклоре Русского Севера: взгляд историка» оказывается в высшей степени уместной и полезной.

Указатель включает 420 библиографических описаний. Самые первые издания относятся к XVIII веку. Это книги Я. Я. Штелина «Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге» (М., 1787) и И. И. Голикова «Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого» (М., 1798), содержащие пересказы произведений устного характера. Последнее учтенное издание относится к 2021 году: издание трудов петрозаводского краеведа начала XX века В. П. Мегорского «“Петрозаводск при Петре Великом” и другие сочинения», подготовленное А. М. Пашковым и Б. В. Мегорским (№ 179).

Поисковые возможности библиографического указателя определяются его структурой, высветляющей разные стороны материала, включенного в книгу. Весь корпус библиографических

описаний разделен на два больших раздела: «Тексты и материалы» и «Исследования и статьи». Внутри этих разделов выделены рубрики «Прозаические жанры» (с жанровыми подрубриками «Сказки», «Предания», «Анекдоты») и «Песенные жанры» (с подрубриками «Былины», «Исторические песни», «Руны»). Таким образом, читатель, обратившийся к рецензируемому библиографическому указателю, получает возможность быстро найти сведения о текстах того жанра, который его интересует. Однако это не все поисковые возможности указателя. Каждая из жанровых подрубрик сформирована по географическому принципу. Соответственно исследователь легко находит сказки (предания, анекдоты, исторические песни и пр.), записанные в Архангельской губернии (Архангельской области), Вологодской губернии (Вологодской области), Олонецкой губернии (Карельской АССР, Республике Карелия), Ленинградской области. Самое беглое знакомство с названными географическими гнездами свидетельствует о том, что наибольшее количество книг и публикаций в периодических изданиях связано с преданиями, зафиксированными в Олонецком крае, – 167 библиографических описаний (с № 124 по 291). Предания, отражающие пребывание Петра I на Архангельской земле, зарегистрированы в 66 библиографических описаниях (с № 41 по 107); на Вологодчине – 15 (с № 108 по 123); в Ленинградской области – два библиографических описания (№ 292–293). Внутри географических гнезд материал сгруппирован отдельно по книгам и по периодическим изданиям, причем учитывается хронологическое расположение (XVIII, XIX, XX, XXI века). Библиографические описания имеют аналитический характер, то есть при описании каждого издания (книга или статья) называются конкретные тексты (с указанием страниц), связанные с образом Петра I. Без сомнения, это самая ценная сторона рецензируемого издания.

Следует также сказать, что в справочнике зарегистрированы библиографические сведения не только о произведениях русского фольклора, но и текстах карельской устной традиции – как в русском переводе, так и на языке-оригинале. Образцы карельских сказок о Петре I, указывает составитель, имеются в сборниках У. С. Конки «Карельские народные сказки» 1959 года (№ 16), «Карельские народные сказки (Южная Карелия)» 1967 года (№ 17) и «Карельские сказки» 1968, 1977, 1983 годов (№ 18–20). В сборнике «Карельское народное поэтическое творчество» В. Я. Евсеева, вышедшем в 1981 году, содержатся сказочные тексты (№ 21), а также ряд преданий (№ 154). Здесь же имеются карельские исторические песни «Король Карл и Петр I», «Петр I, кузнец и хозяин Выборга» и др. (№ 332). Учтены

в справочнике и другие карельские издания. Соположенная рядом с русскими изданиями, эта библиографическая информация будит исследовательскую мысль.

Поисковые возможности библиографического справочника удачно усиливаются целой системой вспомогательных указателей. В книге имеется «Указатель исполнителей» (с. 124–129), свидетельствующий, что фигура Петра I занимала творческое воображение таких известных олонецких сказителей, как Иван Аникиевич Касьянов, Кузьма Романов, Петр Иванович Рябинин-Андреев, Василий Щеголенок. Царь Петр был героем сказок Ф. П. Господарева и Ф. Н. Свинына. «Указатель собирателей, авторов книг и статей, составителей, редакторов и переводчиков» (с. 130–137) позволяет ориентироваться в этом ряду имен. Важное место среди вспомогательных указателей занимает «Указатель названий» (с. 138–149). При всей условности названий устно-поэтических произведений, посвященных Петру I, этот указатель направляет читателя в поисках сведений о публикации преданий на разные темы: о знаменитой Осударевой дороге, пребывании царя в Архангельске и Холмогорах, Гарницах и Сенной Губе, Каргополе и пр. Весьма выразителен блок названий топонимических преданий, начинающихся со слова «происхождение»: Происхождение названия города Вытегра; Происхождение названия деревни Дураково; Происхождение названия Соломбала и др. Среди вспомогательных указателей мы находим и «Указатель персонажей» (с. 150–155), в который попали и исторические лица (Баженин, владелец судостроительной верфи в архангельской деревне Вавчуга; Екатерина I, вторая жена царя, посещавшая с ним Петровские заводы; Иван Рябоев, открывший целебные Марциальные воды, и др.), и православные святые (Фаддей Блаженный, местночтимый святой Петрозаводска; Зосима Соловецкий; Илья-пророк, библейский персонаж, и др.), и безымянные герои (вытегоры, горшечник, раскольники и пр.). «Указатель географических названий» (с. 156–162) учитывает и названия местностей, где были записаны тексты, и имена локусов, попавших непосредственно в произведения фольклора. Имеются также «Предметный указатель» (с. 163–164) и «Указатель растений, животных, насекомых и птиц» (с. 165). Любопытную информацию для размышлений дает приложение «Предания о Петре I в газете “Олонецкие губернские ведомости” (1838–1905)» (с. 169–173). Словом, рецензируемый библиографический справочник стремится максимально объемно предоставить читателю путеводные нити в поисках необходимого материала.

По долгу рецензента позволим себе высказать несколько замечаний. Рассматриваемый библио-

графический справочник регистрирует многочисленные издания, включающие перепечатки текстов из изданий-предшественников. Например, авторитетные сборники Н. А. Криничной «Северные предания: Беломорско-Обонежский регион» (Л., 1978), «Легенды. Предания. Бывальщины» (М., 1989) и «Предания Русского Севера» (СПб., 1991) в значительной части состоят из републикаций материала XIX – начала XX века. На перепечатках текстов строятся и сборники С. Н. Азбелева «Народная проза» (М., 1992) и Б. Н. Путилова «Петр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни» (СПб., 2008). Одни и те же записи произведений о Петре I, таким образом, к настоящему времени напечатаны уже не один раз. В связи с этим хотелось бы видеть соответствующие ссылки на первую публикацию того или иного текста и его переиздания. Так, предание «Петр Первый и Преображенская церковь в Кижях» впервые было опубликовано в 1892 году в «Олонецких губернских ведомостях» (№ 219). В дальнейшем оно перепечатывалось в XX веке в сборниках Н. А. Криничной (№ 172, 156) и С. Н. Азбелева (№ 159). Таким образом, мы имеем не несколько вариантов этого предания, как можно было бы подумать исходя из «Указателя названий», а всего один текст данного устно-поэтического произведения. Второй вариант предания был опубликован в 1896 году в тех же «Олонецких губернских ведомостях» (№ 249). Предание Лисья (Лысая) Голова (о пороге на р. Свирь) в «Указателе названий» зарегистрировано 12 раз. Однако это не самостоятельные варианты предания, а один и тот же текст, записанный в 1872 году петрозаводским краеведом П. А. Минорским (№ 232). Тогда же это предание, как было принято в газетной практике, было перепечатано в «Виленском вестнике», «Рижском вестнике» и «Русском мире». В наше время текст предания вошел в сборники Н. А. Криничной (№ 156, 172), С. Н. Азбелева (№ 159), Б. Н. Путилова (№ 180, 181) и И. Райковой (№ 164).

Отметим еще один досадный просчет указателя. Составитель выделил жанровую под-

рубрику «Былины» (№ 327–331 и № 410–417 в разделе «Тексты и материалы» и № 418–420 в «Дополнениях»). Былинами предлагается считать пинежские тексты «Петр I на молебне в Благовещенском соборе» и «Жалоба солдат Петру I на князя Долгорукого» из сборника А. Д. Григорьева «Архангельские былины и исторические песни», вышедшего в 1904 году (№ 327), старину «Семейная жизнь Петра I», зафиксированную на Зимнем берегу Белого моря (№ 328, 331), сюжет «Бутман Колыбанович и царь Петр Алексеевич» (№ 414–420), записанный на реке Печоре, и др. Эти тексты, без сомнения, являются не былинами, а историческими песнями. Петр I, историческое лицо XVIII века, ни в коей мере не может быть героем былин, отражающих эпоху Киевской Руси. Кстати, укажем, что составителем оказалось пропущенным одно важное издание, в котором содержатся перепечатки песен о Петре Великом, записанных в том числе и на Русском Севере, – академическая антология «Исторические песни XVIII в.» (Л., 1971; издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов).

Замеченные недочеты ни в коей мере не умаляют достоинства рецензируемого библиографического справочника. Мы уже заметили, что это издание будит исследовательскую мысль, заставляет примерять материал, заключенный в нем, к родственным проблемам. Так, возникает желание получить аналогичный справочник о текстах о Петре I, записанных в Центральной России. Библиографический указатель «Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера», полагаем, может послужить моделью для создания подобного рода фольклорных справочников о таких исторических персонах, как Иван Грозный, Степан Разин, Емельян Пугачев. С книгой Н. Г. Урванцевой и А. М. Пашкова гуманитарная наука получила надежный путеводитель, который, без сомнения, будет востребован не только фольклористами, но и историками. Мы также надеемся, что книга станет моделью для разработки дальнейших библиографических форматов.

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 28.04.2022

Review

Tatiana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

The book review: Urvantseva, N. G. Peter the Great as a folklore hero of the Russian North: bibliographic index. (A. M. Pashkov, Introd., Ed.). St. Petersburg, 2021. 176 p.

For citation: Ivanova, T. G. The book review: Urvantseva, N. G. Peter the Great as a folklore hero of the Russian North: bibliographic index. (A. M. Pashkov, Introd., Ed.). St. Petersburg, 2021. 176 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):116–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.775

Received: 28 March, 2022; accepted: 28 April, 2022

ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА ЧЕРТКОВА

кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
eleon2005@yandex.ru

Рец. на кн.: Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / Под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2022. – 400 с.

Для цитирования: Чертова Е. Л. Рец. на кн.: Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / Под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2022. – 400 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 119–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.776

В современном мире на фоне потери интереса к конструированию образа будущего, и тем более к утопическим проектам существенно возрастает интерес к исследованию памяти. Среди множества работ, посвященных феномену памяти, данная книга выделяется точно обозначенным в названии аспектом исследования – взаимодействии индивидуальной и коллективной памяти в цифровую эпоху, в контексте становления цифровой цивилизации и глобализации и вызванных этим трансформаций в жизни человека и общества. Происходящие в наше время изменения настолько глубоки, что все больше оснований говорить о феномене современной антропологической революции как следствии этих изменений. В информационном потоке, захлестывающем сознание современного человека, становится все труднее сохранять целостность и критичность восприятия мира и себя в нем, осознавать свою личностную и социальную идентичность. Этим можно объяснить и рост исследований памяти в современной литературе [2], широко представленной в данной книге.

Монография состоит из пяти глав, содержащих по несколько параграфов, и приложения, представляющего отчет по итогам социологического исследования «Отечественная история в коллективной памяти россиян: межпоколенческий аспект». Значительный интерес вызывает проблематизация понятия «коллективная память», содержание которого не является столь очевидным и привычным, как память индивидуальная. Как проявляется и какими средствами фиксируется и опредмечивается коллективная память? Как взаимодействуют эти два вида памяти? Ключ к пониманию этого взаимодействия предлагается во Введении, и им является понятие идентичности:

«...главной точкой их пересечения становится понятие идентичности – в то время как память лежит в основе личностной идентичности, коллективная память скрепляет идентичности сообществ» [1: 9].

Для понимания влияния виртуальной реальности на индивидуальную память важно указанное В. А. Лекторским в главе 1 разделение памяти на два подвида: память как следы прошлых событий в виде знаний, умений, навыков, используемых для решения текущих задач, и присущая только человеку память-воспоминание, существующая одновременно и в прошлом, и в настоящем. Первый вид памяти конституирует психику человека, тогда как второй создает основу его личностной самоидентификации в качестве «Я». Коллективная идентичность также невозможна без памяти-знаний (язык, система накопленных знаний и умений, обычаев, норм, правил, процедур и т. д.) и памяти-воспоминаний о пережитых событиях, сохраняющихся в устных рассказах или зафиксированных в текстах, изображениях, памятниках и т. д.

В новой социально-культурной реальности и социальная, и индивидуальная идентичности подвергаются существенным изменениям, порою деструктивным деформациям, и такое различие двух видов памяти помогает лучше понять, как связаны воздействия глобализации и цифровизации с трансформациями индивидуальной и коллективной памяти и, соответственно, индивидуальной и коллективной идентичности, какие опасности существуют для целостности личности и единства общества, для сохранения свободы и суверенитета. Авторы книги показывают различные пути и способы воздействия на индивидуальную и коллективную память, прямые и косвенные вмешательства в мнемоническую информацию и ее внешние носители, чреватые их сознательным или стихийным разрушением.

Вслед за различием индивидуальной и коллективной памяти естественно встает эпистемологический вопрос о способах и методах их исследования, чему посвящена глава 1 (§ 1.2). Насколько правомерно использовать один тер-

мин «память» применительно к таким разным как по составу, так и по генезису феноменам? Опираясь на концепции идеального Э. В. Ильенкова, «пространства смыслов» У. Сэлларса, «третьего мира» К. Поппера, выражающих идею коллективного знания и коллективной памяти в наиболее чистом виде, автор данного параграфа Е. О. Труфанова убедительно показывает, что на более глубинном уровне эти два вида памяти образуют неразрывное единство, что позволяет изучать их на одной методологической основе. В качестве объединяющих понятий при исследовании индивидуальной и коллективной памяти она использует такие понятия, как идентичность и нарратив. Единая методологическая основа создает возможность междисциплинарного исследования индивидуальной и коллективной памяти в эпистемологии, психологии, когнитивных науках и философии сознания, с одной стороны, и комплекса социогуманитарных дисциплин (истории, политологии, социологии, филологии) – с другой. Междисциплинарное взаимодействие обнаруживает свою продуктивность, например, при исследовании кризисов идентичности, что одинаково важно и для человека, и для общества.

Завершается эпистемологический анализ понятий индивидуальной и коллективной памяти анализом проблемы коллективной памяти и телесности (§ 1.4). Р. Ю. Сабанчеев исходит из понимания тела как культурного концепта, «телесной реальности», воплощающей исторически определенный образ человека, и показывает, что коллективная память существует не только в текстах и речевой коммуникации – она реализуется в телесных практиках, зафиксированных в традициях и передающихся посредством подражания, в которых закрепляется идентичность социальных групп, телесного воплощения коллективной памяти.

Философско-эпистемологический анализ проблемы послужил основой для рассмотрения практико-политических аспектов, в том числе политической и исторической памяти. В главе 2 («Коллективная память и история») коллективная идентичность рассматривается в ее связи и взаимодействии с историческим знанием, разбираются механизмы его включения в историческую память. Наиболее явно конфликты памяти проявляются как противостояние разных мировоззренческих ориентаций, поколенческих предпочтений, политических воззрений и т. д. В настоящее время резко обостряются проблемы соотношения памяти и истории, что находит выражение в усилении политики памяти как способе управления коллективной памятью.

История как специализированный способ получения и трансляции знаний о прошлом

по определению призвана постоянно уточнять и углублять эти знания, руководствуясь целями и методами, принятыми в науке. Но поскольку коллективная память включает в себя не только фактические знания, но и их интерпретацию, оценку по степени значимости, осмысление в целостном контексте жизни общества, то уже в сознании историка происходит процесс интеграции нового знания в индивидуальную и коллективную память. Коллективная память более консервативна, медленнее меняется, и исторические знания образуют важную, но все же только часть коллективной памяти. Сам историк является носителем как индивидуальной, так и коллективной памяти, и потому его трактовка исторических событий и фактов неизбежно выражает и его ценности и эмоции, воплощенные и в коллективной памяти, что также служит основой включения исторической памяти в коллективную. Рассматриваются связи истории, памяти и забвения, а также понятие «долга памяти» как выражающего вопрошание о прошлом с позиции настоящего. В «долге памяти» сконцентрированы этические и политические проблемы включения прошлого в коллективную память и гармонизации расхождений, возникающих между историей и коллективной памятью, способных привести к обострению социальных конфликтов. М. М. Федорова, автор первого параграфа данной главы, показывает, что

«история имеет преимущество над коллективной памятью с эпистемологической точки зрения, поскольку результаты исторических исследований обоснованы в соответствии с методологическими стандартами, принятыми в научном сообществе историков <...> В противостоянии памяти и истории история важна именно своей способностью к критической рефлексии, к отказу от абсолютизации, характерной для коллективной памяти» [1: 91].

Исторические исследования формируют более целостные и всесторонние взгляды на известные факты и события, что способствует поиску путей для примирения «войн памяти» и содействует консолидации противостоящих социальных групп. Как совершенно верно заключает во втором параграфе этой главы Е. О. Труфанова, если коллективная память объединяет отдельные социальные группы, то история может консолидировать сообщество более крупного масштаба.

Коллективная память представлена также как неотъемлемая часть памяти политической и культурной, чему посвящена глава 3. В ней рассматриваются вопросы трансформации локальных и национальных идентичностей в глобализирующемся информационном обществе. Доступность различной, нередко противоречивой информации об историческом прошлом с множеством интерпретаций, интенсивная ком-

муникация с представителями иных культур, иных укладов и жизненных принципов разрушают монополию государства на формирование коллективной памяти своих граждан, а значит, и их коллективной идентичности. Процессы переосмысления народами и нациями своего места в историческом процессе приобретают в настоящее время весьма агрессивные формы, направленные на изменение коллективной памяти вплоть до разрушения ее материальных символов ради реконструкции исторического прошлого в целях и интересах настоящего времени.

М. С. Стычинский обращает внимание на роль механизмов забвения и мемориализации в преодолении кризисов коллективной идентичности на уровне национальных государств и межгосударственных отношений и ставит вопрос: не приведет ли процесс глобализации к созданию новой, глобальной идентичности всемирного человечества? И дает вполне определенный ответ:

«...“глобальная идентичность” или идентичность на уровне “человечество” может подлинно оформиться только в условиях наличия чего-то внешнего по отношению к нему, например, угрозы уничтожения всего человечества» [1: 97].

Историческая память наделяется задачами и функциями памяти политической, а прошлое стало серьезным символическим ресурсом. Таким в данное время является у нас память о победе русского народа в Великой Отечественной войне. Политическая память как процесс, основанный на идеологических установках, обеспечивающих легитимацию политического режима, рассматривается в § 3.2 главы 3. М. И. Суханова, автор этого параграфа, показывает, что, когда к истории апеллируют политики, она становится политической памятью, а политика – исторической. Ключевым элементом исторической политики является официальный исторический нарратив – принятая на государственном уровне модель интерпретации истории нации. В качестве инструмента исторической политики рассматривается коммеморация, одной из задач которой является отбор эпизодов прошлого, подлежащих воспоминанию или забвению в целях легитимации политического режима. Важно различение двух типов социальной памяти – коммуникативной и культурной и их роли в сохранении устойчивости политической памяти под влиянием информационного воздействия.

На фоне распространения технократического мировоззрения и узко утилитарного отношения к науке и ученым привлекает внимание предпринятое в § 3.3 главы 3 исследование структуры и смыслов коллективной памяти профессионального дисциплинарного сообщества и их трансформаций в условиях цифровой среды. Рассмотрено взаимодействие надличностного

и межличностного в организации и функционировании коллективной памяти. А. Ф. Яковлева анализирует концепции коллективной памяти в науке и приходит к выводу о содержательной неопределенности этого понятия, когда историческая, коллективная, социальная, культурная памяти используются как синонимы. Она предлагает свое определение памяти научного сообщества:

«...постоянно трансформирующийся образ прошлого научной дисциплины, сформированный с помощью трансляции, в том числе с использованием нарратива, передаваемый от одних членов сообщества другим <...> в контексте межличностных взаимодействий» [1: 167].

Для науки камнем преткновения всегда было сочетание индивидуальной и коллективной памяти и идентичностей, а в современной «большой» науке с ее коллективно-корпоративным типом организации их взаимодействие и определение понимания научного сообщества как субъекта познавательной деятельности значительно усложняются. Специально рассмотрен вопрос трансформации коллективной и индивидуальной памяти научного сообщества под влиянием цифровизации. Одно существенное следствие – усиление горизонтальных связей в науке благодаря online-взаимодействию ученых, что создает возможность превращения науки во всеобщий труд, что еще в XIX веке К. Маркс считал определяющим сущность науки. Показана ключевая роль социально-политического контекста функционирования научного сообщества, являющегося объектом как внутреннего самоопределения, так и внешнего управления и манипуляций. Рассматриваются коммуникативные и культурные слои коллективной памяти в контексте истории научного сообщества, становления и развития современной системы организации науки. Прослеживается неразрывная связь памяти, идентичности и травмы в качестве конституирующих факторов сообщества, роль профессиональных норм, ценностей, моделей поведения и научных идей как основы самоидентификации сообщества ученых. Среди травм, несомненно, выделяется нарушение принципа уважения и доверия к науке и ее субъектам, что влечет разрушительные последствия как для самой науки, так и для общественного доверия к этому институту. Наглядным примером служит предпринятая в 2013 году реформа Академии наук РФ. Автором ставится вопрос и о необходимости методологической проработки подходов к изучению коллективной памяти научного сообщества как мнемоники.

В главе 4 коллективная память, как один из наиболее значимых ресурсов формирования национально-государственной идентичности, рассматривается в перспективе ее использова-

ния государствами в качестве «мягкой силы» в международных отношениях для смягчения последствий явных или скрытых межгосударственных конфликтов. Обозначены основные политико-философские идеи, переосмысливающие силовые практики, лежащие в основе использования коллективной памяти в стратегиях «мягкой силы». Благодаря такой политике в международных отношениях «войны памяти» могут быть вытеснены «играми памяти» или даже «альянсами памяти», апелляцией к совместному историческому опыту, поиском единых культурных и ментальных оснований.

В целях конкретизации темы коллективной памяти в условиях социальной, культурной, ценностной конфликтности в геополитической ситуации современного мира рассматриваются предпосылки и возможности формирования новых интерпретаций национальной истории внерегиональными акторами. Предлагается плюралистическая интерпретация мемориальной культуры, показывается ее немонолитность, борьба различных нарративов и мнемонических акторов, что предполагает необходимость реформирования коллективной памяти на более плюралистической основе, выстраивание общенациональной коллективной памяти как более инклюзивной мемориальной культуры. Не могу не согласиться с выводом Д. Э. Летнякова:

«...общество конституировано как целое не столько одинаковыми ответами людей на базовые вопросы социального бытия, сколько набором самих этих вопросов, содержанием дискуссий, релевантных данному обществу и никакому другому» [1: 199].

Последний параграф главы можно рассматривать как иллюстрацию трудных поисков общей коллективной памяти в исторически нестабильном, культурно и этнически неоднородном регионе Центральной Азии, когда в отсутствие сформированной инклюзивной коллективной памяти главная роль достается «внешним» политическим игрокам (Китаю, Индии, Ирану и Турции), навязывающим свои исторические нарративы.

Глава 5 является логическим завершением книги, закольцовывает общую тему монографии, возвращая нас к вопросу о цифровых трансформациях индивидуальной и коллективной памяти. Главным героем здесь является «цифровое поколение», особенности путей формирования и способов функционирования его исторической памяти; анализируется поколенческий разрыв между «цифровым» и «доцифровым» поколениями (§ 5.1) и трансформация индивидуальной и коллективной памяти в условиях цифровизации (§ 5.2).

Поколенческий подход играет здесь роль не столько маркера, сколько инструмента для обо-

значения основного вектора развития коллективных представлений и воспоминаний, формирующих коллективную память. Если на культурном уровне коллективной памяти новое поколение во многом вбирает в себя воспоминания предыдущих, то на коммуникативном уровне формируются черты, отличающие «цифровое» поколение от предыдущих. М. М. Федорова и А. П. Романова проводят в данном параграфе различие между социологическим и демографическим понятиями поколения (в соответствии с первым поколением возникают в результате качественных, радикальных изменений в обществе) и показывают, что «цифровое» поколение возникло на почве радикальной, революционной смены способов производства, передачи и хранения информации. При этом изменения затронули глубинную личностную структуру, субъективность. Как замечают авторы, изменяется

«место субъекта в социальной жизни. Субъект становится публичным и анонимным одновременно, более того – в общественном мнении он наделяется функциями творца» [1: 222].

Образуется параллельный виртуальный мир со своими виртуальными сообществами, внутри которых формируется своя коллективная память, основанная не только на реальных, но и виртуальных событиях, что ведет к появлению новой виртуальной идентичности. Как отмечают М. М. Федорова и А. П. Романова,

«поколение “цифры”, родившееся в постсоветское время, формально существующее в одном времени и пространстве с предыдущим поколением, формирует свое общекультурное поле на базе новой виртуальной реальности» [1: 223].

В связи с поколенческим подходом и особенностями идентификации «цифрового» поколения представляет интерес вопрос о связи памяти и рефлексии и реставрирующей ностальгии. Ностальгия по советскому, делают важный вывод авторы, обусловлена

«мировоззренческими трансформациями, связанными с социальной неудовлетворенностью текущим положением и угасшей надеждой на быструю реализацию социальных ожиданий еще и потому, что в обществе отсутствуют альтернативные проекты перспектив общественного развития, которые могли бы стать действенной основой консолидации российского общества» [1: 245].

В завершающем главу параграфе основательно рассмотрены проблемы индивидуальной и коллективной памяти и их трансформации в условиях цифровизации, наиболее важные для существования человека. Раскрывая новые возможности, появляющиеся в связи с внедрением в жизнь цифровой памяти, В. А. Лекторский в то же время показывает, как массив записей в цифровой памяти может не помогать,

а мешать осмысленному и самостоятельному принятию решений, ограничивать пространство свободы и творчества. В параграфе обстоятельно разбираются парадоксы памяти и их новое, неожиданное проявление в цифровую эпоху. Прослеживая эти изменения, автор демонстрирует, какие новые проблемы и опасности подстерегают человека с оцифрованной памятью и как другие люди могут использовать ее, как можно, произвольно комбинируя разные следы памяти, манипулировать человеком и разрушать его индивидуальную память и идентичность. Более того, и сам индивид может оказаться в плену своей отчужденной от его личности памяти, оторванной от контекста его живой жизни. В связи с этим особенно важным представляется проделанный В. А. Лекторским сравнительный анализ работы памяти как центра сознания и идентичности, «живой памяти», включенной в процессы истории человека и его текущей деятельности, и оцифрованной, «мертвой» памяти. «Мертвая» память – это знаки, лишенные смысла, способные, однако, реально влиять на «живую» память и основанную на ней идентичность. В. А. Лекторский подчеркивает, что

«необходимой предпосылкой существования индивидуальной и коллективной идентичности <...> является память о неких смыслах и событиях» [1: 268] (ключевым словом является смысл, понимание которого требует учета контекста).

И здесь встает важная для данной книги проблема – долг памяти и право на забвение, решение которой необходимо для сохранения

единства личной и коллективной идентичности. В. А. Лекторский раскрывает неразрывную связь запоминания и забвения, обращает внимание на возникшую в цифровую эпоху опасность «вечной памяти», лишенной забвения, и показывает, сколь серьезную угрозу она несет для человеческой автономии и самой человеческой сущности. Не могу не процитировать заключительные слова книги: «Глобальная цифровизация – это экзистенциальный вызов, взламывание важнейших оснований жизненного мира человека. От ответа на этот вызов зависит его будущее» [1: 271]. Этот главный философский вывод показывает всю актуальность и важность рассматриваемых в книге проблем.

Данное исследование вносит свой вклад и в современную дискуссию о роли технологий в жизни общества, о технологическом «улучшении» человека, о путях рождающейся на наших глазах новой цивилизации, ее невиданных возможностях и серьезных опасностях. Проблема памяти как фундамента индивидуальной и коллективной идентичности представляется в этом контексте важнейшей. Переживаемые памятью трансформации доказывают правоту предостережения Хайдеггера о том, что

«в самом злом плену техники мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу» [3: 221].

Полагаю, что эта книга проливает новый свет на поставленные проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / Под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой А. Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2022. 400 с.
2. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: Коллективная монография / Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб, 2020. 632 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. С. 221–238.

Поступила в редакцию 15.02.2022; принята к публикации 22.04.2022

Review

Elena L. Chertkova, Cand. Sc. (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
eleon2005@yandex.ru

The book review: Individual and collective memory in the digital age: Collective monograph. (E. O. Trufanova, N. N. Emelyanova, A. F. Yakovleva, Eds.). Moscow, 2022. 400 p.

For citation: Chertkova, E. L. The book review: Individual and collective memory in the digital age: Collective monograph. (E. O. Trufanova, N. N. Emelyanova, A. F. Yakovleva, Eds.). Moscow, 2022. 400 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):119–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.776

REFERENCES

1. Individual and collective memory in the digital age. (E. O. Trufanova, N. N. Emelyanova, A. F. Yakovleva, Eds.). Moscow, 2022. 400 p. (In Russ.)
2. Politics of memory in contemporary Russia and the countries of Eastern Europe. (A. I. Miller, D. V. Efremenko, Eds.). St. Petersburg, 2020. 632 p. (In Russ.)
3. Heidegger, M. The question concerning technology. *Heidegger, M. Being and time*. Moscow, 1993. P. 221–238. (In Russ.)

Received: 15 February, 2022; accepted: 22 April, 2022

CONTENTS

Editorial note	7	WORLD HISTORY	
RUSSIAN HISTORY		<i>Samoylov N. A.</i>	
<i>Voronin A. V., Gaynutdinov R. K., Samorodov V. N.</i>		CHINESE VECTOR OF PETER THE GREAT'S FOREIGN POLICY	69
FORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD IN THE EUROPEAN ARCTIC AND DEVELOP- MENT OF POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF ABRAMIUS PALITSYN	8	<i>Shchepkin V. V.</i>	
CELEBRATING THE 350th BIRTH ANNIVERSARY OF PETER THE GREAT		THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN MEIJI JAPAN	80
<i>Minaeva T. S., Khrebtov N. A.</i>		<i>Kharitonova A. M.</i>	
PARTICIPATION OF MILITARY PERSONNEL IN CUSTOMS SUPERVISION IN RUSSIA IN THE LATE XVII ANE THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURIES.	18	FORMATION OF THE VIETNAMESE REPRESENTATIONS ABOUT PETER THE GREAT IN VIETNAMESE-LANGUAGE EDUCATIONAL RESOURCES	90
<i>Pashkov A. M.</i>		LITERARY STUDIES	
TWO-CENTURY ANNIVERSARY OF PETER THE GREAT IN THE CORRESPONDENCE OF METROPOLITAN HISTORIANS AND PETRO- ZAVODSK LOCAL HISTORIANS.	28	<i>Guryeva A. A.</i>	
<i>Andreeva E. G., Lankova E. V., Maiatskii D. I.</i>		RUSSIAN TZAR PETER THE GREAT IN RE- CORDS OF LITERARY JOURNEYS BY SOUTH KOREANS	96
THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN WEB AND POPULAR SCHOLARLY LITERATURE IN CHINESE AND ENGLISH	43	LINGUISTICS	
<i>Gargyants M. G.</i>		<i>Vasilieva O. V.</i>	
SOVIETIZATION OF PETER THE GREAT IN ALEKSEY TOLSTOY'S PLAY "ON THE RACK": SEARCH FOR A MARXIST CONCEPT OF THE TSAR	52	LEXEME <i>LEATHER</i> AND ITS DERIVATIVES IN THE DICTIONARY OF THE EVERYDAY RUS- SIAN LANGUAGE OF MOSCOW RUSSIA	102
<i>Staritsyn A. N.</i>		<i>Rusanova S. V.</i>	
SETTLEMENT OF THE VYG'S SUZEMOK BY OLD BELIEVERS	59	SLAVONIC WRITTEN LANGUAGE ELEMENTS IN THE MUSCOVY INTERNATIONAL LEGAL DOCUMENTS OF THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY	109
		Reviews	
		<i>Ivanova T. G.</i>	
		The book review: Urvantseva, N. G. Peter the Great as a folklore hero of the Russian North: bibliogra- phic index	116
		<i>Chertkova E. L.</i>	
		The book review: Individual and collective memory in the digital age: Collective monograph	119

ПЕТР ВЕЛИКИЙ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ОТКРЫТИЯ

В книге опубликованы материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России», состоявшейся в Институте российской истории РАН 17–19 мая 2022 года. Вниманию читателей представлены новые сведения по самому широкому кругу вопросов внешней и внутренней политики, военному делу, экономике и культуре эпохи Петра Великого. Издание предназначено для специалистов-историков, аспирантов и студентов.

Одним из авторов сборника является профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ, д. и. н. А. М. Пашков.

Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения: Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. / отв. ред. В. Н. Захаров. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 768 с.

И. М. Гостев

ПЕТР I В АРХАНГЕЛЬСКЕ события, реликвии и историческая память

Книга содержит уточненные сведения о трех приездах Петра I в Архангельск и событиях, непосредственно связанных с реализацией его замыслов по созданию российского военно-морского и торгового флота, развитию промышленности и обороне Русского Севера. Прослеживаются судьбы многочисленных материальных свидетельств, которые оставались на Севере после посещения его царем.

Издание богато иллюстрировано гравюрами, рисунками и фотографиями, адресовано как историкам, преподавателям, студентам вузов, так и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

Гостев И. М. Петр I в Архангельске: события, реликвии и историческая память / И. М. Гостев; Архангельский краеведческий музей. – Архангельск; М., 2022. – 304 с.

Н. Г. Урванцева

ПЕТР ВЕЛИКИЙ КАК ФОЛЬКЛОРНЫЙ ГЕРОЙ РУССКОГО СЕВЕРА

В библиографическом указателе предпринята попытка собрать, выявить и систематизировать сведения о сказках, исторических преданиях, легендах, анекдотах, былинах, исторических песнях и рунах об императоре Петре I в фольклоре народов Севера. В настоящем издании учтены материалы, опубликованные в отечественной печати на русском языке с XVII века по сентябрь 2021 года. Собранные воедино из разных библиографических источников, библиотечных фондов и каталогов книги, монографии, сборники статей и периодические издания дают представление об отражении образа Петра I в фольклоре на территории Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей, в Республике Карелия и в Республике Коми.

Издание адресовано фольклористам, этнографам, историкам, краеведам, преподавателям, работникам музеев, библиотек, а также всем, кто интересуется фольклором Русского Севера.

Урванцева, Н. Г. Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера : библиографический указатель / Н. Г. Урванцева ; [вступительная статья и научное редактирование А. М. Пашков ; подготовка вспомогательных указателей Н. Г. Урванцевой]. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2021. – 176 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В коллективной монографии анализируются эпистемологические, культурные, политические и социальные аспекты индивидуальной и коллективной памяти и вызовы, создаваемые памяти процессами цифровизации. Авторы предлагают комплексный взгляд на проблемы индивидуальной и коллективной памяти в контексте технологических и социальных трансформаций современности. Представлены теоретико-методологический анализ проблем памяти с философской, политологической и культурологической точек зрения, а также результаты социологического исследования коллективной исторической памяти россиян.

Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография / Авт.: Н. Н. Емельянова, В. А. Лекторский, Д. Э. Летняков, А. В. Рогов, А. П. Романова, Р. Ю. Сабанчеев, М. С. Стычинский, М. И. Суханова, Т. В. Сяпина, Е. О. Труфанова, М. М. Федорова, А. Ф. Яковлева / Под ред. Е. О. Труфановой (отв. ред.), Н. Н. Емельяновой, А. Ф. Яковлевой. – М.: Аквилон, 2022. – 400 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

